

ВЕСТНИК МГЛУ

СЕРИЯ 1
ФИЛОЛОГИЯ

№ 2 (93) / 2018

Серия основана в декабре 1996 года

Редакционная коллегия:

Л. А. Тарасевич (*главный редактор*),
З. А. Харитончик (*зам. главного редактора*),
П. В. Васюченко, Т. П. Карпилович, С. Е. Кунцевич,
Г. Ф. Лепесская, Л. М. Лещёва, В. В. Макаров, А. А. Романовская,
О. А. Судленкова, Л. А. Тарасевич

*Журнал «Вестник МГЛУ. Серия 1. Филология»
включен Высшей аттестационной комиссией
в перечень научных изданий Республики Беларусь
для опубликования результатов диссертационных исследований*

СОДЕРЖАНИЕ

Проблемы общего и типологического языкознания

<i>Глазко П. П.</i> Константные и контрастивные признаки структурно-семантической организации жанра эссе в различных типах дискурса	7
<i>Книга Ю. А.</i> Гендерный аспект языковой игры в юмористическом дискурсе (на материале американского ситкома «Scrubs»)	13
<i>Литвинович А. Г.</i> Каузативность как общелингвистическая категория	20
<i>Михалькова Н. В.</i> Семантические модели значений квантитативных единиц в белорусском и китайском языках	26
<i>Сысоева Т. А., Тараканова М. М.</i> Анонс телепередачи: динамика медиажанра	32
<i>Шевцова А. К.</i> Коммуникативно-прагматическая направленность статусов в социальных сетях (на материале белорусского, русского и английского языков)	39
<i>Шилей Е. В.</i> Наименование организации как фактор установления контакта между организацией и внешней целевой аудиторией	47

Романское и германское языкознание

<i>Долматова Е. Д.</i> Акустические характеристики аллофонического варьирования шумных согласных в спонтанной речи носителей и неносителей английского языка	59
<i>Змудяк Г. А.</i> Тактики речевого общения в телеинтервью (на материале французского языка)	67
<i>Кохнович Т. К.</i> Самопохвала и самопорицание как языковое выражение личности (на материале современного немецкого языка)	75
<i>Ломовая А. В.</i> Специфика языковой компрессии в английских предложениях с деноминативными глаголами	81

Исследования славянских языков

<i>Васильева Т. Ю.</i> Человек в отражении отантропонимных ойконимов Белорусского Поозерья	90
--	----

Проблемы прикладной лингвистики

Бусел Т. В. Машинный перевод: проблемы и перспективы 96

Литературоведение

<i>Кудрявцева И. К.</i> Роман П. Тейлора «В Теннесси» в контексте жанровой парадигмы романа о художнике	104
<i>Лапцёнак І. Б.</i> Рэцэпцыя творчасці Янкі Маўра ў літаратурнай крытыцы 20–30 гг. XX стагоддзя	112
<i>Маркелова А. А.</i> Этнокультурный потенциал символов зоонимического характера в поэзии Василия Симоненко	119
<i>Янкута Г. В.</i> Фемінісцкае пераасэнсаванне чароўнай казкі ў рамане М. Этвуд «Нявеста-рабаўніца»	125
<i>Наши авторы</i>	135

CONTENTS

General and Typological Linguistics

<i>Hlazko P. P.</i> The Constant and the Contrastive Features of the Semantic Structure of an Essay in Different Types of Discourse	7
<i>Kniga Yu.</i> Gender Aspect of Language Play in Humorous Discourse (Based on Sitcom “Scrubs”)	13
<i>Litvinovich A. H.</i> Causativity as a General Linguistic Category	20
<i>Mikhalkova N. V.</i> Semantic Models of Lexical Meaning of Quantitative Units in the Belarusian and Chinese Languages	26
<i>Sysoyeva T. A., Tarakanova M. M.</i> Printed TV Preview: Media Genre Development	32
<i>Shevtsova A.</i> Communicative-Pragmatic Potential of Statuses in Social Networks (in the Belarusian, Russian and English Languages)	39
<i>Shylei, A. V.</i> The Company’s Name as A Factor for Contact Establishment Between a Company and its Target Audience	47

Romance and Germanic Linguistics

<i>Dolmatova E. D.</i> Acoustic Characteristics of Allophonic Variation of Obstruents in Spontaneous Speech of Native and Non-Native Speakers of English	59
<i>Zmudiak G. A.</i> Communication Television Interview Tactics (Based on the French Language)	67
<i>Kokhnovich T. K.</i> Self-Praise and Self-Reprimand as a Language Expression of a Personality (on the Material of Modern German)	75
<i>Lomovaya A. V.</i> The Specificity of Language Compression in English Sentences with Denominal Verbs	81

Slavonic Languages

<i>Vasilieva T. Y.</i> Man According to the Anthroponymous Oykonyms of the Belarusian Poozerye	90
--	----

Applied Linguistics

<i>Busel T. V.</i> Machine Translation: Problems and Prospects	96
--	----

Studies in Literature

<i>Kudriavtseva I. K.</i> «In the Tennessee Country» by P. Taylor Within the Genre Paradigm of an Artist's Novel	104
<i>Laptsionak I. B.</i> Reception of Janka Maur Creative Work in the Literary Criticism of the 1920–30s.....	112
<i>Markelova A.</i> Ethnocultural Potential of Symbols of Zoonimic Character in the Poetry of Vasyl Symonenko.....	119
<i>Yankuta H.</i> Genre Peculiarities of the Novel the Handmaid's Taly by M. Atwood	125
<i>Our authors</i>	135

ПРОБЛЕМЫ ОБЩЕГО И ТИПОЛОГИЧЕСКОГО ЯЗЫКОЗНАНИЯ**П. П. Глазко****КОНСТАНТНЫЕ И КОНТРАСТИВНЫЕ ПРИЗНАКИ
СТРУКТУРНО-СЕМАНТИЧЕСКОЙ ОРГАНИЗАЦИИ ЖАНРА ЭССЕ
В РАЗЛИЧНЫХ ТИПАХ ДИСКУРСА**

Современные условия протекания коммуникации между людьми во всей совокупности ее постоянных сложных и разнонаправленных преобразований привели к дефрагментации жанровой системы. С этим связана одна из главных задач генристики, а именно уточнение параметров моделирования и дифференциации жанров, установления их стержневых и факультативных характеристик.

В результате логико-семантического и сопоставительного анализа жанра эссе, функционирующего в академическом и медийном типах англоязычного дискурса, были установлены ядерные (*постановка проблемы, тезис, аргумент, иллюстрация*) и периферийные (*фон, событие, введение, заключение, авторский комментарий, итог, тенденция, решение проблемы*) компоненты его суперструктуры, а также выявлены сходства и различия в способах вербализации этих семантических компонентов в поверхностной структуре текста.

Проблемы межжанровой дифференциации и внутрижанровой вариативности являются одними из ключевых для современной генристики. Всепроникающие процессы глобализации и дигитализации обусловили появление новых сфер коммуникации, в частности, электронной коммуникации; размывание канонов речевых жанров с тенденцией к жанровой гибридизации и функционированию нескольких моделей реализации одного жанра; нивелировку национальной специфики жанров [1, с. 3]. Данные глубинные качественные преобразования жанровой картины свидетельствуют об актуальности изучения ядерных, устойчивых характеристик жанров в рамках когнитивно-коммуникативной исследовательской парадигмы, отражающей закономерности мыслительной деятельности по созданию речевого произведения и ориентированной на выявление существующих в коллективном сознании моделей и принципов построения речевых жанров.

Учитывая специфику данного подхода и принимая во внимание его комплексный характер, представляется целесообразным разграничить такие понятия, как *дискурс, текст, функциональный стиль и речевой жанр*. В настоящем исследовании дискурс понимается нами как процесс использования языка в когнитивно-речевой деятельности, фиксируемой в виде текста [2]. В процессе запечатления дискурса в тексте первый подвергается двухступенчатой «фильтрации» разной степени плотности – функционально-стилистической и жанровой. Сначала функциональным стилем в общем и целом определяется, какие языковые средства будут наиболее эффективными для достижения коммуникативной цели в рамках определенной сферы общения. Далее на уровне жанров на результаты дискурсивной деятельности накладываются дополнительные ограничители с учетом более узкой сферы

общения / конкретной ситуации и частной коммуникативной задачи, которые и определяют форму текста и характерное для нее языковое наполнение. Иными словами, основополагающим при определении речевого жанра является понятие формы, или структуры.

В этой связи особый интерес представляет изучение структурных параметров речевого жанра эссе, определяемого лингвистами как «блуждающая сущность», жанр, характеризующийся бесструктурностью, голографичностью [3], свободный от структурных ограничений и опирающийся исключительно на авторское субъективное видение проблемы [4, с. 22]. С этим, по всей вероятности, связаны убеждения некоторых исследователей в том, что эссе может быть оформлено в виде дневника, письма, воспоминания, рассказа [5] и обладает потенциалом композиционного совмещения разных жанров в рамках одного произведения [6, с. 13].

Принимая утверждение о том, что «интенциональной доминантой эссе является намерение автора передать личный опыт осмысления феноменов окружающей действительности» [7, с. 36], а также разделяя мнение о принятии в качестве ключевых характеристик эссе фокусирование внимания на осмыслении важнейших концептов культуры, преимущественное использование функциональных речевых форм описания и рассуждения, а также индивидуальный авторский выбор языковых средств и способ презентации материала читателю [Там же], мы все же полагаем, что они не могут быть надежными параметрами моделирования речевого жанра, поскольку во многом являются результатом субъективного восприятия текста читателем. Именно поэтому в качестве жанрообразующего и жанроидентифицирующего параметра мы предлагаем рассматривать структуру. Под структурой в данном случае мы понимаем семантическую структуру, или суперструктуру, предложенную Т. ван Дейком для анализа новостных текстов и использованную в дальнейшем при анализе различных речевых жанров [8]. Методика выявления структуры и ее компонентов была описана нами применительно к жанру эссе, функционирующему в медийном и академическом англоязычном дискурсе [9]. Таким образом, целью настоящего исследования является выявление констант (ядерных компонентов) и переменных в семантической организации жанра эссе различной дискурсной принадлежности.

В результате логико-содержательного и сопоставительного анализа было установлено, что суперструктура жанра эссе характеризуется преимущественной устойчивостью. Рассмотрим для наглядности суперструктурные схемы жанра эссе в медийном и академическом типах дискурса (рис. 1).

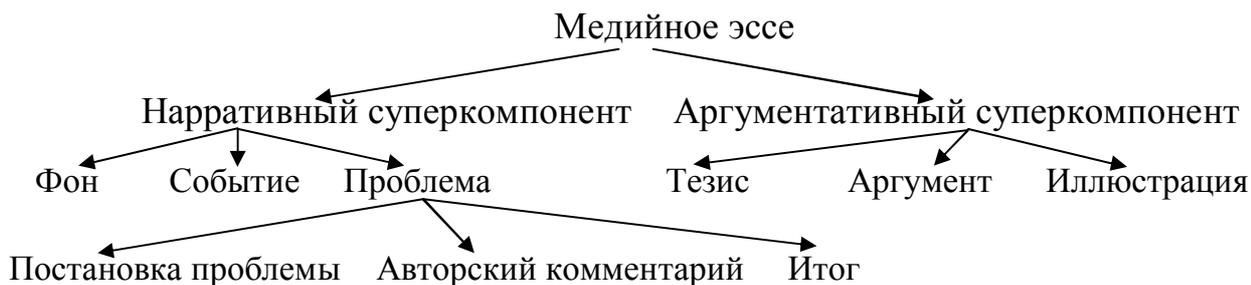

Рис. 1. Суперструктура медийного эссе

Как следует из рис. 1, структура медийного эссе представлена *нарративным* и *аргументативным* суперкомпонентами, отражающими глобальные текстовые стратегии информирования и воздействия [10, с. 35–37]. Каждый из суперкомпонентов включает в себя ряд терминальных субкомпонентов. В структуру *нарративного* суперкомпонента входит субкомпонент *проблема*, который образуют такие содержательные элементы, как *постановка проблемы*, *авторский комментарий* и *итог*.

Суперструктура академического эссе также имеет трехступенчатую структуру, представленную *нарративным* и *аргументативным* суперкомпонентами. Если аргументативный суперкомпонент академического эссе идентичен по своему составу *аргументативному* суперкомпоненту медийного эссе, то *нарративный* суперкомпонент обнаруживает ряд отличий (рис. 2).

Рис. 2. Суперструктура академического эссе

В частности, в семантической структуре академического эссе следует отметить наличие трех терминальных субкомпонентов (*введение*, *тенденция*, *заключение*), ни один из которых не дублируется из структуры медийного эссе. Единственной константой в данном случае является субкомпонент *проблема*. Однако в отличие от медийного, в академическом дискурсе этот семантический субкомпонент включает в себя компоненты *постановка проблемы* и *решение проблемы*. Очевидно, что *постановка проблемы* является ядерным компонентом для семантической структуры жанра эссе. В приведенной ниже таблице представлены постоянные и переменные суперструктуры исследуемого жанра в медийном и академическом дискурсе.

Т а б л и ц а

Ядерные и периферийные компоненты суперструктуры жанра эссе

Наименование Суперкомпонент	Ядерные компоненты	Периферийные компоненты		Количество компонентов	
		Медийный дискурс	Академический дискурс	ядерных	перифе- рийных
нарративный	постановка проблемы	фон событие итог авторский комментарий	введение тенденция решение проблемы заключение	1	8
аргументативный	тезис аргумент иллюстрация	–	–	3	0

Таким образом, можно утверждать, что, несмотря на широко распространенное мнение о ведущей для эссе роли субъективного мнения автора, ядерным для исследуемого жанра является *аргументативный* суперкомпонент, поскольку он имеет неизменный состав в обоих типах дискурса. В плане нарративной субструктуры наибольшую устойчивость демонстрирует семантический компонент *постановка проблемы*, что свидетельствует о большей значимости для жанра проблемности, чем событийности либо авторской интерпретации.

С точки зрения актуализации ядерных компонентов суперструктуры жанра эссе в рассматриваемых типах дискурса также наблюдается ряд сходств и различий. В частности, в академическом дискурсе языковыми маркерами данного семантического компонента выступают не только лексические (имена прилагательные и наречия, выражающие связь с настоящим временем, например, *recent* 'недавний', *current* 'настоящий', *nowadays* 'сегодня'), но также морфологические (формы времени глагола Present Continuous (настоящее длительное) и Present Perfect (настоящее совершенное), выражающие наиболее тесную связь действия с текущим моментом и свидетельствующие об актуальности происходящего) и синтаксические средства, а именно лексико-синтаксические структуры с союзами *although, though* 'хоть' и предлогами *despite, in spite of* 'несмотря на', подчеркивающие противоречивый, неоднозначный характер многих явлений современного общества. Например: *In recent years there has been growing awareness of the importance of preserving the world's biological diversity* 'В последние годы все больше внимания уделяется важности сохранения биологического разнообразия планеты'. В медийном дискурсе в качестве маркера постановки проблемы используются вопросительные предложения, формулирующие проблематику дальнейших рассуждений автора, и имена существительные со значением 'проблема': *problem, issue, question, situation: The initiative, called Truth About Tech, aims to push these companies to make their products less addictive for children – and it's a good start. But there's more to the **problem*** 'Эта инициатива под названием «Правда о технологиях» направлена на то, чтобы заставить компании производить продукты, не вызывающие зависимости у детей. И это хорошее начало. Но **проблема** коренится глубже'.

В способах актуализации компонентов аргументативного блока в исследуемых типах дискурса наблюдается больше совпадений. Так, *тезис* характеризуется идентичными маркерами в академическом и медийном дискурсе: модальные конструкции *to be likely/unlikely* 'вероятно/маловероятно, что' и имена существительные со значением 'объяснение' (*reason, explanation, clarification*): *Prevailing cultural norms **are likely to be the factor*** '**Вполне вероятно, что** принятые в какой-либо культуре нормы, представляют собой важный **фактор**'.

При вербализации аргумента, помимо общих для академического и медийного дискурса эксплицитных языковых средств в виде вводных слов, используемых для указания на порядок следования идей, рассуждений (*first,*

second ‘во-первых’, ‘во-вторых’), в медийных эссе с этой целью также используются ссылки на различные источники знания и информации: книги, выступления, интервью, слова авторитетного в конкретной области специалиста, вводимые при помощи предлога *according to* ‘согласно’ и маркируемые именами существительными соответствующего значения (*research* ‘исследование’, *poll* ‘опрос’, *results* ‘результаты’, *data* ‘данные’): **Firstly, some people maintain that children cannot distinguish between notoriety and genuine fame** ‘Во-первых, многие утверждают, что дети не видят различий между подлинной и дурной славой’; **According to a 2011 study by researchers at Northwestern University, minority children watch 50 percent more TV than their white peers, and they use computers for up to one and a half hours longer each day** ‘Согласно исследованию, проведенному Северозападным Университетом в 2011 году, дети представителей этнических меньшинств проводят на 50 % больше времени за просмотром телевизора, чем их белые ровесники. Они также на полтора часа в день дольше находятся за компьютером’.

Та же тенденция наблюдается и в случае с семантическим компонентом *иллюстрация*. Если в академическом дискурсе единственным маркером иллюстрации выступают формальные показатели *for example, for instance* ‘например’, то в медийных эссе эту функцию выполняют также сравнительные конструкции с наречием *likewise* ‘таким же образом’, предлогом *like* ‘как’, союзами *as if* ‘как если бы’ и *as though* ‘как будто’; перечисления конкретизирующего характера, цепочечные повторы и параллельные синтаксические конструкции. Например: *Some cultures, in Asia and Middle East, for example, value social cohesion, whereas others, such as the US, tend towards individualism* ‘В некоторых культурах, например, в Азии и на Среднем Востоке, ценится социальная общность, а другие страны, такие как США, больше склоняются к индивидуализму’; *It’s just like the black box of A.I.: Human intelligence can reason and make arguments for a given conclusion, but it can’t explain the complex, underlying basis for how we arrived at a particular conclusion* ‘Все точно так же, как и в случае с искусственным интеллектом: человеческий ум способен на обоснование и аргументацию конкретного умозаключения, но он не может объяснить сложный, предшествующий данному умозаключению процесс’.

Таким образом, проведенное исследование позволяет сделать следующее заключение. Во-первых, ядерным компонентом семантической структуры эссе является *аргументативный* суперкомпонент, оказавшийся наиболее устойчивым к трансдискурсивным преобразованиям данного жанра. Во-вторых, актуализация таких компонентов *аргументативного* блока эссе, как *аргумент* и *иллюстрация* в медийном дискурсе осуществляется более широким спектром языковых средств, чем в академическом дискурсе. Это связано с большим воздействующим потенциалом медийного дискурса в целом, который реализуется путем как прямой, так и косвенной аргументации. В то время как в академических жанрах аргументация традиционно носит прямолинейный очевидный характер. В-третьих, спектр языковых

средств вербализации компонента *постановка проблемы* в академическом дискурсе шире, чем в медийном. Это обусловлено тем, что в суперструктуре жанра медийного эссе имеются и другие компоненты, передающие событийные значения, в частности, *фон* и *событие*, не представленные в семантической структуре академического эссе. Вместе с тем основной коммуникативной функцией медийного эссе является воздействие на адресата, чем объясняется намерение вовлечь читателя в процесс авторских размышлений над тем или иным аспектом общественной жизни посредством вопросительных предложений, в то время как в академическом дискурсе адресант должен продемонстрировать навыки критического мышления и, следовательно, стремится к однозначности и точности изложения мыслей.

ЛИТЕРАТУРА

1. Бузальская, Е. В. Типология русского эссе (лингвокогнитивный аспект): автореф. ... докт. филол. наук / Е. В. Бузальская. – Санкт-Петербург, 2017. – 51 с.
2. Кожина, М. Н. Дискурсный анализ и функциональная стилистика с речеведческих позиций / М. Н. Кожина // Текст – Дискурс – Стил. Коммуникации в экономике : сб. науч. ст. / С.-Петерб. гос. ун-т экономики и финансов ; отв. ред. В. Е. Чернявская. – СПб., 2003. – С. 9–33.
3. Кайда, Л. Г. Эссе: стилистический портрет / Л. Г. Кайда. – М. : Флинта : Наука, 2008. – 180 с.
4. Дмитровский, А. Л. Жанр эссе: очерк теории жанра : монография / А. Л. Дмитровский. – Орел : ОГУ, 2006. – 131 с.
5. Тесленко, М. А. Литературный жанр эссе как философствование и способ философской рефлексии / М. А. Тесленко [Electronic resource] – Mode of access : <http://www.scienceforum.ru/2013/157/3669>. – Date of access: 15.12.2017.
6. Дурова, О. И. Норвежское эссе 1960—1990-х годов : поэтика, проблематика, гносеологические перспективы жанра : диссертация ... доктора филологических наук: 10.01.10 / О. И. Дурова. – Краснодар, 2000. – 256 л.
7. Бузальская, Е. В. Эссе: к истории становления жанра / Е. В. Бузальская // Мир русского слова, 2015. – № 2. – С. 36–41.
8. Дейк, Т. А. ван. Язык. Познание. Коммуникация : сб. работ / Т. А. ван Дейк ; сост. В. В. Петров ; под ред. В. И. Герасимова. – М. : Прогресс, 1989. – 310 с.
9. Глазко, П. П. Структура и прагматика аргументативного медийного эссе на английском языке / П. П. Глазко // Вес. БДПУ. Сер. 1, Педагогіка. Психологія. Філологія. – 2016. – № 4. – С. 44–48.
10. Седов, К. Ф. Дискурс и личность: эволюция коммуникативной компетенции / К. Ф. Седов. – М. : Лабиринт, 2004. – 320 с.

The article considers the permanent and the optional semantic components of the essay in media and academic discourse. The results of the comparative analysis elucidate the similarities and differences of linguistic representation of these components in the surface structure.

Поступила в редакцию 27.02.18

ГЕНДЕРНЫЙ АСПЕКТ ЯЗЫКОВОЙ ИГРЫ
В ЮМОРИСТИЧЕСКОМ ДИСКУРСЕ
(на материале американского ситкома «Scrubs»)

В статье освещается гендерный аспект языковой игры в юмористическом дискурсе на материале американского ситкома «Scrubs». Рассматриваются понятие юмористического дискурса и приемы достижения юмористического эффекта на разных языковых уровнях (фонетическом, словообразовательном, лексическом и синтаксическом). Приводится сравнительная характеристика языковой игры в речи персонажей по гендерному признаку. Определяются наиболее часто используемые персонажами разных полов конкретные приемы языковой игры на различных уровнях.

Гендерная лингвистика как направление языкознания начала развиваться во второй половине XX века [1]. В настоящее время достаточно большое количество лингвистических исследований посвящено языковым особенностям, присущим представителям разного пола (см. работы Е. А. Земской, М. В. Китайгородской, Н. Н. Розановой [2], А. В. Кирилиной [1], М. Л. Бутовской [3] и др.). При этом работ, посвященных теме гендерных различий в сфере юмористической коммуникации, гораздо меньше (см., например, работы J. Hay [4] и C. Rozek [5]).

Стереотипное мнение об отсутствии у женщин чувства юмора бытовало всегда. Принято считать, что чувство юмора у женщин и мужчин в принципе отличается [5, с. 7]. И несмотря на то, что сегодня, в век смены гендерных ролей, границы между речевым поведением мужчин и женщин стираются, Д. Таннен отмечает следующее: представительницы слабого пола и сейчас предпочитают либо слушать шутки мужчин, либо шутить в кругу других женщин; и если мужчины сами придумывают шутки, зачастую основанные на грубости либо унижении других, то женщины предпочитают рассказывать уже существующие анекдоты деликатного характера [7, с. 42–43].

Смех – неотъемлемая часть юмористического дискурса, под которым В. И. Карасик понимает «текст, погруженный в ситуацию смехового общения» [8, с. 304]. Таким образом, особенностью юмористического дискурса среди других типов дискурса является смеховое отношение к действительности. Одну из главных ролей при этом играет коммуникативное намерение, суть которого – уйти от серьезности в разговоре, настроиться на юмористическую тональность (предрасположенность участников дискурса к юмору и шутливому настроению) и уменьшить социальную дистанцию между говорящими [8, с. 305]. При этом юмористическая направленность должна быть уместна, т.е. все участники дискурса должны быть настроены на несерьезное общение. Чтобы коммуникативное намерение успешно реализовалось, говорящий и слушающий должны быть хорошо знакомы с темой разговора. Кроме того, юмористический дискурс предполагает активное участие адресанта и адресата в коммуникации.

Юмористический дискурс невозможен без языковой игры, под которой в общем смысле принято понимать «определенный тип речевого поведения

говорящих, основанный на преднамеренном (сознательном, продуманном) нарушении системных отношений языка» [9, с. 657]. К основным чертам языковой игры, как утверждает Б. Ю. Норман, относятся эстетический момент (по мнению лингвиста, языковая игра – это красивое и изящное явление) и сопряжение языковой игры с юмористическим эффектом [10, с. 8–9].

Языковая игра осуществляется на всех уровнях языка: фонетическом, словообразовательном, лексическом и синтаксическом (см. работы Л. П. Амири [11], В. З. Санникова [12], Н. Е. Ковыляевой [13] и др.). На *фонетическом* уровне языковая игра строится, как правило, на созвучии и изменении звуковой оболочки слова. Примерами фонетической игры слов являются аллитерация, ассонанс, метатеза, ономотопея, протеза, рифма, внедрение диалекта и др. *Словообразовательная* языковая игра осуществляется с помощью контаминации, префиксации, суффиксации, аббревиации и т. д. Наиболее широко в языковой игре используются средства *лексического* уровня языка: сравнение, метафора, олицетворение, гипербола, эпитет, каламбур, переигрывание, антономасия и т. д. Громоздкость *синтаксических* единиц часто мешает их использованию внутри языковой игры [13, с. 53]. Тем не менее, можно выделить такие виды синтаксической языковой игры, как парцелляция, повтор, тавтология, зевгма и риторический вопрос.

Материалом исследования послужили три сезона (1-й, 4-й и 8-й сезоны) популярного американского ситкома «Scrubs» («Клиника»), повествующего о жизни медиков. Под ситкомом (ситуационной комедией) понимается жанр сериала, суть которого заключается в изображении реалистичных событий повседневного характера в юмористическом ключе. События, происходящие в ситкоме, имеют как комическую, так и драматическую направленность. Однако ведущую позицию занимают шутки, в которых юмористический эффект создается за счет широкого использования языковой игры.

В ходе исследования рассматривается языковая игра на всех языковых уровнях в речи персонажей мужского (Джей Ди, доктор Кокс) и женского (Эллиот, Джордан) пола (о языковой игре в сериале безотносительно гендерного критерия см. [14]). Общее количество приемов языковой игры, встречающихся в речи героев ситкома на всех уровнях языка на протяжении трех сезонов сериала, представлено в таблице:

Т а б л и ц а

Количество приемов языковой игры в речи персонажей ситкома «Scrubs»

Персонаж / уровень языка	Фонети- ческий уровень	Словообра- зовательный уровень	Лекси- ческий уровень	Синтакси- ческий уровень	Общее коли- чество
Джон Дориан	7	12	120	39	178
Перри Кокс	7	11	247	50	315
Эллиот Рид	3	2	58	12	75
Джордан Салливан	5	0	27	6	38
Общее количество	22	25	452	107	606

Как следует из таблицы, в ходе исследования методом сплошной выборки было отобрано 606 примеров языковой игры в сериале. Из них более 80 % встречаются в речи персонажей-мужчин (Джон Дориан – 29,4 %, Перри Кокс – 52 %, Эллиот Рид – 12,3 %, Джордан Салливан – 6,3 %). Это связано с тем, что у персонажей мужского пола более длинные реплики и, в целом, больше экранного времени. Даже Эллиот, заявленная как главная героиня ситкома «Scrubs», появляется в кадре реже, чем Джей Ди или доктор Кокс.

Например, в 1-ом сезоне ситкома в шутках Джей Ди было обнаружено 63 приема языковой игры, а в речи Эллиот Рид – всего 20. Доктор Кокс в одной реплике может использовать сразу несколько приемов, в то время как Эллиот в течение серии может не использовать ни одного языкового средства достижения юмористического эффекта. В речи Джордан часто встречается языковая игра, при этом ее шутки не отличаются особой деликатностью. Но в связи с редким появлением в кадре чувство юмора персонажа не раскрывается в полной мере.

Рассмотрим подробнее гендерный аспект языковой игры по уровням языка (рис. 1, 2).

Рис. 1. Языковая игра в речи женских персонажей ситкома «Scrubs» на различных языковых уровнях, в процентном соотношении

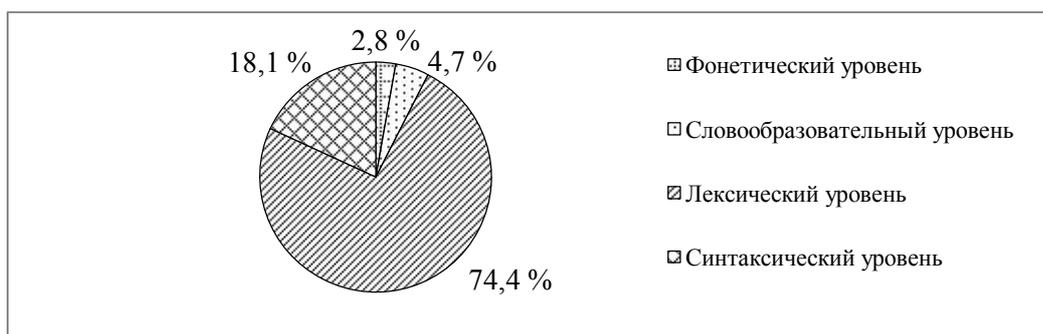

Рис. 2. Языковая игра в речи мужских персонажей ситкома «Scrubs» на различных языковых уровнях, в процентном соотношении

Как следует из диаграмм, для достижения юмористического эффекта и женщины, и мужчины используют в речи преимущественно лексические языковые средства (75,2 % и 74,4 % соответственно). Мужчины отдают

предпочтение а) метафорам (39 % случаев лексической языковой игры), б) эпитетам (12,8 %), в) гиперболам (12,3 %), г) сравнениям (10,6 %), д) перифразам (10,4 %). Например:

а) Доктор Кокс, сравнивая Джей Ди с девчонкой, часто называет его различными женскими именами:

J.D.: Done forever. He swore to me. I just, I reached him! I reached him.

*Dr. Cox: You're having a big day, there, **Susan** (сезон 1, серия 2, 10:40);*

б) Доктор Кокс встречает Доктора Келсо и его адвоката Теда. Кокс называет последнего «потным Тедди» из-за склонности адвоката к потливости:

Dr. Kelso: We have very exciting news.

*Dr. Cox: Don't tell me. You and **Sweaty** Teddy here are gonna finally have that commitment ceremony (серия 3, 00:56);*

в) Доктор Кокс рассказывает Джей Ди о докторе Келсо и при этом заявляет, что доктор Келсо – самое злобное существо в мире и, возможно, является сыном Сатаны:

*Dr. Cox: I'm gonna go ahead and say this just as carefully as possible so I don't overstate it: Dr. Kelso is the **most evil human being** on the planet. And may, in fact, be **Satan, himself** (сезон 1, серия 1, 07:09);*

г) Джей Ди пришел в гости к Терку и удивляется тому, насколько неудобные стулья купила Карла, супруга Терка. В результате, Джей Ди, запутавшись в ножках стула, не может встать, чтобы ответить на звонок, падает и сравнивает предмет мебели с медвежьим капканом:

*J.D.: Whoa. I got it. I'm okay. I don't, oh, here it goes. Whoa! Aaaagh! I'm still in the chair! **It's like a bear-trap!** (сезон 4, серия 1, 03:50);*

д) Джей Ди разговаривает с пациентом, которому требуется убрать жидкость вокруг сердца посредством иглы. Пациент спрашивает, кто собирается провести эту процедуру, а Джей Ди, намекая на себя, шутит, что это будет некий *Dr. DaMan*, где «da man» обозначает «крутого» парня:

Patient: Someone's gonna stick a needle in my chest?

J.D.: Not just someone, Dr. DaMan.

Patient: Who's Dr. DaMan?

J.D.: Say it without the Doctor.

Patient: Who's Mr. DaMan?

J.D.: No, just say the last name.

Patient: Who's DaMan?

J.D.: I'm da man (сезон 1, серия 4, 05:08).

Представительницы женского пола, как правило, используют в шутках а) метафоры (24,7 % случаев лексической языковой игры), б) эпитеты (18,8 %), в) сравнения (16,5 %) и г) алогизмы (15,3 %). Например:

а) Джордан заступает за ординатора Лонни, когда над ним издевается доктор Кокс. Лонни благодарит ее, но та в ответ называет его «лицом зародыша»:

Lonnie: Thanks for that.

*Jordan: Keep movin', **fetus face** (серия 25, 05:34);*

б) Джей Ди спрашивает у Эллиот, как она называет свой бюстгальтер. Эллиот использует массу эпитетов для описания элемента нижнего белья:

J.D.: What do you call that bra you wore for your date last week?

Elliot: Oh, the Miracle Lift Super Push-Up bra? But not everyone's as insecure as me (серия 16, 16:45);

в) Наклонившись, чтобы поднять упавший бейдж, Эллиот немедленно выпрямляется обратно, полагая, что ее позвонок торчит настолько сильно, что она становится похожа на «доисторического верблюда»:

Elliot's Thoughts: Okay, you can't bend that way anymore, cause when you do, that last vertebrae above your butt sticks out and makes you look like a prehistoric camel (сезон 4, серия 5, 13:06);

г) Эллиот говорит Джей Ди о том, что раньше соперничество было для нее большой проблемой, но теперь она не стремится быть первой. В ту же секунду она бежит с Джей Ди наперегонки, противореча сама себе, то есть использует в речи алогизм:

Elliot: I'm probably «Miss Hyper Competitive». I mean, it used to be a big problem for me. Used to. Past tense.

Suddenly she turns again and runs up the stairs.

J.D.: Hey, are we, like, racing?

Elliot: Yes! (сезон 1, серия 1, 03:14).

Из синтаксических средств (женщины – 15,9 %, мужчины – 18,1 %) чаще всего используется а) повтор (женщины – 72,2 % случаев синтаксической языковой игры, мужчины – 86,5 %), значительно реже – б) парцелляция (женщины – 22,2 %, мужчины – 5,6 %) и в) риторический вопрос (женщины – 5,5 %, мужчины – 4,6 %), посредством которых представители обоих полов усиливают эмоциональную окраску своего высказывания. Например:

а) Эллиот спрашивает у пациента, какое лекарство он принял, перечисляя при этом огромное количество видов таблеток:

Elliot: Mr. Gerst, what seems to be the problem?

Gerst: I took some pills.

Elliot: Come on, help me out here. Were they happy pills, sad pills, sleepy pills, wake up pills, sane pills, pain pills, brain pills, Spain pills...

Gerst: Man pills? (сезон 4, серия 21, 01:05);

б) Доктор Кокс считает новых ординаторов настолько глупыми, что разговаривает с ними, как с пещерными людьми, намеренно делая в речи паузы:

Dr. Cox: Now, since the rest of your brains are so tiny, from now on, I will speak like a caveman. You, bad doctors. Me, good doctor. You, follow. Patient. Iron high. Heart swollen big. You. What make sick?

Denise: Hum, could it be hemochromatosis?

Dr. Cox: Correct. Rounds. Over. You. Go (сезон 8, серия 5, 01:52);

в) Джордан, раздраженная тем, что Джей Ди ябедничает, высказывает все, что о нем думает, используя в реплике риторический вопрос:

Jordan: Excuse me, Sally Sensitive, I don't remember asking you anything. Your mom's aware that she'll eventually have to stop the breast-feeding, right? (сезон 1, серия 11, 17:37).

Фонетические и словообразовательные средства как мужчины, так и женщины, используют крайне редко. При этом фонетическая языковая игра встречается несколько чаще в речи женщин (женщины – 7,1 %, мужчины – 2,8 %), а словообразовательная – в речи мужчин (женщины – 1,8 %, мужчины – 4,7 %). К наиболее распространенным фонетическим средствам можно отнести а) рифму (женщины – 50 % случаев фонетической языковой игры, мужчины – 42,9 %), а к словообразовательным – б) суффиксацию (женщины, 50 %, мужчины – 43,5 %) и в) контоминацию (женщины – 50 %, мужчины – 34,8 %). Например:

а) Джордан насмеяется над Эллиот, так как считает, что та позволяет всем себя использовать. Джордан сочиняет стишок с иносказательным смыслом:

Jordan: I'm a little doormat, sit and stay. Let people use me every single day.

Elliot: E-e-excuse me?

Jordan: Oh, it's a song I'm working on. I made it up (сезон 1, серия 24, 06:36);

б) Эллиот настойчиво просит у доктора Кокса совета, однако тот лишь злится и отправляет ее к «бла-бла-ологу»: врачу, с которым она якобы может поговорить. Окказионализм образован с помощью суффиксации:

*Dr. Cox.: The next whiny intern that comes in here looking to me for a cookie and a hug, I swear to Aisha, I'm going to hurt them. And you, you neurotic, one-woman freak-show, take your «Blah-blah» to the **blah-blah-ologist*** (сезон 1, серия 3, 16:24);

в) Дэнис делает Эллиот комплимент, а Эллиот, в свою очередь, говорит, что уже получила сегодня комплимент от Джей Ди. Он назвал ее «*scrumpdelicious*», объединив слова «*scrumptious*» и «*delicious*»:

Denise: Even though that dress is totally inappropriate for a doctor. You're so rocking it.

Elliot: That's awesome because I actually have a policy that if I don't get three compliments the first time I wear it, I have to return it. Now, I've got you J.D. he said this morning that I looked «scrumpdelicious» (сезон 8, серия 12, 05:27).

Таким образом, сравнивая языковую игру в речи персонажей ситкома «*Scrubs*» обоих полов, можно отметить, что мужчины используют в шутках гораздо больше языковых средств. Это связано с тем, что у персонажей мужского пола более длинные реплики и, в целом, больше экранного времени. Стоит отметить, что и мужчины, и женщины в большей степени используют в шутках лексическую языковую игру. Мужчинам свойственно использование таких средств, как метафоры, сравнения, а также гиперболы и перифразы. Обычно они употребляют данные языковые средства при характеристике других персонажей, как правило, в негативном ключе. Для речи представительниц женского пола характерно употребление эпитетов и алогизмов: им свойственно вместо обычных прилагательных использовать более выразительные и экспрессивные средства для описания ситуации или

человека, а также не всегда быть последовательными в своих суждениях. Из синтаксических средств чаще всего используется повтор, посредством которого представители обоих полов усиливают эмоциональную окраску своего высказывания. Средства фонетического и словообразовательного уровня употребляются в шутках представителей обоих полов очень редко.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Кирилина, А. В.* Гендерные исследования в лингвистике и теории коммуникации : учеб. пособие для студентов вузов / А. В. Кирилина. – М. : РОССПЭН, 2004. – 252 с.
2. *Земская, Е. А.* Особенности мужской и женской речи / Е. А. Земская, М. В. Китайгородская, Н. Н. Розанова // Русский язык в его функционировании / под ред. Е. А. Земской, Д. Н. Шмелева. – М., 1993. – С. 90–136.
3. *Бутовская, М. Л.* Антропология пола / М. Л. Бутовская. – Фрязино : Век 2, 2013. – 256 с.
4. *Hay, J.* Functions of humor in the conversation of men and women / J. Hay // Journal of Pragmatics. – 2000. – № 32. – P. 709–742.
5. *Rozeck, C.* The gender divide in humor: how people rate the competence, influence, and funniness of men and women by the jokes they tell and how they tell them / C. Rozeck. – Wellesley : Wellesley College, 2015. – 90 p.
6. *Бурвикова, Е. В.* Язык мой – пол мой / Е. В. Бурвикова // Русская речь. – 2012. – № 3. – С. 72–75.
7. *Tannen, D.* You Just Don't Understand: Women and Men in Conversation / D. Tannen. – New York : Ballantine Books, 1990. – 330 p.
8. *Карасик, В. И.* Языковой круг : личность, концепты, дискурс / В. И. Карасик. – Волгоград : Перемена, 2002. – 477 с.
9. *Данилевская, Н. Л.* Языковая игра / Н. Л. Данилевская // Стилистический энциклопедический словарь русского языка / под. ред. М. Н. Кожинной [и др.]. – 2-е изд., испр. и доп. – М. : Флинта : Наука, 2006. – С. 657–660.
10. *Норман, Б. Ю.* Игра на гранях языка / Б. Ю. Норман. – М. : Флинта : Наука, 2006. – 344 с.
11. *Амири, Л. П.* Языковая игра в российской и американской рекламе дискурса : дис. ... канд. филол. наук : 10.02.19 / Л. П. Амири. – Ростов-на-Дону, 2007. – 198 л.
12. *Санников, В. З.* Русский язык в зеркале языковой игры / В. З. Санников. – 2-е изд., испр. и доп. – М. : Языки славянской культуры, 2002. – 552 с.
13. *Ковыляева, Н. Е.* Языковая игра как средство формирования семантики и прагматики дискурса : дис. ... канд. филол. наук : 10.02.19 / Н. Е. Ковыляева. – Нальчик, 2015. – 186 л.
14. *Василенко, Е. Н.* Приемы языковой игры в американском юмористическом дискурсе (на материале ситкома «Scrubs») / Е. Н. Василенко, Ю. А. Книга // Філологічні студії. Наук. вісн. Криворізького держ. пед. ун-ту. – 2017. – Вып. 16. – С. 296–303.

Список источников фактического материала

1. Season 1. Transcripts [Electronic resource]. – Mode of access : http://scrubs.wikia.com/wiki/Category:Season_1_Transcripts. – Date of access : 02.02.2017.
2. Season 4. Transcripts [Electronic resource]. – Mode of access : http://scrubs.wikia.com/wiki/Category:Season_4_Transcripts. – Date of access : 17.04.2016.
3. Scrubs Episode Scripts [Electronic resource]. – Mode of access : http://www.springfieldspringfield.co.uk/view_episode_scripts.php?tv-show=scrubs&episode=s08e01. – Date of access: 02.02.2017.

The article focuses on the gender aspect of language play in humorous discourse. The factual material of the study is a popular American sitcom “Scrubs”. The author considers the language play techniques at different levels of the language structure (phonological, morphological, lexical and syntactic) and gives their comparative gender-based characteristics in the characters’ speech.

Поступила в редакцию 12.03.18

А. Г. Литвинович

КАУЗАТИВНОСТЬ КАК ОБЩЕЛИНГВИСТИЧЕСКАЯ КАТЕГОРИЯ

В статье рассматриваются теоретические аспекты категории каузативности. Каузативность представлена как функционально-семантическая категория. Не имея регулярных морфологических и синтаксических средств выражения причинно-следственной семантики в русском, белорусском, английском и немецком языках, функционально-семантическая категория каузативности в качестве ядра принимает каузативные глаголы.

В поисках ответа на вопрос о том, почему тот или иной предмет таков, познающий субъект ставит его в ряд с другими предметами и явлениями действительности и устанавливает причинно-следственные связи между явлениями.

Каузация, представляя собой лингвистическое отражение универсальной понятийной категории причины, является обобщенным родовым понятием для каузальности как причинения через обусловленность (это так называемый каузальный комплекс: причинно-следственные, условно-следственные, уступительно-следственные, целевые-следственные отношения) [1, с. 10] и каузативности как причинения через понуждение [2]. По мнению А. В. Никитевича, каузативность – это одна из составляющих каузального комплекса, обозначающая побуждение объекта совершить действие или вступить в новое состояние [3, с. 76].

Поскольку проблема каузальных отношений получила достаточно подробное освещение в лингвистической литературе, представляется целесообразным ограничить рамки исследования другой разновидностью каузации – анализом каузативности.

В исследованиях по каузативности можно выделить лексико-грамматическое, историческое, онтологическое, логическое, функциональное и другие направления. Наличие различных подходов к исследованию каузативности свидетельствует о сложности и многогранности рассматриваемой категории.

Вслед за Н. В. Курбаленко [4, с. 20] будем рассматривать каузативность как функционально-семантическую категорию (ФСК)¹, поскольку она соответствует определению, приводимому А. В. Бондарко для ФСК или «межуровневого семантического поля (макрополя)» [5, с. 41]: ФСК представляет собой систему разнородных языковых средств (морфологических, синтаксических, словообразовательных, лексических, различных комбинаций средств контекста), способных взаимодействовать для выполнения определенных семантических функций [6, с. 8–9].

Следует сразу же отметить, что ФСК каузативности отличается от тех объектов, которые традиционно принято рассматривать как ФСК или функционально-семантическое поле (например, темпоральность, модальность, персональность, аспектуальность, залоговость). ФСК обычно опирается на специальную систему грамматических форм, морфологическое ядро [6, с. 20]. Например, ядро темпоральности представлено категорией времени, персональности – категорией лица.

Не имея морфологического ядра в рассматриваемых языках, ФСК каузативности объединяет разноуровневые средства для выражения единой семантической функции ‘каузировать’.

Как утверждает А. П. Чудинов, вслед за К. Бругманом, в индоевропейский период существовал морфологический способ образования каузативных глаголов от некаузативных, когда практически от любого глагола при помощи суффиксов и чередования гласных в корне, удлинения гласных, переноса ударения мог быть образован новый глагол с каузативным значением [7, с. 20].

По мнению Т. Эргашева, для морфологических каузативов характерна наивысшая степень абстрагированности формальных средств, для лексических больше характерна имплицитность выражения того или иного категориального понятия, а для синтаксических – универсальность, наличие средств для выражения почти всех категорий, независимо от того, выражаются ли они на других уровнях или нет [8, с. 10].

¹ Параллельный термину «функционально-семантическое поле» термин «функционально-семантическая категория» подчеркивает семантико-категориальный аспект того же предмета исследования.

Основоположником теории понятийного поля является Й. Трир. В отечественном языкознании родоначальниками теории семантических полей считаются М. М. Покровский и А. А. Потебня. В современном языкознании понятие поля в грамматике разрабатывается в работах В. Г. Адмони, А. В. Бондарко, Е. Шендельс.

Ученые В. П. Недялков, Г. Г. Сильницкий предлагают морфологическим считать каузатив, который «образован регулярным и продуктивным способом» [9, с. 25]. Морфологический способ выражения каузативности характеризуется как аффиксальный способ, то есть для выражения этого категориального понятия необходимо существование специальных аффиксальных морфем.

Как особая грамматическая категория морфологический каузатив¹ в современном русском языке не существует [10, с. 20]. Нет такой грамматической категории и в современном белорусском, а также английском и немецком языках. Между некоторыми каузативными глаголами и их некаузативными коррелятами наблюдаются морфемно-деривационные соответствия.

Приведем некоторые способы образования каузативных оппозиций: 1) основа глагола + *-ить* – основа глагола + *-нуть* (с передвижением ударения с суффикса на корень и чередованиями в корне): рус. *гасить* – *гаснуть* (бел. *тушыць* – *тухнуць*), рус. *глушить* – *глохнуть* (бел. *глушыць* – *глухнуць*); 2) глаголы на *-ить* – глаголы на *-еть*: рус. *молодить* – *молодеть* (бел. *маладзіць* – *маладзець*), рус. *белить* – *белеть* (бел. *бяліць* – *бялець*).

Чрезвычайно продуктивным является возвратно-постфиксальный тип оппозиции, в котором каузативное значение закрепляется за глаголом, немаркированным в грамматическом отношении, а некаузативное значение – за возвратным глаголом: рус. *активизировать* – *активизироваться*, *восстановить* – *восстановиться*, *беспокоить* – *беспокоиться*, бел. *турбаваць* – *турбавацца*, *круціць* – *круціцца*.

В устной речи, как отмечает Б. Ю. Норман, наблюдается процесс «окказиональной дереклексивизации», когда от возвратного некаузативного глагола образуется каузативный невозвратный: *согласиться* – *согласить* (народ), *улыбаться* – *улыбать* (губы), *расплакаться* – *расплакать* (сынишку) [11, с. 26].

Каузативные глаголы могут образовываться от прилагательных: рус. *круглый* – *закруглять* (делать круглее или круглым), *чистый* – *чистить*, *холодный* – *охлаждать*, бел. *белы* – *бяліць*, *шырокі* – *пашыраць*.

Имеются и другие соответствия такого рода, но они, как правило, нерегулярны: рус. *напомнить* – *вспомнить*, *нервировать* – *нервничать*, *растить* – *расти*, *уверять* – *верить* [10, с. 20], бел. *нагадаць* – *прыгадаць*, *кіпяціць* – *кіпець*.

В английском и немецком языках сохранились некоторые морфемно-деривационные соответствия: англ. *raise* ‘поднимать’ – *rise* ‘подниматься’, нем. *setzen* ‘садить (сажать)’ – *sitzen* ‘сидеть’. Чаще всего каузативные глаголы морфологически производны от имен прилагательных: англ. *white* ‘белый’ – *whiten* ‘белить’.

¹ В качестве каузатива в современной лингвистике рассматривается «глагол со значением ‘делать так, что некая ситуация начинает иметь или имеет место’» [12, с. 46].

Наличие морфемно-деривационных соответствий между каузативными и некаузативными глаголами в русском языке позволяет говорящим образовывать по аналогии с этими соответствиями от некаузативного глагола окказиональный каузативный глагол. Например: *нюнить* – *разнюнить* (*кого-либо*) [13, с. 100]. Такие окказиональные каузативные глаголы отсутствуют в словарях и особенно часто встречаются в детской речи, о чем свидетельствуют примеры, собранные С. Н. Цейтлин: Папа, *поплавай* меня подальше от берега. Антонина Васильевна меня вишнями *объела* [13, с. 99–103].

Эти наблюдения свидетельствуют о том, что язык, возможно, стремится к созданию регулярных, продуктивных средств выражения каузативной семантики.

Во многих индоевропейских языках утрата морфологического каузатива привела к образованию новых способов выражения каузативных отношений, таких, например, как синтаксический каузатив.

В славянских и германских языках сформировался аналитический, или, как его называют Ф. Р. Палмер и Г. Сонг, «перифрастический» каузатив [14, с. 216; 15, с. 1]. Значение каузативности на этом уровне (синтаксическом) передается эксплицитно, с помощью глагольно-инфинитивных конструкций. Глаголы англ. *have, make, get*, нем. *lassen*, рус. *давать, заставлять, велеть*, бел. *даваць, прымушаць* и др., выступающие в качестве вспомогательных в таких конструкциях, имеют значение ‘понуждать к действию или новому состоянию’. Кроме глагольно-инфинитивных, существуют также глагольно-именные обороты с каузативным значением: *возбуждать зависть, вызывать любовь*.

Многочисленность аналитических каузативов в славянских языках объясняется, с одной стороны, тем, что аффиксация не охватывает все необходимые точки грамматического пространства глагола. С другой стороны, широкая употребительность глагольно-инфинитивных и именных каузативных конструкций, возможно, связана с общей тенденцией современного русского и, в меньшей степени, белорусского языка к аналитизму.

К синтаксическим способам выражения каузативных отношений относится симметричный (термин Т. А. Кильдибековой) тип оппозиции, при котором в одной лексеме сочетается и каузативное, и некаузативное значение. Таковы глаголы, которые могут иметь и переходное, и непереходное употребление: *оттаивать* (*Ветви оттаивают – Рабочие оттаивают землю огнем*). К симметричным глаголам Т. А. Кильдибекова относит *бабахнуть, газировать, измельчать, истощать, примыкать, причаливать, уйти, брызгать, бурлить, вейть, капать, коптить, кружить* и др. [16, с. 73]. При «окказиональной транзитивации» каузативное / некаузативное значение определяется из окружения глаголов, из их сочетаемости [11, с. 28].

Авторы отмечают, что совмещение каузативного и некаузативного значения в одном глаголе более характерно для английского языка, чем для русского, например, *water boils* ‘вода кипит’ – *my mother boils water* ‘моя мать кипятит воду’.

Лингвистическая литература, описывающая лексические средства выражения каузативности, поистине неисчерпаема. Это связано с их центральной ролью в ФСК каузативности.

В русском, белорусском, английском и немецком языках ФСК каузативности, как уже отмечалось, не опирается на морфологическую категорию, которая занимала бы центральное положение по отношению к иным компонентам поля, поэтому «...роль ядра (центра) могут играть другие языковые средства» [6, с. 24]. Следовательно, каузативность не стоит относить к так называемым «безъядерным» ФСК [6, с. 24]. По мнению многих исследователей, каузативные глаголы являются основным средством передачи каузативных отношений и представляют собой ядро ФСК каузативности.

Каузативные глаголы совместно с некаузативными коррелятами составляют каузативную пару, называемую супплетивной оппозицией. «При супплетивной оппозиции члены оппозиции, фактически лишенные общих морфем (помимо служебных), не имеют общего основания для морфологического сопоставления» [9, с. 22]. Такие глаголы характерны для русского, белорусского, английского и немецкого языков: рус. *баюкать* – *засыпать*, бел. *паліць* – *гарэць*, англ. *fell* ‘валить, сбивать с ног’ – *fall* ‘падать’, нем. *aufwecken* ‘будить’ – *erwachen* ‘просыпаться’.

Категория каузативности объединяет две функционально-семантические сферы, представленные в классе глаголов: сферу действия и сферу состояния, устанавливая однонаправленность отношений между ними. Глаголы состояния (статические глаголы) имеют элементарную семантическую структуру, так как обозначают процессы, не выходящие за сферу субъекта, который характеризуется при них как носитель стательного, пассивного признака [17, с. 8]. Глаголы, обозначающие изменение состояния актанта, связаны с соотносительными переходными глаголами через каузацию: воздействие, называемое динамическими глаголами, каузирует состояние, передаваемое их статическими коррелятами. Глаголы, содержащие сему причинности, мотивации, являются каузативными (*поить* – побуждать *пить*, *учить* – побуждать *знать*).

Исходя из сказанного выше, подчеркнем, что каузативность является самостоятельной категорией. Значение ‘каузировать’ может передаваться с помощью разнообразного инвентаря средств: морфологических (морфемно-деривационные соответствия между каузативными и некаузативными глаголами, например, рус. *зеленить* – *зеленеть*), лексических (бел. *паліць* – *гарэць*), синтаксических, включающих каузативные конструкции (нем. *schreiben lassen* ‘велеть написать’) и некаузативные глаголы, приобретающие каузативное значение в предложении (англ. *water boils* ‘вода кипит’ – *my mother boils water* ‘мама кипятит воду’).

Непреходящий интерес к проблемам, связанным с категорией каузативности, объясняется ее структурно-семантической сложностью.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Комаров, А. П.* Система средств выражения причинно-следственных отношений в современном немецком языке : автореф. дис. ... канд. филол. наук : 10.02.04 / А. П. Комаров ; Моск. гос. пед. ин-т иностр. яз. – М., 1973. – 70 с.
2. *Всеволодова, М. В.* О подлежащем и категории причинности в русском языке (К вопросу о некоторых характеристиках русского языкового сознания в концепции А. Вежбицкой) / М. В. Всеволодова, Э. С. Котвицкая // Вестн. Моск. гос. ун-та. Сер. 9, Филология. – 1999. – № 5. – С. 66–88.
3. *Никитевич, А. В.* Русский глагол в составе номинативных рядов / А. В. Никитевич. – Гродно : Гродн. гос. ун-т, 2004. – 347 с.
4. *Курбаленко, Н. В.* Каузативные конструкции в немецком и русском языках (семантико-функциональный аспект) : дис. ... канд. филол. наук : 10.02.19 / Н. В. Курбаленко. – Минск, 2006. – 123 л.
5. *Гайсина, Р. М.* Глаголы причинно-следственных отношений в современном русском языке / Р. М. Гайсина // Исследования по семантике. Семантика слова и фразеологизма : межвуз. науч. сб. / Башк. гос. ун-т ; редкол.: Р. М. Гайсина (отв. ред.) [и др.]. – Уфа, 1986. – С. 40–49.
6. *Бондарко, А. В.* Грамматическая категория и контекст / А. В. Бондарко ; под общ. ред. В. М. Жирмундского. – Л. : Наука, Ленингр. отделение, 1971. – 115 с.
7. *Чудинов, А. П.* О деривации глаголов с каузативным значением / А. П. Чудинов // Исследования по семантике. Семантика слова и словосочетания : межвуз. науч. сб. / Башк. гос. ун-т ; редкол.: Л. М. Васильев (отв. ред.) [и др.]. – Уфа, 1984. – С. 20–24.
8. *Эргашев, Т.* Выражение категории каузативности в разносистемных языках (на материале англ., узб. и других яз.) : автореф. дис. ... канд. филол. наук : 10.02.19 / Т. Эргашев ; Ташк. гос. пед. ин-т иностр. яз. – Ташкент, 1990. – 20 с.
9. Типология каузативных конструкций. Морфологический каузатив / Акад. наук СССР, Ин-т языкознания ; отв. ред. А. А. Холодович. – Л. : Наука, 1969. – 311 с.
10. *Чудинов, А. П.* О деривации глаголов с каузативным значением / А. П. Чудинов // Исследования по семантике. Семантика слова и словосочетания : межвуз. науч. сб. / Башк. гос. ун-т ; редкол.: Л. М. Васильев (отв. ред.) [и др.]. – Уфа, 1984. – С. 20–24.
11. *Норман, Б. Ю.* Синтаксичен каузатив в българския, руския и белоруския език / Б. Ю. Норман // Съпоставително езикознание. – 1979. – № 2. – С. 23–30.
12. *Апресян, Ю. Д.* Избранные труды : в 2 т. / Ю. Д. Апресян. – 2-е изд., испр. и доп. – М. : Шк. «Яз. рус. культуры», 1995. – Т. 1 : Лексическая семантика : Синонимические средства языка. – 472 с.
13. *Цейтлин, С. Н.* Каузативные оппозиции в детской речи / С. Н. Цейтлин // Функциональный анализ грамматических единиц : сб. науч. ст. / Ленингр. гос. пед. ин-т ; редкол.: А. В. Бондарко (отв. ред.) [и др.]. – Л., 1980. – С. 99–103.

14. *Palmer, F. R. Grammatical roles and relations / F. R. Palmer. – New York : Cambridge Univ. Press, 1998. – 259 p.*
15. *Song, G. Linking perceptual properties to linguistic expressions of causation / G. Song, P. Wolff // Language, culture and mind / G. Song, P. Wolff ; ed. by M. Achard, S. Kemmer. – London, 2003. – P. 1–13.*
16. *Кильдибекова, Т. А. Глаголы действия в современном русском языке / Т. А. Кильдибекова. – Саратов : Изд-во Саратов. ун-та, 1985. – 160 с.*
17. *Кильдибекова, Т. А. Функционально-семантическая категория каузативности в русском языке / Т. А. Кильдибекова // Исследования по семантике. Семантика слова и словосочетания : межвуз. науч. сб. / Башк. гос. ун-т ; редкол.: Л. М. Васильев (отв. ред.) [и др.]. – Уфа, 1984. – С. 8–18.*

The article deals with causativity as a semantic functional category. Having no regular morphological and syntactic means of cause-effect relation expression, the above mentioned category takes causative verbs as a centre of the functional semantic category.

Поступила в редакцию 08.02.18

Н. В. Михалькова

СЕМАНТИЧЕСКИЕ МОДЕЛИ ЗНАЧЕНИЙ КВАНТИТАТИВНЫХ ЕДИНИЦ В БЕЛОРУССКОМ И КИТАЙСКОМ ЯЗЫКАХ

В статье представлены результаты исследования подсистемы лексических единиц белорусского и китайского языков, которые репрезентируют процесс квантификации недискретных сущностей. Определены состав, лексико-семантические свойства и типы квантитативных единиц. Выявлены семантические компоненты значений лексем – квантификаторов недискретных сущностей в разноструктурных языках, установлены семантические модели значений квантитативов. Компонентный анализ семантики квантитативных единиц через построение семантических формул позволил выявить ряд как общетипологических, так и специфических характеристик инвентаря существительных-квантитативов в разноструктурных языках.

Основные свойства любого объекта окружающей человека действительности сводятся к двум главным характеристикам: качество и количество. Согласно диалектическому материализму качество объекта представляет собой определенную совокупность его свойств [1]. Количество понимается как «такая определенность вещи, благодаря которой (реально или мысленно) ее можно разделить на однородные части и собрать эти части воедино» [2].

Возможность разделения некоторого целого на части является важной характеристикой как исчисляемых, так и неисчисляемых объектов окружающей действительности. При этом следует отметить, что в отношении недискретных сущностей (НС) – неисчисляемых объектов эта способность

является единственно возможным способом их исчисления. Данная особенность находит отражение в языковой системе в виде наличия различного типа грамматических и лексических средств. Цель данной работы – выявление и семантический анализ значений подсистемы лексических средств квантификации (исчисления) НС в разноструктурных белорусском и китайском языках. Объектом исследования стала группа лексических единиц (квантитативов), сочетающихся с обозначениями НС в белорусском и китайском языках.

Выделенная в результате предпринятых шагов отбора материала исследования подсистема лексических средств выражения квантификации НС, как следует из полученных данных, в белорусском и китайском языках представлена широким диапазоном квантитативных единиц. Например, бел. *збан* ‘горшок’, *сподак* ‘блюдец’, *бляшанка* ‘жестянка’, *слоік* ‘банка’, *цэбар* ‘бадья’; кит. *包 bāo* ‘пакет’, *壺 hú* ‘чайник’, *瓶 píng* ‘бутылка’, *桶 tǒng* ‘ведро’, *樽 zūn* ‘чаша’ и др. Семантический анализ показал, что представленные подсистемы в обоих языках неоднородны и различны по своему количественному составу. В них входят квантитативные единицы различного типа. Так, выделенный в результате процесса квантификации сегмент НС составляет некоторую долю от недискретного целого, которая может быть представлена различными материальными формами. В языковой системе лексические единицы, их репрезентирующие, составляют широкое денотативное пространство, которое может быть описано в виде трех основных типов лексических единиц. Это обозначения частей, множеств и контейнеров. Ядро данной подсистемы единиц образуют две группы лексем. Это наименования частей и контейнеров. В данной работе мы более подробно остановимся на одном из самых многочисленных классов – лексико-семантической группе «Контейнер».

Языковая подсистема квантитативных единиц – обозначений контейнеров наиболее широко представлена в белорусском языке, о чем свидетельствуют полученные данные – 59 наименований. Менее распространена группа квантитативов в китайском языке – 30 обозначений контейнеров.

Разный количественный состав подсистем обозначений контейнеров в белорусском и китайском языках свидетельствует о специфике данных языков в выборе лексических средств, используемых для описания количественных отношений, что несомненно находит отражение в их семантике. Так, обозначения контейнеров в белорусском языке представлены следующими типами квантитативных единиц: посуда, мешок, скринка, банка, резервуар, бокал, тарелка и др. Базой подсистемы исследуемых лексических средств квантификации НС в белорусском языке является одна группа единиц. Это лексико-семантическая группа «Пасудзіна». В нее вошли квантитативы, составившие 62,7 % от общего количества отобранных лексем в белорусском языке. Данная группа представлена такими наименованиями,

как, например, *ведро, кадзь, глян, чарка* и др. Их дополняют наименования контейнеров лексико-семантических групп «Мяшок» и «Скрынка», составляющие по 6,7 % от общего количества квантитативов соответственно. К единицам данных групп относятся такие квантитативы, как *каробка, мех, чамадан, пакет* и др. В китайском языке лексико-семантические группы обозначения вместилищ имеют следующий состав: сосуды, посуда, утварь, резервуары, хранилища и др.

Как свидетельствуют полученные данные по лексико-семантическим группам обозначений контейнеров, представляется довольно сложным выделить основной доминантный лексико-семантический тип в китайском языке. Однако наибольшее число лексических единиц – 20 % относятся к лексико-семантической группе «Сосуд». Это такие наименования вместилищ, как, например, 杯 *bēi* ‘кружка’, 壶 *hú* ‘чайник’.

Анализ значений квантитативных единиц показал наличие в них определенного числа расположенных в строгом порядке компонентов. Под семантическими компонентами понимается класс семантических признаков, охватывающих все многообразие индивидуальных семантических свойств, составляющих значение слова. Например, на базе выделения в значениях лексических единиц признаков *цилиндрический, овальный* и др. мы делаем вывод о наличии у этих единиц семантического признака ‘форма’; если имеют место такие семантические признаки, как ‘железный’, ‘деревянный’, ‘стеклянный’ – это свидетельствует о наличии семантического признака ‘материал’ и т.д. Так, совокупность представленных в семантике компонентов образует семантическую модель значения слова.

Состав семантических компонентов в значениях квантитативных единиц ограничен и сводится к определенному набору семантических признаков, характерных для анализируемой подсистемы квантитативов: а именно *вес, вид производства, высота, глубина, материал, строение, толщина, функция* и др.

Следует отметить, что перечисленные семантические компоненты в разной степени представлены в значениях квантитативов. Различия в представленности в лексических значениях позволяют ранжировать их по значимости и степени распространенности, и выделить соответственно базовые ведущие семантические компоненты и наиболее редко встречаемые в исследуемых языках.

Полученные нами данные о стратификации семантических признаков в значениях квантитативов показали, что в белорусском языке наиболее частотным семантическим компонентом является функция. Указание на назначение объекта, описываемого той или иной лексической единицей, обнаружено в 69,3 % исследуемого материала, например, *бакал* «для шпыучых він», *кацел* «для награвання вады».

Ведущими семантическими признаками являются также ‘материал’ (57,6 %) (например, *слоік* «шкляная або гліняная пасудзіна», *каструля* «металічная пасудзіна») и ‘строение’ (45,7 %). Семантические признаки ‘размер’ и ‘форма’ в системе семантических компонентов значений квантитативов белорусского языка представлены почти в равном соотношении (37,2 % и 35,5 % соответственно). Например, *вядро* «цыліндрычнай формы», *чарка* «невялікая пасудзіна», *бочка* «вялікая пасудзіна», *талерка* «круглай формы» и др.

В меньшей степени представлены такие семантические признаки, как ‘широта’ (5 %) (например, *міска* «шырокая пасудзіна»), ‘высота’ (5 %) (например, *бочка* «вялікая пасудзіна»), ‘глубина’ (3,3 %) (например, *міска* «глыбокая пасудзіна»), ‘вид производства’ (3,3 %) (например, *конаўка* «звычайна самаробная»). Они расположены на периферии системы семантической организации значений квантитативов в белорусском языке.

В китайском языке система семантических компонентов представлена следующим образом: ‘функция’, ‘материал’, ‘размер’, ‘форма’ и др. Также как и в белорусском языке, семантическим компонентом, который характеризуется самой высокой степенью значимости в семантических моделях в китайском языке, является ‘функция’ (70 %). Например, *罐 guàn* «для промышленных или пищевых продуктов», *盘 pán* «для пищевых продуктов». Ведущие семантические компоненты – также ‘строение’ (43,3 %), например, *檐 dān* «с горлышком», и ‘материал’ (33,3 %), например, *壶 hú* «изготовленный из глины или металла», *锅 guō* «изготовленная из железа утварь». Одним из широко представленных в семантических моделях значений квантитативов компонентом является ‘размер’ (30 %). Например, *囊 náng* «большой мешок», *碟 dié* «маленькая тарелка». Важные семантические признаки – также ‘форма’ (20 %), например, *桶 tǒng* «овальное вместилище», *碗 wǎn* «округлая тарелка», *箱 xiāng* «квадратной формы вместилище», и ‘глубина’ (20 %), например, *缸 gāng* «глубокий контейнер», *盏 zhǎn* «неглубокая чашка» и др.

Периферию системы семантических компонентов значений квантитативов в китайском языке составляют семантические признаки ‘толщина’ (6,6 %), например, *檐 dān* «толстый кувшин», ‘высота’ (3,3 %), например, *碗 wǎn* «высокая посуда», ‘вес’ (3,3 %), например, *碗 wǎn* «тяжелый контейнер» и др. (см. рис. 1).

Описанные семантические компоненты формируют систему из двенадцати семантических признаков, которые являются необходимыми для осуществления языкового процесса квантификации НС.

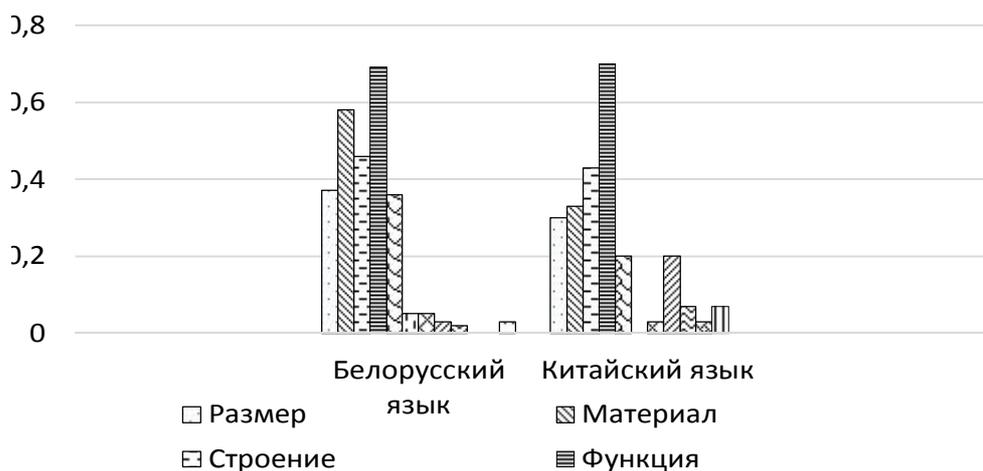

Рисунок 1. Частотность семантических компонентов в структуре лексического значения квантитативов в белорусском и китайском языках

Семантический компонент, который в наибольшей степени представлен в исследуемых языках, – ‘функция’. ‘Материал’, ‘строение’, ‘размер’ и ‘форма’ – семантические признаки, являющиеся базовыми в структуре значения квантитативов, сочетающихся с НС в белорусском и китайском языках. Менее частотны такие семантические признаки, как ‘вес’ и ‘высота’.

Необходимо также указать, что ряд рассматриваемых семантических компонентов имеет место не во всех исследуемых языках. Так, семантический признак ‘широта’ и ‘вид производства’ встречается в значениях квантитативов только в белорусском языке (5 %). Семантические характеристики ‘вес’ и ‘толщина’ являются компонентами, отмеченными в значениях квантитативов китайского языка. Достаточно часто в каждом из исследуемых языков упомянутые параметрические и другие характеристики не существуют «изолированно» в каждом отдельном лексическом значении, а формируют определенный набор, комбинацию признаков, которые в своей совокупности оказываются релевантными в отношении квантификации той или иной НС.

Установлено, что фиксируемые в значениях квантитативов типы информации различны: может быть отражен как один семантический признак из общего набора (*размер / форма / функция / материал* и др.), так и разнообразные их сочетания (например, *размер и форма, форма и функция* и др.), образуя, таким образом, в языке разные виды семантических моделей.

Наименьшее число семантических моделей представлено в китайском языке, наибольшее их число характерно для белорусского языка. Количественные различия естественным образом вытекают из отсутствия некоторых типов моделей в сопоставляемых языках и сочетаний определенных признаков. Так, ряд семантических моделей квантитативов не зафиксированы в китайском языке (например, «размер+форма+функция», «форма+материал» и др.).

Анализ семантических моделей значений квантитативов в исследуемых языках показал, что наиболее распространенными являются двухкомпо-

нентные структуры, например, «размер+форма», «форма+функция», «функция+материал» и др., и однокомпонентная структура в китайском языке, где указана только одна из набора семантических характеристик, присущих квантитативам: *форма*, *размер*, *функция*, *материал* и др. В данном случае для носителей китайского языка в отношении квантификации НС достаточным оказывается один какой-либо квант знания, что еще раз подтверждает мысль о том, что квантификация НС в китайском языке предстает как более стандартизированный процесс.

В китайском языке следует отметить такое сочетание семантических признаков, как «форма + функция». Наименее часто встречаемой семантической моделью является «функция+материал» в данном языке.

Наиболее частотной пятикомпонентной структурой в китайском языке является «размер + глубина + форма + функция + материал» (桶 *tǒng* – 盛水或其他东西的器具, 深度较大, 金属、木材或塑料等制成 ‘канистра – большой глубины контейнер для воды или других субстанций, сделан из металла или пластмассы’).

Вышесказанное говорит о том, что в разных лингвокультурах квантификация недискретных сущностей осуществляется как с помощью общей системы измерителей, так и путем специфических средств, характеризующихся индивидуальными признаками, что естественным образом отражается в системе квантитативов и их семантических свойствах. В то же время можно отметить и общую тенденцию к более частотной квантификации недискретных сущностей посредством квантитативов, в значениях которых имеет место меньшее количество семантических признаков, отражающих различные кванты информации, нежели большое. Данное положение отражено на графиках, где увеличение объема информации (ось X) приводит к «падению графиков» (ось Y) соответственно (рис. 2).

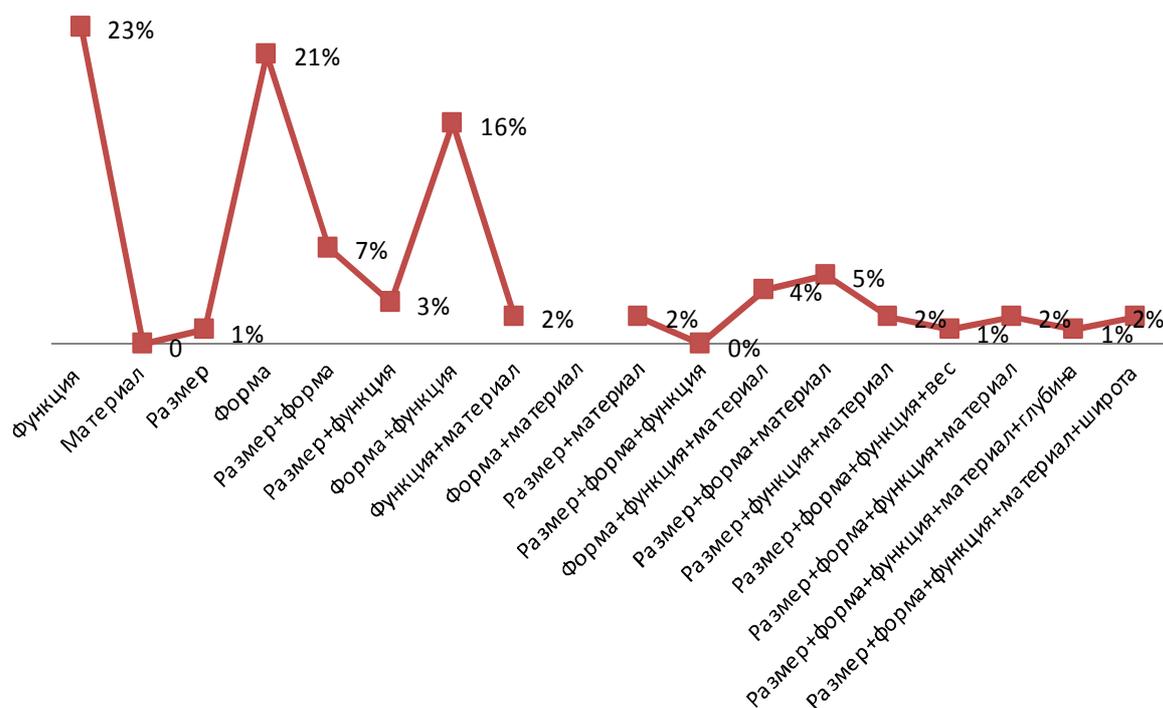

Рисунок 2. Частотность семантических моделей квантитативов в китайском языке (%)

Таким образом, существенным свойством для познания сущности выделяемых частей от недискретного целого является совокупность признаков (*размер, форма, функция, материал, способ отделения*), где ведущими являются параметрические и функциональные характеристики, зафиксированные в значениях количественных единиц в исследуемых языках. Семантические признаки, отраженные в семантике количественных единиц в белорусском и китайском языках, проявляют свою избирательность. Каждый признак может быть охарактеризован различной степенью распространенности в пределах той или иной семантической модели. В этой связи важным, на наш взгляд, является определение того, какие именно свойства и характеристики присущи разным лексико-семантическим типам количественных единиц. Это позволит в дальнейшем выявить особенности средств количественной маркировки недискретных сущностей, характерные для определенных типов количественных единиц. Различия в семантических моделях значений количественных единиц в белорусском и китайском языках приводят к образованию разных коррелятивных соответствий.

Исходя из вышеизложенного, можно сделать вывод о том, что использование переводного метода и сопоставительного метода значений при сопоставлении белорусского и русского языков, а также русского и китайского языков дает возможность построения коррелятивных рядов белорусских, китайских и русских наименований вместилищ.

ЛИТЕРАТУРА

1. Философская энциклопедия: в 5 т. / под редакцией Ф. В. Константинова. – М. : Советская энциклопедия, 1960–1970. – 5 т.
2. Сагатовский, В. Н. Философские категории. Онтология. Авторский словарь / В. Н. Сагатовский. – СПб : СПбНИУ ИТМО, 2011. – 127 с.

The article presents the results of the research of the subsystem of lexical units of the Belarusian and Chinese languages, which represent the process of quantification of nondiscrete entities. The composition, lexical-semantic properties and types of quantitative units are determined. The semantic components of the meanings of the lexeme quantifiers of non-discrete entities in the differently structured languages are revealed, semantic models of the quantitative values are established. A component analysis of the semantics of quantitative units through the construction of semantic formulas made it possible to identify the number of both general and specific characteristics of the inventory of nouns-quantitatives in both languages.

Поступила в редакцию 14.03.18

Т. А. Сысоева, М. М. Тараканова

АНОНС ТЕЛЕПЕРЕДАЧИ: ДИНАМИКА МЕДИАЖАНРА

В статье выявляются основные тенденции развития медиажанра «анонс телепередачи» в немецкоязычных и русскоязычных печатных изданиях. Обладая сложной целеустановкой (информирование о передаче и побуждение к ее просмотру), анонс в первую очередь призван реализовать стратегию привлечения внимания. Управление

вниманием адресата осуществляется в два этапа: на первом этапе «работают» графические приемы предъявления информации, тогда как на втором этапе интерес читателя поддерживается за счет смылосодержательной составляющей текста и его языкового оформления. При этом анонс постепенно укрупняется в размере и усложняется, выходя за пределы малой жанровой формы.

Характеристики любого дискурсивного жанра зависят от глобальной авторской интенции, поэтому интенциональность выступает «одной из главных в коммуникативно-прагматическом плане категорий дискурса, определяющих выбор коммуникативных стратегий для реализации авторского замысла» [1, с. 40]. Интенциональность подчиняет себе буквально все: формальную и семантическую структуру текста, стратегии и тактики воздействия на адресата, а также воплощающие их языковые средства.

Какова глобальная интенция автора медиатекста? Современные СМИ – это «средства разъяснения и популяризации, передачи особым образом обработанной, препарированной и представленной информации особому – массовому – адресату с целью воздействия на него» [2, с. 128]. С одной стороны, медиадискурс информативен, ведь именно информация является продаваемым на рынке товаром, средством передачи знания и накопленного опыта от поколения к поколению, а также отражением социокультурной идентичности человека [3]. С другой стороны, медиадискурс обладает ярко выраженным оценочным характером, который дает ему возможность оказывать «моделирующий эффект» на массовое сознание [4]. При этом отмечается многообразие стратегий воздействия, получающих воплощение в медиатексте: привлечение внимания к важной информации, убеждение в истинности мнений и оценок, побуждение к совершению тех или иных действия [1, с. 41]. Однако для конкретного жанра доминантой становится лишь одна из этих стратегий. Так, например, анонс телепередачи, опубликованный в печатных изданиях, в первую очередь направлен на реализацию стратегии привлечения внимания.

Изначально анонс относился к текстам информационного характера [5] и рассматривался сугубо как превентивное сообщение о передаче или предварительное оповещение о каком-либо событии. Основным назначением анонса было предоставление сведений о названии телевизионной программы, времени ее выхода в эфир, принадлежности к тому или иному жанру. Позже эволюционный процесс развития внес свои изменения, и сегодня анонс представляет собой сложный комплекс, включающий в себя не просто констатацию факта, но и побуждение к просмотру передачи. Иными словами, усложнилась коммуникативная задача анонса: помимо информационной функции анонс выполняет еще и рекламную, благодаря которой происходит продвижение телепередачи и выделение ее из ряда других.

С целью выявления средств привлечения внимания к анонсам телепередач было проанализировано по 50 русскоязычных и немецкоязычных сообщений из печатных изданий «СБ. Беларусь сегодня», «Вечерний Минск», «Из рук в руки», «Die Zeit», «Die Welt», «Der Spiegel». Передачи,

анонсированию которых посвящены исследуемые тексты, различаются по содержанию: среди них представлены новостные блоки, ток-шоу, документальные фильмы, развлекательные, познавательные, обучающие программы.

Можно говорить о двух основных этапах привлечения внимания читателей к анонсу телепередачи. Первый этап – выделение сообщения посредством графического оформления, архитектоники текста. Именно данный фактор во многом определяет, будет ли анонс прочитан в принципе. Несмотря на важную роль, комплекс графических средств, используемых с целью привлечения внимания читателя к анонсу, в целом ограничен: в глаза способны «бросаться» особая верстка, укрупненный или измененный шрифт, увеличенный объем самого текста. Стоит отметить, что немецкоязычной печатной среде свойственна определенная минималистичность в плане оформления сообщения, тогда как русскоязычные журналисты и редакторы используют больше графических приемов, обыгрывая название передачи, выделяя имя ведущего или название телеканала: *«“Жить здорово!” – совсем не случайное название, – говорит ее ведущая Елена Малышева. – В русском языке слова “здОрово” и “здорОво” пишутся абсолютно одинаково, а для нас важно, чтобы оба этих понятия стали для зрителей синонимами»*.

На первом этапе привлечения внимания также важен принцип распределения информации в сообщении. Существуют так называемые «сильные позиции текста», которые трактуются как особый прием демонстрации наиболее значимой информации, размещенной автором в тех местах, где она непременно будет замечена читателем [6]. К сильным позициям текста в первую очередь относится заглавие. Из-за своей малой формы заголовки накладывает ограничения: всего в паре слов автор должен заинтересовать читателя, передав скомпилированный смысл последующего текста. Именно поэтому в заголовке анонса чаще всего нет ничего лишнего, это просто название самой телепередачи: *Загадки Андрея Рублева; 30 Minutes Deutschland*. Вместе с тем креативный подход к созданию заголовка становится популярной тенденцией, и в проанализированных анонсах встречаются не только привычные назывные предложения, но также вопросы (*Как достичь справедливости и законности?; Was geschah wirklich?*), гипербола (*Лайза Минелли: если я снова выйду замуж, пристрелите меня*), оксюморон (*Ein schröcklich glamouröse Familie!*). В целом данная тенденция активнее прослеживается в русскоязычных анонсах, нежели в текстах на немецком языке.

Еще одной характеристикой современных анонсов телепередач является укрупнение размеров текста и его усложнение. Так, в прессе (особенно русскоязычной) все чаще появляются анонсы, в которых содержится не только непосредственно описание программы, но также приводятся отрывки интервью с участниками телепередачи, ее создателями, ведущими. Следовательно, анонс перестает быть текстом малой формы, выходя за рамки привычных нескольких строк и зачастую занимая целую страницу, что увеличивает авторское поле для творческой деятельности как в графическом, так и в лингвистическом плане: *Программа готовится совместно с Нацио-*

нальной академией наук Беларуси, рассказывает шеф-редактор «Наукомани» Инга Белова: – Темы придумываем вместе с учеными. В программу всегда приглашаем теоретика – например, если тема медицинская, из Министерства здравоохранения – и доктора-практика. Первый рассказывает, допустим, об отношении государства к поднятой проблеме, сосредоточивается на социальном аспекте, а второй – о новых исследованиях. Очень интересная программа получилась с участием врача-онколога, который делает операции на мозге. В данном анонсе телепередачи на белорусском телевидении приводится фрагмент интервью с одной из ее создательниц, которая рассказывает про специфику передачи и про то, каких гостей можно будет увидеть в предстоящей программе.

После того, как взгляд читателя останавливается на публикации (благодаря броскому заголовку и особому графическому оформлению текста), наступает второй этап привлечения внимания, в котором ключевую роль играют лингвистические средства, призванные заинтересовать читателя при прочтении анонса. На этом этапе важна как смыслодержащая составляющая текста, так и то, в какую вербальную оболочку она «упакована». Для того чтобы сделать анонс привлекательным для читателя газеты и «перевести» его в категорию телезрителя, нужно учесть следующий момент: «в опосредованном общении наиважнейшей целью СМИ является не только привлечение внимания аудитории, но и выстраивание с ней эффективного диалога» [7, с. 77]. Между автором текста и читателем должны установиться доверительные отношения, благодаря которым у адресата складывается образ журналиста, как «своего», «такого же, как я», который сможет ярко и доступно рассказать все самое интересное и важное для «меня» [8, с. 162]. Однако если внимание аудитории рассеивается, она не в состоянии воспринимать даже самую полезную и интересную информацию. В такой ситуации на помощь приходят экспрессивные средства языка, способные эффективно управлять процессом чтения публикации.

Для исследуемых анонсов телепередач характерны тропы, такие как метафора, позволяющая создать яркий и запоминающийся образ (около 3 % всех средств привлечения внимания в текстах на обоих языках): *7 миллиардов кубометров пресной воды – сердце гидрографии нашей страны*; *Das Herz von Sarah wurde wegen diesen Nachrichten gebrochen*. Метонимия составляет 5 % проанализированных средств в русскоязычных текстах и 2,3 % – в немецкоязычных: *Это программа для умного и неравнодушного зрителя*; *Washington und Moskau geben sich gegenseitig die Schuld*. В русскоязычном примере автор использует слово «зритель» в единственном числе для обозначения всех потенциальных телезрителей, тогда как в немецкоязычном примере названия городов по сути обозначают правительства двух стран, противостоящих другу.

Олицетворение – еще один троп, используемый в телевизионных анонсах: *Сначала программа обосновалась в баре телецентра в Останкино и провела там семь лет (с 1975 по 1982 годы)*; *Телевидение способно*

и **решает** реальные проблемы, с которыми сталкивается каждый из нас. Интересно то, что данный прием был выявлен только в русскоязычных текстах, тогда как в немецких анонсах в аналогичных случаях используется пассивный залог. Гиперболизация также более характерна для русскоязычных текстов (8,4 % всех средств привлечения внимания в русскоязычных анонсах и 1,3 % – в немецкоязычных): *Еще один шедевр кулинарии готовят для **сверхсекретной** церемонии; In “Gefragt–Gejagt“ tritt ein Team von vier Kandidaten gegen **ein Superhirn** an.* Гипербола особенно часто используется в анонсах развлекательных программ с целью выделить передачу из ряда подобных, подчеркнуть уникальные характеристики объектов, о которых пойдет речь.

В русскоязычных текстах встречаются окказионализмы (*Вести об экономике и политике, сообщения о шоу-бизнесе и спорте, курьезы из жизни знаменитостей преподносятся в особой манере – в классическом стиле «квартильщикова»*), тогда как фразеологизмы практически одинаково употребительны как в русскоязычных, так и в немецкоязычных анонсах, за небольшим количественным перевесом последних (3,9 % против 3 %): *Sie fühlt sich wie **das fünfte Rad am Wagen.*** Подобные средства приносят в текст эмоциональную окраску.

Особенностью немецкоязычных анонсов являются заимствования из английского языка (8,7 % средств привлечения внимания). Это связано с тем, что часть передач, закупленных в англоязычной среде, транслируются на языке оригинала без адаптации, поэтому многие англоязычные заимствования стали устоявшимися терминами сферы массмедиа: *Außerdem gibt es Informationen aus den Bereichen **Entertainment, Mode und Lifestyle.*** В свою очередь, для русскоязычной среды более характерны просторечия, позволяющие «сблизить» автора анонса с читателем: *Когда выступают дети известных родителей, всегда кажется, что возьмут **по бламу.***

Однако самым употребительным средством привлечения внимания на лексическом уровне являются положительно окрашенные слова, преимущественно прилагательные. Они преобладают как в русскоязычных (39,7 % всех средств выдвижения информации), так и немецкоязычных анонсах телепередач (49,5 %): *Disney и «Первый канал» представляют первый совместный телевизионный проект – **уникальный** сериал для всей семьи «После школы»; Саундтрек фильма составлен из **культовых** ностальгических ретрокомпозиций и **ультрасовременных зажигательных** песен; *Nicht Klatsch und Tratsch stehen im ZDF-Prominentenmagazin im Vordergrund, sondern **seriöse, authentische** Berichterstattung – mit dem **nötigen** Respekt oder einem **ironischen** Augenzwinkern.* Использование подобных слов позволяет автору дать положительную оценку объектам, упоминаемым в анонсах телепередач. Представляя собой аргументы в пользу выбора телезрителем именно данного медиапродукта, прилагательные подчеркивают качества, которые отличают программу от других передач, транслируемых в это время на других телеканалах. Спецификой немецкоязычных текстов является использование первого и второго причастий (Partizip I, Partizip II) в роли*

прилагательных. Таким образом автор текста дает рядом стоящему существительному качественную характеристику: *Als Laura bei ihrem Freund Alexander einen **funkelnden** Ring findet, steht für sie fest: es ist nur noch eine Frage der Zeit, bis er ihr einen Antrag macht.*

Далее рассмотрим синтаксические средства привлечения внимания в анонсе. Одним из самых эффектных способов предъявления информации являются вопросительные предложения, которые одинаково активно используются русскоязычными авторами и их немецкоязычными коллегами (7 % всех средств реализации стратегии привлечения внимания): *Кто из великих актеров начинал свою карьеру, выступая на Кремлевской елке, почему нельзя ругаться при производстве новогодних декораций и какие персонажи будут в этом году на главной елке страны?; Как понять, что нам действительно важно в будущем избраннике, а что только кажется важным?; Gibt es ab heute in Deutschland einen Millionär mehr? Welches Land geht am Ende als Sieger hervor?* Еще одно явление, используемое в обоих языках, – эллиптические предложения: *Теперь ежедневно.* Отличие русскоязычных анонсов от немецких состоит в том, что авторы текстов на русском языке употребляют неполные предложения ближе к началу текста, в заголовке, в то время как их немецкоязычные коллеги употребляют такой вид предложения по всему корпусу анонса.

К синтаксическим средствам привлечения внимания относятся восклицательные и императивные предложения. Их главная цель – побуждение читателя к действию, а именно к просмотру передачи или фильма: *Die Schere zwischen Arm und Reich geht immer weiter auseinander!; Будь в курсе!; Иди в ногу со временем!; Голосуй и смотри!; Если хотите первыми увидеть эксклюзивные кадры самых громких событий в стране и мире, Вы – наши зритель!* Стоит отметить, что данные конструкции были выявлены преимущественно в русскоязычных анонсах.

Вопросы, восклицания, императивы и эллиптические конструкции позволяют вовлечь читателя в воображаемую беседу, способствуя диалогизации, или интимизации изложения.

В ходе анализа анонсов телепередач русскоязычной и немецкоязычной телевещательной среды была замечена следующая особенность: языковые средства привлечения внимания зависят от того, для какого типа передачи был написан текст. Так, например, анонс ток-шоу коренным образом отличается от анонса телевизионного фильма. В анонсах телевизионных фильмов используется больше прецедентных имен, упоминаются предыдущие работы актера, режиссера: *Режиссером картины выступил Владимир Краснопольский («Вечный зов», «Тени исчезают в полдень»).* В некоторых русскоязычных анонсах к развлекательным телепередачам содержатся небольшие исторические справки, касающиеся как истории становления самой передачи, так и истории страны в целом: *Суд присяжных в России появился в 1864 году, после судебной реформы Александра II и просуществовал до 1917 года.* Главной отличительной чертой подобных исторических справок является обилие дат, указание точных временных отрезков, конкретных имен.

В анонсах к развлекательным передачам в целом наблюдается самое частое использование разнообразных лексических средств создания образности или апелляции к эмоциям: *Путешествие – лучший способ про-чистить голову и зарядить себя энергией*; *Каждый гость программы рассматривается через призму наиболее известных, серьезных и важных событий его жизни*; *Dating-Doku-Soap über heiratswillige Landwirte: Zehn Bauern suchen eine Frau*; *Crime Storys gehören ebenso zu "hallo deutschland" wie die «retro»-Reihe über herausragende Ereignisse der vergangenen Jahrzehnte*.

Сопоставив тенденции развития жанра «анонс» в двух лингвокультурах, отметим следующее: для русскоязычных анонсов характерны образность и эмоциональность, о чем свидетельствует более частое использование гипербол, метонимии, олицетворения, восклицательных высказываний; в русскоязычный анонс добавляются просторечные слова и окказионализмы, позволяющие «стереть границы» между автором и читателем. В свою очередь, немецкоязычные анонсы более сдержанны графически, изобилуют фактологической информацией и заимствованной лексикой (англоязычной), демонстрируют тенденцию к «пассивизации» и использованию причастий в роли прилагательного. Сходные признаки анонсов на двух языках таковы: употребление положительно окрашенных прилагательных, метафор, вопросительных и эллиптических предложений одинаково характерно для обеих лингвокультур.

В процессе общего развития и трансформации жанра «анонс теле-передачи» следует выделить три важных момента. Во-первых, произошло изменение глобальной авторской интенции: акцент сместился с информирования на рекламу, свидетельствуя о слиянии в текстах анонсов двух дискурсов – рекламного и информационного. Во-вторых, наблюдается тенденция к укрупнению текста, его усложнению, сочетанию различных жанров внутри него (краткая информация о передаче плюс интервью с участниками, историческая справка и т.д.). Это позволило анонсам выйти за прежние форматные рамки как в плане размера, так и своей направленности, став более интерактивными. В-третьих, генеральная стратегия привлечения внимания реализуется в анонсе в два этапа. На первом этапе происходит привлечение внимания читателей к сообщению за счет визуальной составляющей и «сильных позиций» текста, тогда как при более детальном прочтении анонса (на втором этапе) внимание читателей привлекает его содержание, а также яркое, апеллирующее к эмоциям описание теле-передачи.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Карпилович, Т. П.* Эксплицитные и имплицитные средства в вербализации интенциональности медиадискурса / Т. П. Карпилович // Эксплицитное и имплицитное в языке и речи : тезисы докл. Междунар. науч. конф., Минск, 10–11 мая 2017 г. / редкол. : Л. М. Лещева (отв. ред.) [и др.]. – Минск : МГЛУ, 2017. – С. 40–42.

2. *Кубрякова, Е. С.* Вербальная деятельность СМИ как особый вид дискурсивной деятельности / Е. С. Кубрякова, Л. В. Цурикова // *Язык СМИ как объект междисциплинарного исследования : учеб. пособие / Московск. гос. ун-т им. М. В. Ломоносова ; отв. ред. М. Н. Володина. Ч. 2. – М. : Изд-во Московского университета, 2004. – С. 126–159.*
3. *Полонский, А. В.* Медиа – дискурс – концепт: опыт проблемного осмысления / А. В. Полонский // *Современный дискурс-анализ: научный журнал [Электронный ресурс]. – Режим доступа : <http://discourseanalysis.org/ada6/st43.shtml>. – Дата доступа : 24.08.2016.*
4. *Кайда, Л. Г.* Композиционная поэтика публицистики : учеб. пособие. / Л. Г. Кайда. – М. : ФЛИНТА : Наука, 2006. – 144 с.
5. *Тертычный, А. А.* Жанры периодической печати / А. А. Тертычный. – М. : Аспект пресс, 2000. – 312 с.
6. *Арнольд, И. В.* О значении сильной позиции в интерпретации художественного текста / И. В. Арнольд // *Иностраный язык в школе. – 1978. – № 4. – С. 23–31.*
7. *Деминова, М. А.* Медийная коммуникация: преодоление времени и пространства в диалоге с аудиторией / М. А. Деминова // *Вестн. Новосиб. гос. ун-та. Сер.: История, филология. – 2013. – Т. 12, вып. 10: Журналистика. – С. 77–87.*
8. *Рацибурская, Л. В.* Специфика воздействия в современном медийном словотворчестве / Л. В. Рацибурская, Н. А. Самыличева // *Вестн. Воронеж. гос. ун-та. Сер.: Лингвистика и межкультурная коммуникация. – 2013. – Вып. № 2. – С. 162–167.*

The article deals with TV previews from Belarusian and German print media. As the given media texts increase in size and become more complex, their authors employ a multitude of linguistic and graphic means to attract the potential TV viewers' attention.

Поступила в редакцию 21.03.18

А. К. Шевцова

КОММУНИКАТИВНО-ПРАГМАТИЧЕСКАЯ НАПРАВЛЕННОСТЬ СТАТУСОВ В СОЦИАЛЬНЫХ СЕТЯХ (на материале белорусского, русского и английского языков)¹

Статья посвящена определению положения статусов социальных сетей в парадигме интернет-жанров, а также выявлению и сопоставлению коммуникативно-прагматического потенциала статусов на трех языках. Белорусскоязычные статусы преимущественно направлены на коммуникативное взаимодействие, в то время как русско- и англоязычные

¹ Исследование выполнено в рамках НИР «Тенденции развития и функционирование белорусскоязычного медиадискурса в условиях глобализации и межкультурного диалога» (№ госрегистрации 20161437) подпрограммы «Белорусский язык и литература» государственной программы научных исследований «Экономика и гуманитарное развитие белорусского общества» на 2016–2020 гг.

статусы примерно в равной степени несут потенциал воздействия и взаимодействия. При этом англоязычные пользователи стремятся взаимодействовать с адресатами в более открытой форме по сравнению с белорусско- или русскоязычными коммуникантами, которые размещают в статусах обобщенную информацию, направленную на побуждение собеседников к совместному рассуждению.

В фокусе внимания современной лингвистической науки находится Интернет-коммуникация как относительно новая сфера общения и функционирования речи широкого круга пользователей. С возрастающим интересом к различным типам электронных текстов все большее развитие получает сфера виртуального жанроведения – попытка научно обосновать типологию новых интернет-жанров. Большинство исследователей сходятся во мнении о неоднозначности и нестабильности существующих виртуальных жанров, о продолжающемся их становлении и появлении новых жанров, комплексном характере уже существующих жанров, которые взаимопересекаются и эволюционируют. По мнению Л. Ф. Компанцевой, активное развитие Интернет-коммуникации привело к «модификации ряда речевых жанров, что само по себе свидетельствует об изменении прагматических установок и целей участников этого вида коммуникации, актуализации феномена языковой личности, которая через систему речевого жанра самопрезентирует себя в виртуальном дискурсе» [1, с.174].

На фоне формирующейся виртуальной жанровой парадигмы неоднозначным представляется место в ней статуса социальных сетей. Статус применительно к интернет-дискурсу – это особый вид коммуникации, характерный для общения через социальные сети и имеющий вид текстового сообщения, который каждый пользователь может разместить самостоятельно в специально предназначенном для этого окне [2]. Социальный статус каждого отдельного пользователя может быть доступен всем посетителям в сети. С помощью таких коротких текстов коммуниканты сообщают о любых событиях, происходящих в их жизни, новостях, планах. Однако помимо информирующей функции многие статусы несут значительный воздействующий потенциал, побуждая адресатов к действиям, определенным рассуждениям и т.п.

Обзор имеющейся научной литературы по вопросам виртуального жанроведения (Е. И. Горошко, О. Ю. Усачева, О. В. Лутовинова, Л. Ю. Щипицина, Е. Н. Галичкина, D. Crystal, T. Erickson, S. Herring и др.) позволил сделать попытку идентификации места статуса социальных сетей в виртуальной жанровой парадигме. Если принять за основу следующую иерархию: гипержанр – жанр – субжанр – жанроид, то статус относится к категории субжанра. При этом в качестве гипержанра будет выступать социальная сеть [3], а в роли жанра – персональная страница [4]. В данном ракурсе жанр задает определенные, регламентируемые им же социальные отношения между участниками коммуникации, содержит образцы речевого поведения и несет в себе конкретный свод правил и социальных отношений. Важным параметром при этом будет выступать способность жанра организовывать

коммуникативное пространство и помогать эффективно использовать его при решении практических задач [5; 6]. Гипержанром считается жанровое макрообразование, включающее ряд жанров. В качестве субжанра выступает определенная жанровая форма, которая презентует одноактные высказывания [7; 8; 9].

Субжанр статуса социальных сетей относится к презентационным [10], так как способствует самовыражению коммуниканта и представлению его данных о себе другим участникам общения, а также дискурсоприобретенным, поскольку представляется «устойчивым типом высказываний в уже сложившихся формах общения, жестко обусловленных в виртуальной среде определенными техническими параметрами» [11, с. 285].

Объектом настоящего исследования послужили 600 белорусско-, русско- и англоязычных статусов в социальных сетях (по 200 на каждом из языков). Анализ проводился с точки зрения коммуникативно-прагматической природы социальных статусов, которая до сих пор не была однозначно определена и описана. С одной стороны, статус представляет собой монологическое высказывание определенного адресанта, с другой – сообщение с целью создания определенного эффекта, получение реакции-ответа на размещенный статус. В исследованиях Е. В. Варламовой предлагается ряд приемов, с помощью которых реализуются функциональные и языковые особенности интернет-статусов [12; 13]. К наиболее популярным лингвистическим приемам сжатия информации у авторов статусов относятся: использование обозначений не только в виде букв, но и в виде цифр; создание сложных слов; частотное использование инфинитивных конструкций; авторское несоблюдение грамматических правил; использование приемов инверсии; использование тропов и идиом; создание яркой образности; применение компонентов устной речи (например, цитаты, сленговые обороты); постановка риторических вопросов; цитирование авторитетных источников.

В русле данного исследования статусы социальных сетей интерпретируются либо как инструменты коммуникативного взаимодействия, либо как механизмы одностороннего речевого воздействия. При этом следует пояснить понимание речевого взаимодействия и коммуникативного воздействия, принятое в настоящей работе. Как отмечает Т. Н. Ушакова, речевые намерения говорящего есть не что иное, как предметные направленности субъекта, которые образуют основу и глубинное психологическое содержание речи. Это содержание имеет прямую связь с целями деятельности и «видением мира» говорящим, его желаниями, нуждами, установками [14, с. 114–116]. Соответственно, речевое выражение и распознавание интенций выступает важнейшей предпосылкой речевого взаимодействия: координации совершаемых действий, достижения целей участников общения. Говорящий демонстрирует в собственной речи актуальные интенции, и их понимание является основанием или частичным основанием для последующих реплик собеседника [15].

Помимо потенциала взаимодействия многие статусы социальных сетей обладают способностью оказывать коммуникативное (порой психологическое) воздействие на адресатов. Такие сообщения указывают на то, что адресант пытается внушить определенную мысль, спровоцировать коммуникантов, подтолкнуть их к действиям, ответной реакции. Можно предположить, что все провокационные статусы воздействующего характера – это следствие так называемого «синдрома дефицита внимания», который стимулирует социальную активность с помощью подобных сообщений. В случае, если обратная реакция на такой статус отсутствует, владелец страницы начинает чувствовать себя еще хуже: у него появляется патологическое желание снова и снова обновлять свою страницу, а затем – писать еще более провокационные сообщения. Основной вопрос нашего исследования состоит в том, каково же соотношение этих двух типов статусов и, соответственно, какую коммуникативно-прагматическую установку несут в себе статусы в трех избранных для анализа лингвокультурах.

Языковыми маркерами коммуникативного воздействия в отобранных примерах, являются обращения (*Смаркачы, прыйшоў ваш час!*; *Дорогие мужчины, не забудьте поздравить своих женщин с праздником!*; *My friends, thanks for congratulations! You're the best*); этикетные формулы приветствия (*Усім добрага дня!*; *Привет всем!*; *Hi-Hi!*); формы будущего времени со значением предположения (*Мары зд'яйсняяцца! Патрэбна верыць, усё будзе!*; *You will trust me...As I trusted you then... And I will deceive you cruelly!!!*); императивные конструкции (*Няхай вашым добрым настроем і смехам падавяцца нашыя і вашыя нядобразычліўцы!*; *Не торопись взрослеть, научись быть взрослым*; *Перепрограммируй себя сам или $(x^2+y^2-1)z-x^2y^3=0$* ; *Keep moving ... No yesterdays on the road*); повествование от имени собеседника или адресата (*You think you have forever, but you don't*). К категории статусов воздействия мы отнесли статусы-объявления рекламного характера, так как в их основе лежит целенаправленное побуждение к определенным действиям, принуждение купить что-то или воспользоваться услугой (*Распадаем рэшткі, падрабязнасці ў набліку*; *Фотаю! (номер телефона)*; *mr. Photographer for you*).

Статусы взаимодействия основываются на прямом или завуалированном призыве адресата к диалогу и направлены на получение определенной реакции собеседника. В качестве подобных статусов выступают высказывания со значением очевидного призыва к общению со знаком вопроса, подразумевающие получение ответа или статусы-восклицания (*Ці ёсць сярод вас чалавек, які, калі сын ягоны папросіць у яго хлеба, дасць яму камень?*; *Я Ваш пасрэднік для перадачы віртуальных паштовок! ☺*; *Where is the souvenir shop at your crematory?*); провокационные фразы, побуждение людей порассуждать вместе (*Беларускія ёгі – самыя моцныя*; *Адвага, асабісты гонар ды духоўнае і фізічнае самаўдасканаленне часта згадваюцца як найважнейшыя цноты паганства*; *Every cloud has a silver lining*; *Only I know how to love me... but don't tell!*); статусы-послания (*Чакаю лета ...*

i Славакію!!!; 3 words 8 letters say it and I'm yours...). Кроме того, к группе статусов взаимодействия можно отнести статусы со значением рассуждения (*У кожнага свой шлях і выпрабаванні; Жить надо так, чтобы некогда было писать в Twitter; Happiness is not a destination. It is a method of life*); самомотивация (*Трэба варушыцца!; Everything that kills me makes me feel alive*).

Следует отдельно отметить статусы, которые на первый взгляд не содержат очевидных языковых идентификаторов воздействия или взаимодействия. К данной категории принадлежат цитаты великих людей, цитаты из музыкальных произведений, кинофильмов, общеизвестные выражения, крылатые фразы, фразеологизмы. Например, белорусскоязычные статусы: *Кінь вечны плач свой аб старонцы! Няўжо жа цёмнай ноччу ты не бачыш, што глядзіцца Сонца ў люстэрка – Месяц залаты? (М. Багдановіч)*; русскоязычные статусы: *Не имеет смысла нанимать толковых людей, а затем указывать, что им делать. Мы нанимаем толковых людей, чтобы они говорили, что делать нам (Стив Джобс), Улыбка – это поцелуй души*; англоязычные статусы: *A little party never killed nobody, Love is an irresistible desire to be irresistibly desired (Robert Frost)*. В нашем исследовании мы отнесли подобные статусы к разряду статусов взаимодействия, поскольку они содержат потенциальный посыл к аудитории с завуалированной интенцией презентовать определенное мнение и, возможно, мотивировать других к диалогу, совместному рассуждению. К этой же категории статусов мы отнесли статусы-самопрезентации (*Хрысціянін, муж, тата, беларус. Цікаўлюся кіно; Другі раз тата; Не очень одета; I'm a broken pipe*), в которых человек пытается выразить себя, сообщить о себе новую информацию, вероятно, с целью привлечения внимания к себе, поиска новых друзей, завязывания новых диалогов.

Анализ 600 статусов на белорусском, русском и английском языках, отобранных методом сплошной выборки, показал общую тенденцию доминирования статусов взаимодействия в белорусском и русском языках. При этом процентное соотношение статусов воздействия и взаимодействия оказалось несколько различным. Англоязычные статусы воздействия и взаимодействия представлены примерно в равных долях с незначительным превалированием воздействующих статусов (см. рисунок).

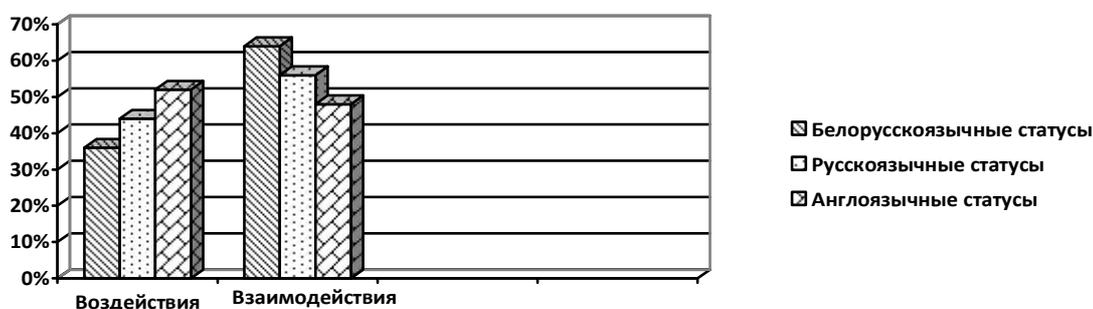

Рисунок. Соотношение статусов воздействия и взаимодействия на белорусском, русском и английском языках

Наиболее значительная разница в соотношении двух исследуемых типов статусов была замечена на материале белорусского языка. Белорусскоязычные статусы взаимодействия составляют 64 % и преобладают над статусами воздействия (36 %). При этом у белорусских пользователей социальных сетей наибольшей популярностью пользуются статусы-послания и статусы-рассуждения, призванные сообщить новую информацию об авторе статуса и поразмышлять вместе (*Рушым на Варшаву, а там – мора-сонца-Партугалія; Што патрэбна чалавеку насамрэч, дык гэта не спакой, а напружанне сілаў і змаганне дзеля дасягнення годнай, па ўласнай волі выбранай мэты; Шчасце ёсць ☺*). 16 % от общего количества белорусскоязычных статусов занимают простые именные предложения, которые, вероятно, отражают внутреннее состояние адресанта (*Раздарожжа; Шыпына і Ружа; Саюз Мінервы і Амура*). Такие статусы мы также отнесли к категории взаимодействующих, поскольку они направлены на ответную реакцию собеседников, предполагают их участие и понимание.

Среди белорусскоязычных статусов воздействия лидирующую позицию занимают статусы-обращения и статусы-объявления, также достаточно частотны статусы мотивационного характера, содержащие императивную форму глагола или форму глагола будущего времени (*Шаноўнае ясна-вельможнае паньства! Пакуль спадар Юры адпачывае на вакацыях, вы, спадзяёмся, часу не губляеце і актыўна падарожнічаеце самі. Дасылайце нам невялічкія справаздачы з вашых вандровак па Беларусі; Мы верым, мы можам, мы разам – пераможам!*).

В целом следует отметить достаточно живой язык авторов белорусскоязычных статусов. Они креативно подходят к выбору языковых средств в своих высказываниях-статусах, не боятся прибегать к игре слов, образуют смелые сочетания слов. Например: *КАЦІСЯКОЛА!; Гэта ўсё праўда пра свяшчэнных кароў – ходзяць па вуліцах нічыя каровы, часам кампашкамі па некалькі, ляжаць, дзе хочуць, нават на дарозе, ну і ляпёшкі раскідваюць таксама ў рандомным парадку; Красацішча, я шчытаю!*

Анализ русскоязычных статусов показал незначительное преобладание, как и на материале белорусского языка, статусов взаимодействия – 56 % против 44 % статусов воздействия. Русскоязычные статусы взаимодействия чаще всего базируются на перефразировании известных высказываний, на цитатах и игре слов (*Тяжело в ученье – легко на гособеспеченьи; Люди научились плавать, как рыбы, летать, как птицы. Осталось теперь научиться жить, как люди*); включают существительные и прилагательные, обозначающие чувства, которые испытывает коммуникант (*Я счастлива, ведь в моей жизни есть люди, которым я могу сказать: «Я люблю тебя»*); статусы-шутки: *Мальчик с фамилией Гоаграмакишикирян очень редко выходит к доске!*; аббревиатуры и сокращения, призванные завуалировать послание к адресату, заставив его разгадать значение статуса (*A*). Примерно 28 % от общего количества русскоязычных статусов составляют провокационные статусы со значением критики (*Только русские, с их нежеланием работать, могли назвать ВКЛЮЧАТЕЛЬ ВЫКЛЮЧАТЕЛЕМ!*); грусти

(Только когда остаешься один, задумываешься о многом); намек (Со мной сложно, но те, кто любят, справляются). Достаточно частотны статусы взаимодействия в форме вопросительных предложений, предполагающих ответ со стороны адресата (Почему?); сопереживание (Представляете, как тяжело выучить русский язык иностранцам, если даже русские не могут писать правильно); утешение (Устаешь ждать, но насколько хуже было бы, если бы ждать стало нечего); призыв людей порассуждать вместе (Ленивые всегда собираются сделать что-нибудь). Кроме того, русскоязычные пользователи социальных сетей часто используют вопросительные предложения, выполняющие функцию приглашения к коммуникации (Ни к чему нельзя привыкать, понятно?).

Среди статусов воздействия чаще всего встречаются статусы, содержащие обращения и императивные конструкции: Пожалуйста, если добавляетесь в друзья, – пишите, что у нас есть или может быть общего. Спасибо!; Мои дорогие друзья! спасибо вам всем за поздравления! я даже не представляю, как бы я жила без вас! какое счастье, что вы у меня есть!; Хочешь, чтобы тебя ненавидели? Расслабься и будь собой, не напрягайся!; сознательное приглашение: Приглашаю на самые интересные экскурсии по городам Европы!; предложение (услуг, помощи): Ремонт бензиновых двигателей, замена сцепления, пишите в лс или по номеру ...; призыв к какому-либо действию: Скоро 9 мая, давайте же при встрече этих людей просто подойдем, пожмем им руку и скажем СПАСИБО!); Все на MindStorm!!!; статусы-обращения: Baby, you're the best in any directions.

В группе англоязычных статусов взаимодействия доминируют прямые призывы к общению (вопросы собеседникам): Let's talk about something else?; Why can't you tell anyone how bad you feel? Do you think it's possible to fall in love with the idea of a person?; Can someone ask Tokio Hotel what they thought about the mosque they visited in Russia and about Islam, please?; статусы-провокации: Everybody lies.

На фоне примерно одинакового количества статусов взаимодействия и воздействия (48 % и 52 % соответственно) все же статусы социальных сетей на английском языке обладают наиболее значительным воздействующим потенциалом по сравнению с русско- и белорусскоязычным материалом. Самыми частотными маркерами воздействия в англоязычных статусах являются: повествование от имени собеседника либо адресата, этикетные формулы приветствия, формы будущего времени со значением предположения, «предсказания», императивные конструкции, глаголы волеизъявления (One day when the sky is falling, I'll be standing right next to you; Come to me like rain to sea; Dress Italian, drive German, kiss French, be Russian; Remember, even the age is not important when you love; Leave me alone!).

Таким образом, в результате проведенного исследования выявлены общие тенденции коммуникативно-прагматической направленности статусов социальных сетей на трех языках. Белорусскоязычные пользователи предпочитают публиковать статусы, направленные на коммуникативное взаимодействие. При этом они виртуозно оперируют речевыми оборотами и используют разговорные речевые конструкции, что создает эффект естественной

коммуникации. Поскольку общее число белорусскоязычных пользователей невелико, то они образуют своего рода клуб – систему, открытую для общения и расширения за счет вступления в нее новых коммуникантов. Данный фактор вместе с выявленными ранее чертами белорусского коммуникативного этностиля (прямолинейность, нейтральность, нетерпимость к неопределенности и другие) [16, с. 108] может служить объяснением установленной тенденции.

Русско- и англоязычные статусы характеризуются более уравновешенным соотношением воздействующего и взаимодействующего потенциала. Основу русскоязычных статусов взаимодействия часто составляют шутки, провокационные высказывания и вопросительные предложения, а англоязычных – прямые призывы к коммуникации в виде вопросительных или восклицательных предложений. То есть англоязычные пользователи стремятся взаимодействовать с адресатами в более открытой форме по сравнению с белорусско- или русскоязычными коммуникантами, которые размещают в статусах обобщенную информацию, направленную на побуждение собеседников к совместному рассуждению. Речевое воздействие на материале трех языков в большинстве случаев достигается аналогичными способами – путем использования обращений, императивов, этикетных формул, восклицательных предложений, повествовательных предложений от имени адресата.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Компанцева, Л. Ф.* Интернет-коммуникация: когнитивно-прагматический и лингвокультурологический аспекты / Л. Ф. Компанцева. – Луганск : Знание, 2007. – 444 с.
2. Что такое статусы? [Электронный ресурс]. – Режим доступа : <http://statuses.info/index/status/0-2>. – Дата доступа : 03.04.2017.
3. *Горошко, Е. И.* Виртуальное жанроведение: устоявшееся и спорное / Е. И. Горошко, Е. А. Жигалина // Ученые записки Таврического нац. ун-та имени В. И. Вернадского. Сер. «Филология. Социальные коммуникации». – 2011. – Т. 24 (63). – № 1. – Ч. 1. – С. 105–124.
4. *Shepard, M.* The Evolution of Cybergenres / M. Shepard, C. R. Watters // Proceedings of the 3st Annual Hawaii International Conference on System Sciences. – Maui, Hawaii : Computer Society Press, 1998. – Vol. 6. – P. 97–109.
5. *Гусейнова, И. А.* Жанровая организация маркетингового дискурса : монография / И. А. Гусейнова. – М. : ИПК МГЛУ «Рема», 2009. – 364 с.
6. *Herring, S.* A Faceted Classification Scheme for Computer-Mediated Discourse [Electronic resource] / S. Herring. – Mode of access : <http://languageatinternet.de/articles/761>. – Date of access : 03.12.2017.
7. *Дементьев, В. В.* Социопрагматический аспект теории речевых жанров / В. В. Дементьев, К. Ф. Седов. – Саратов : Изд-во Саратовского педагогического института, 1998. – 107 с.

8. Кожевникова, К. В. Об аспектах связности в тексте как целом / К. В. Кожевникова // Синтаксис текста / отв. ред. Г. А. Золотова. – М. : Наука, 1979. – С. 46–70.
9. Crystal, D. Language and the Internet / D. Crystal. – London : Cambridge University Press, 2001. – 275 p.
10. Щипицина, Л. Ю. Компьютерно-опосредованная коммуникация : лингвистический аспект анализа / Л. Ю. Щипицина. – М. : Красанд, 2010. – 296 с.
11. Лутовинова, О. В. Лингвокультурологические характеристики виртуального дискурса / О. В. Лутовинова. – Волгоград : Перемена, 2009. – 477 с.
12. Варламова, Е. В. Интернет-дискурс как феномен / Е. В. Варламова // Вестн. Поморского ун-та. Сер. «Гуманитарные и социальные науки». – № 5. – 2006. – С. 136–138.
13. Варламова, Е. В. К вопросу о типах и категориях дискурса / Е. В. Варламова // Использование информационных и коммуникационных технологий в обучении иностранным языкам в контексте диалога культур: материалы междунар. науч.-практ. конф. – Астрахань : 2002. – С. 138–141.
14. Ушакова, Т. Н. Слово в действии. Интент-анализ политического дискурса / Т. Н. Ушакова, Н. Д. Павлова [и др.]. – СПб. : Алетейя, 2000. – 316 с.
15. Павлова, Н. Д. Интенциональная структура речевого взаимодействия [Электронный ресурс] / Н. Д. Павлова, В. А. Афиногенова // Психологические исследования. – М., 2014. – № 35. – Режим доступа : <http://psystudy.ru/index.php/num/2014v7n35/989-pavlova35.html>. – Дата доступа : 16.01.2018.
16. Шевцова, А. К. Жанр радиодискуссии в британской и белорусской лингвокультурах: монография / А. К. Шевцова. – Могилев: МГУ имени А. А. Кулешова, 2016. – 180 с.

The article is devoted to the identification of the position of social networks statuses in the paradigm of Internet genres, as well as to the analyses of communicative and pragmatic potential of statuses in three languages (Belarusian, Russian and English). The research shows that the Belarusian statuses are mainly aimed at communicative interaction, while the Russian and English ones have an almost equal potential of impact and interaction.

Поступила в редакцию 05.02.18

Е. В. Шилей

НАИМЕНОВАНИЕ ОРГАНИЗАЦИИ КАК ПРАГМАТИЧЕСКАЯ СОСТАВЛЯЮЩАЯ ЭФФЕКТИВНОЙ КОММУНИКАЦИИ С ВНЕШНЕЙ ЦЕЛЕВОЙ АУДИТОРИЕЙ

В аннотируемой статье представлены результаты ассоциативного эксперимента, целью которого являлось определение коммуникативной эффективности наименований организаций с точки зрения целевой аудитории. В ходе эксперимента респондентам было предложено оценить названия организаций по ряду параметров, что в дальнейшем

помогло определить наиболее предпочтительные номинативные модели, позволяющие установить и поддерживать эффективную коммуникацию между организацией и представителями внешней целевой аудитории.

Наименование организации является важным элементом ее внешней коммуникации, способствующим привлечению внимания потенциальных потребителей и установлению контакта между компанией и целевой аудиторией. Изначально наименования организаций изучались в рамках отдельной части лингвистики, занимающейся исследованием имен собственных, – ономастики. В работе «Общая теория имени собственного» (1985) А. В. Суперанская предложила общий термин для обозначения имен собственных деловых объединений людей, включающий наименования союза, организации, учреждения, корпорации, предприятия, общества, заведения, кружка, – эргоним [1, с. 215]. Особенностью изучения эргонимии в последние годы можно считать то, что исследователи онимии города не ограничиваются лишь лексико-семантической и грамматической классификацией материала. Современные авторы анализируют наименования организаций в аспектах лингвистики текста, прагмалингвистики, лингвокультурологии, социолингвистики. В современных исследованиях название предприятия рассматривается как свернутый, многоплановый текст, который имеет автора и адресата с определенными чертами [2, с. 5]. Как отмечает Т. В. Чернышова, «особую актуальность приобретают исследования, в которых коммуникативные отношения автора и адресата рассматриваются не как простой обмен информацией, когда автор выступает как активный субъект, а как взаимодействие, помещенное в социально-культурные условия ситуации» [3, с. 11]. Получатель сообщения, в данном случае представленный внешней целевой аудиторией, воспринимается как активный участник процесса коммуникации. В рамках интеракционной модели коммуникация осуществляется не путем «трансляции информации и манифестации намерения, а как демонстрация смыслов» [4], при которой важная роль активно воспринимающего отводится адресату как соучастнику общения и интерпретатору. В этой связи при исследовании процесса коммуникации между организацией и внешней целевой аудиторией через наименование организации необходимо учитывать не только роль номинатора, его создающего, но и роль получателя сообщения, интерпретирующего наименование.

Вопрос номинации организации с точки зрения номинирующего субъекта в литературе изучен достаточно подробно. Исследования С. О. Горяева посвящены изучению номинативных интенций субъекта номинации [5]; С. В. Земскова, А. М. Емельянова рассматривают лексико-семантический, грамматический аспект наименований организаций на примере городов Российской Федерации [6; 7]. На материале английских эргонимов А. В. Беспалова выделяет структурно-семантические модели наименований [8]. В литературе также представлены результаты исследований прагматической составляющей наименований организаций: Н. В. Шимкевич [9], Н. В. Носенко [10], М. Г. Курбанова [11], Е. А. Трифонова [12] и др. рассматривают наимено-

вания организаций с точки зрения побудительной силы названия, основной целью которого является попытка оказать влияние на поведение потенциального клиента.

При всей значимости получателя-интерпретатора для эффективной коммуникации, влияние представителей внешней целевой аудитории на успешность функционирования наименования исследовано недостаточно. Процесс эффективной коммуникации между организацией и целевой аудиторией посредством наименования предполагает взаимодействие между номинирующим субъектом как адресантом сообщения и потенциальными потребителями, выступающими в качестве адресатов сообщения. Для привлечения внимания целевой аудитории номинирующий субъект выбирает из множества принципов и способов номинации наиболее подходящие. На выбор номинатора оказывают влияние такие факторы, как исторический период (Шимкевич [9], Крюкова [13]), языковая мода (Крюкова) [13], личные предпочтения автора, его вкус, видение. С другой стороны, предпочтения интерпретатора сообщения, представленного целевой аудиторией, совпадение или несовпадение интенций номинатора и ожиданий общественности также в значительной мере влияют на эффективность наименования и, как следствие, на деятельность организации в целом. С целью выявления коммуникативной эффективности наименований организаций целесообразным представляется проведение ассоциативного эксперимента для подтверждения или опровержения гипотезы о том, что в обществе существуют определенные ожидания в отношении того или иного типа наименования, которые необходимо учитывать при выборе названия для организации.

Для включения в бланк эксперимента были отобраны наименования, представляющие группы названий организаций, выделяемые на основе существующих в литературе классификаций. В качестве основы были использованы классификации, предложенные Н. В. Шимкевичем [9], разграничивающие наименования по степени прагматизма, а также классификация М. Г. Курбановой [11], основанная на выделении мотивировочной базы при образовании наименований. Данные классификации были уточнены и дополнены исходя из целей исследования. В рамках итоговой классификации представляется возможным разделить наименования организаций на прагматические и непрагматические на основании информации, которую получает потенциальный потребитель при интерпретации названий организации. В каждой группе выделено несколько подтипов.

Респондентам предлагалось проанализировать 42 наименования организаций, функционирующих в сфере предоставления услуг в области красоты и здоровья. В ассоциативном эксперименте приняли участие 140 респондентов в возрасте от 20 до 29 лет с высшим или неоконченным высшим гуманитарным лингвистическим образованием. Соотношение участников эксперимента по гендерному признаку составило 14,3 % к 85,7 % с преобладающей долей участниц женского пола. При интерпретации результатов эксперимента было

установлено, что гендерные различия респондентов не оказали значительного влияния на полученные результаты, поэтому при описании эксперимента приводятся общие данные вне зависимости от пола участников.

В ходе ассоциативного эксперимента участникам предлагалось охарактеризовать наименования компаний по ряду параметров. Поскольку эмоциональная сфера тесно связана с потребностями индивида, лежащими в основе его поведенческих мотивов, то первый параметр предполагал оценку наименования на уровне его эмоциональной реакции по принципу «нравится / не нравится». Следующий критерий включал оценку наименования с точки зрения его соответствия сфере функционирования организации. Третий критерий включал оценку побудительной силы наименования. В рамках данного параметра респондентам предлагалось ответить на вопрос о том, воспользовались бы они услугами компании на основании той информации, которую реципиент реконструировал при интерпретации эргонима, или нет.

Наименования, отобранные для эксперимента, представляют примеры из каждой группы в соответствии с предложенной классификацией. Группа прагматических информирующих наименований включала два типа названий: во-первых, те, в которых содержатся прямые указания на сферу деятельности компании или на услуги, которые она предлагает, а во-вторых, названия, в которых содержится информация о месте расположения компании. Примерами подобных названий являются «*Парикмахерская*», «*Салон-парикмахерская*», «*Салон красоты*», «*Центр красоты*», «*На Калиновского*». Основная цель подобных названий заключается в информировании общественности о деятельности именуемого объекта или месте его расположения. Наименования такого рода не формируют каких-либо ассоциаций в отношении деятельности компании, а лишь передают сведения об отраслевой принадлежности именуемого объекта.

Как показывают результаты ассоциативного эксперимента, наименования данного типа не очень привлекают внимание аудитории. Несмотря на то, что большинство респондентов – 93,5 % участников эксперимента – считают подобные наименования подходящими для данной сферы деятельности, только 37 % отметили, что им нравятся подобные названия. Чуть больше половины опрошенных (54,8 %) отметили, что обратились бы в компанию с названием данного типа. Анализ результатов эксперимента в группе прагматических информирующих наименований позволил установить определенную закономерность. Наименования, в составе которых присутствует слово *салон*, вызывают большее одобрение, чем те, которые содержат в своем названии слово *парикмахерская*. Названия, содержащие указание на место расположения организации, по мнению участников эксперимента, не являются удачными для обозначения организаций данной сферы: только 11 % отметили, что им нравятся подобные наименования, 20,4 % респондентов считают наименования данного типа подходящими для компаний и 13,6 % участников эксперимента обратились бы в организацию с подобным названием.

Группа прагматических неинформирующих наименований представлена тремя подтипами. Во-первых, данная группа содержит названия, включающие результат словотворчества автора, которых нет в языке, например, «*Сакуз*». Подобные наименования являются изобретением номинирующего субъекта и при расшифровке могут оказаться названиями информирующего типа. Так, вышеприведенное наименование салона красоты «*Сакуз*» образовано в результате сложения начальных слогов имени и фамилии владельца компании Саши Кузнецова. Однако для потенциального клиента подобная мотивация остается неизвестной и наименование не несет в себе никакой информации. Как показывает результат проведенного эксперимента, названия компаний, образованные при помощи слов, не существующих в языке, не вызывают положительную реакцию у потенциальных потребителей. Только у 8 % респондентов наименования такого рода вызывают симпатию, 9,3 % считают их подходящими для компаний данной сферы и лишь 6 % обратились бы в компанию с подобным названием.

Ко второму подтипу прагматических неинформирующих наименований относятся названия компаний, образованные посредством слов, существующих в языке, но их использование в качестве названия ничего не добавляет к информации о деятельности именуемого объекта представителям внешней целевой аудитории. В качестве мотивирующей основы в подобных случаях достаточно часто выступают антропонимы, в частности женские имена (когда достоверно известно, что имя собственное не является именем основателя или владельца компании). Кроме того, наименования данной подгруппы часто мотивированы словами неспецифической семантики, значение которых никак не связано со сферой деятельности компании, например, наименования салонов красоты «*Метелица*», «*Весна*», «*Вальс*». Названия данного подтипа нравятся 19,4 % респондентов, 46,7 % опрошенных считают подобные наименования подходящими для данной сферы деятельности, но только 24,2 % участников эксперимента обратились бы в такую компанию.

Третий подтип прагматических неинформирующих наименований включает названия компаний, мотивирующей основой которых выступают слова и словосочетания, в значении которых есть некоторая ссылка на возможную сферу деятельности, отличную от той, что таится за рассматриваемым названием. Подобные наименования не только не способствуют передаче сообщения от номинатора обществу, но и формируют ложные ассоциации, дезинформируют потенциального клиента, тем самым усложняя процесс коммуникации между организацией и ее целевой аудиторией. Примерами таких наименований являются названия салонов: «*Селфи*», «*Тюнинг стайл*». «Словарь языка Интернета» под ред. М. А. Кронгауза предлагает следующее определение существительного *селфи*: «автопортретная фотография, обычно снятая на небольшую камеру или мобильный телефон без применения таймера, штатива и т. п.» [14]. Исходя из значения данного слова, подобное наименование было бы уместным для

обозначения компании, реализующей продукцию, имеющую отношение к данной области, например, моноподы и пр. Значение слова *тюнинг* предполагает «техническое усовершенствование внешнего и/или внутреннего оборудования автомобиля, в том числе деталей интерьера» [14]. В результате эксперимента удалось установить, что представители общественности оценивают дезинформирующие наименования как неудачные: 87,1 % опрошенных подобные наименования не нравятся, 74,2 % считают их не подходящими для данной сферы деятельности. В компанию с подобным названием обратились бы лишь 16,1 % участников эксперимента.

Группа прагматических наименований, оказывающих влияние на целевую аудиторию посредством воздействия на эмоционально-волевую сферу, представлена несколькими подгруппами. Вслед за Н. В. Шимкевичем [9], среди прагматических наименований выделим прагматические информирующие и прагматические ассоциативные. Прагматические информирующие наименования помимо сферы деятельности именуемого объекта могут содержать информацию трех типов, что и служит основанием для их разделения. Во-первых, наименование может передавать сведения о владельце компании, например, «*Центр красоты Марины Марецкой*». Как показывает результат ассоциативного эксперимента, наименования подобного рода вызывают одобрение со стороны потенциальных потребителей, поскольку у целевой аудитории возрастает уровень доверия к деятельности компании; 78,8 % респондентов считают такие наименования подходящими для данной сферы, 54,6 % участников обратились бы в такую компанию, 53,3 % опрошенных нравятся подобные наименования.

Во-вторых, названия могут содержать сведения в отношении количества и качества предоставляемых услуг. Информация о количестве передается лексическими единицами, семантика которых включает компонент количественности как в прямом, так и в переносном значении. Например, «*Мир красоты*», «*Море красоты*». Сведения о качестве предоставляемых услуг могут быть закодированы в форме конечного результата, который получит потребитель, обратившись в данную компанию. Например, «*Новый образ*», «*Новый стиль*», «*HairGloss*», «*Queen*». Как показали результаты анализа, наименования данного типа получают достаточно высокую степень одобрения со стороны потенциальных клиентов по всем предложенным параметрам: 85,5 % опрошенных отметили, что им нравятся подобные наименования, 90,3 % считают их подходящими для названий организаций данной сферы, 83,9 % обратились бы в эти компании.

Третью подгруппу прагматических информирующих наименований составляют названия компаний, апеллирующие к представителям целевой аудитории посредством упоминания каких-либо качеств в названии объекта. Как показывает анализ практического материала, номинирующий субъект актуализирует в наименовании как положительные, так и отрицательные свойства потенциальных потребителей. Наименования обоих типов были включены в бланк эксперимента. Примерами наименований компаний,

апеллирующих к положительным качествам представителей целевой аудитории, являются названия «*Эlegant*», «*Первая леди и лучший мужчина*». Отрицательные качества потребителя актуализированы в следующих примерах: «*Эгоистка*», «*Злая Зая*». Анализ результатов эксперимента позволил выявить достаточно любопытную особенность предпочтений целевой аудитории. Какие бы характеристики ни актуализировались в названии организации, представители общественности не считают данный принцип номинации подходящим для именования компаний. Лишь 37,9 % респондентов отметили, что названия такого рода являются подходящими, и только 12,9 % участников эксперимента обратились бы в подобные компании. Внутри данной группы наименования, апеллирующие к положительным характеристикам целевой аудитории, вызвали больше одобрения со стороны потенциальных клиентов, чем те, в которых актуализированы отрицательные качества целевой аудитории. Например, если наименование «*Эlegant*» не нравится чуть большей половине участников эксперимента, а именно 56,4 %, и 56,5 % не обратились бы в данную компанию, то в случае с названием салона красоты – «*Эгоистка*» – две трети опрошенных считают его неудачным (71 % и 74,2 % соответственно).

Выделение группы прагматических ассоциативных наименований организаций базируется на разграничении мотивировочных оснований, формирующих положительные ассоциации у представителей целевой аудитории по отношению к именуемому объекту. Проведенный эксперимент позволил проверить, действительно ли используемые номинатором основы для образования наименований вызывают положительные ассоциации у целевой аудитории. Основываясь на классификации М. Г. Курбановой, которая выделяет одиннадцать мотивировочных баз, мы относим к группе прагматических ассоциативных наименований лишь те названия организаций, которые, формируя положительные ассоциации у представителей целевой аудитории, способствуют передаче стратегического сообщения от компании общественности. Такие основания, вслед за Н. Д. Голевым, назовем коннотемами, включающими «языковые модели, отражающие узуальные традиции называния» [15, с. 52]. Выделенные коннотемы включают лексические единицы, семантика которых имплицитно, косвенно указывает на принадлежность организации к определенной производственной области. К прагматическим ассоциативным относятся наименования, мотивированные топонимами; прецедентными именами; объектами живой природы: названиями птиц, животных, растений. Группу ассоциативных наименований также составляют названия, образованные посредством использования слов, семантика которых способствует формированию положительных ассоциаций в отношении анализируемой сферы.

В бланк ассоциативного эксперимента были включены наименования из каждой группы. В качестве примера наименования, мотивированного топонимом, респондентам предлагалось оценить следующее название салона

красоты – «ШанзЭлизэ». Посредством использования в качестве номинативной основы названия центральной улицы Парижа, на которой расположены магазины известных во всем мире торговых марок, а также многочисленные рестораны, кафе и кинотеатры, номинирующий субъект передает потенциальному потребителю информацию о высоком стандарте обслуживания, качестве предлагаемых услуг. При анализе практического материала удалось выявить, что для исследуемой сферы деятельности наиболее продуктивными основаниями при образовании названий организаций выступают топонимы *Франция* и *Италия*, а также известные города этих стран. По сложившейся традиции данные географические объекты считаются признанными мировыми центрами моды, стиля и красоты. Сообщение, отправляемое целевой аудитории посредством подобного наименования, информирует об услугах, используемых в работе, материалах, соответствующих мировым новинкам и тенденциям. Примерами наименований данной группы являются «*Венеция*», «*Верона*», «*Марсель*». Как показал результат эксперимента, положительно воспринимают подобные наименования 40 % опрошенных, 33,6 % участников эксперимента считают наименования подобного рода подходящими для данной сферы и столько же респондентов обратились бы в такую компанию.

Прецедентные имена являются достаточно распространенным основанием для образования наименований организаций в любой сфере деятельности, и сфера услуг в области красоты не является исключением. В качестве мотивировочной основы для данной сферы деятельности выступают мифони́мы, в частности, имена богинь, так или иначе связанных с красотой: «*Афродита*», «*Венера*», «*Лакими*». Имена актрис, моделей, представительниц знати также часто используются при образовании наименований: «*Леди Ди*», «*Наоми*», «*Мэрилин*», «*Монро*», «*Клеопатра*», «*Нефертити*» и др. Стратегическое сообщение, передаваемое посредством использования прецедентных имен в качестве номинативной основы при образовании названий организаций, заключается в том, что, воспользовавшись услугами данной организации, потребитель условно имеет возможность приблизиться к идеальному образу. Тот, в свою очередь, материализуется посредством имен реально существующих личностей, признанных обществом в качестве эталонов красоты и стиля. В результате ассоциативного эксперимента удалось установить, что наименования салонов красоты, образованные посредством использования прецедентных имен, вызывают достаточно высокую степень одобрения со стороны потенциальных клиентов: 66,3 % опрошенных считают наименования подобного рода подходящими для организаций, функционирующих в данной сфере, 50,4 % – нравятся подобные наименования и 54 % респондентов обратились бы в компанию с названием такого типа.

В качестве номинативной основы для образования наименований салонов красоты достаточно распространенной является коннотема живой

природы, которую можно подразделить на наименования, мотивированные названиями растений, птиц и животных: «*Белый лотос*», «*Дикая орхидея*», «*Жасмин*», «*Черный пион*», «*Бабочки*», «*Иволга*», «*Жолибри*» и пр. Результаты анкетирования показали, что наименования компаний, образованные от названий растений, вызывают наибольшую степень одобрения, по сравнению с двумя другими подтипами, по всем предложенным критериям оценки. Участники эксперимента (59,7 %) отметили, что им понравились подобные наименования, 53,2 % считают названия данной группы подходящими для наименования объектов данной сферы деятельности, 54,8 % опрошенных обратились бы в компанию с подобным наименованием. Как видно из приведенных результатов, эргонимы, образованные посредством использования названий растений, в целом вызывают положительные ассоциации у потенциальных потребителей. Что касается наименований, мотивированных названиями животных и птиц, следует отметить, что данный номинативный принцип вызывает положительные ассоциации только у 37,4 % и 39,8 % респондентов соответственно. Участники опроса (34,5 % и 36,7 % соответственно) считают данные наименования подходящими для компаний данной сферы деятельности. И только 28,7 % и 30,2 % соответственно обратились бы в компанию с наименованиями, образованными от названий животных и птиц. Рассматривая наименования компаний как способ передачи стратегического сообщения, следует обратить внимание на тот факт, что в случае названий, мотивированных элементами коннотемы живой природы, проследить стратегию компании представляется возможным с наименованиями растений, которые формируют не только положительные ассоциации, но и ориентируют потенциальных клиентов на используемые в работе материалы, методики. Примерами наименований такого рода являются названия компаний «*Белый лотос*», «*Ветка сакуры*».

Номинирующий субъект стремится создать положительные ассоциации у целевой аудитории посредством использования в наименовании компании слов и словосочетаний, являющихся элементами коннотемы «красота». Наиболее частотным элементом данной коннотемы, выступающим в качестве номинативной основы, является существительное *красота*. Причем реализация данного номинативного принципа осуществляется различными способами: в ряде случаев номинативный субъект использует варианты слова из русского языка, как в названии компании «*Краса бел*», однако более частотным вариантом является эквивалент данного слова из английского языка. Примерами подобных наименований являются названия компаний: «*Бьюти тайм*», «*Бьюти бокс*», «*Бьюти бар*». Другими элементами данной коннотемы, выступающими в качестве мотивирующей основы для образования наименований организаций, являются следующие слова и словосочетания: *облик, очарование, шарм, шик энд шарм*. В ходе анализа результатов проведенного эксперимента удалось выявить, что наименования, образованные при помощи лексических единиц английского языка, вызывают больше одобрения со стороны целевой аудитории, чем подобные названия на рус-

ском языке, что и подтверждают результаты эксперимента. В частности, только 25 % опрошенных отметили, что наименование «*Краса бел*» им нравится, 37 % считают, что подобное наименование подходит для названия организации данной сферы и столько же обратились бы в компанию с подобным названием. В случае наименования, относящегося к этому же типу, но реализованному посредством ресурсов английского языка, – «*Ричбьюти Хаус*», результаты опроса выглядят несколько иначе: 40,3 % участников эксперимента отметили, что им нравится данное наименование, 74,2 % считают подобное наименование подходящим для названия организации данной сферы, 45,2 % опрошенных обратились бы в компанию с таким наименованием.

Представим результаты, полученные путем ассоциативного эксперимента в таблицах 1, 2 и 3.

Т а б л и ц а 1

Предпочтения представителей целевой аудитории
в отношении непрагматических наименований

Оценочная реакция ЦА	Непрагматические наименования				
	Информирующие наименования		Неинформирующие наименования		
	сфера деятельности	место расположения	лексика неспецифической семантики, существ. в языке	дезинформирующие наименования	результат словотворчества номинатора
нравится	37 %	11 %	19,4 %	12,9 %	8 %
подходит	93,5 %	20,4 %	46,7 %	25,8 %	9,3 %
обратился бы	54,8 %	13,6 %	24,2 %	16,1 %	6 %

Т а б л и ц а 2

Предпочтения представителей целевой аудитории в отношении прагматических информирующих наименований

Оценочная реакция ЦА	Прагматические информирующие наименования		
	информация о владельце	информация о количестве, качестве услуг	сведения о ЦА
нравится	53,3 %	85,5 %	37,9 %
подходит	78,8 %	90,3 %	43,5 %
обратился бы	54,6 %	83,9 %	12,9 %

Предпочтения представителей целевой аудитории в отношении
прагматических ассоциативных наименований

Оценочная реакция ЦА	Прагматические ассоциативные наименования						
	коннотема красоты		топонимы	флора/фауна			прецедентные имена
	русск. яз	англ. яз		растения	птицы	животные	
нравится	25 %	40 %	40 %	59,7 %	39,8 %	37,4 %	50,4 %
подходит	37 %	74 %	33,6 %	53,2 %	36,7 %	36,7 %	66,3 %
обратился бы	37 %	45 %	33,6 %	54,8 %	30,2 %	30,2 %	54 %

Как видно из таблиц, наименования организаций, относящиеся к прагматическому информирующему типу и содержащие сведения о деятельности именуемого объекта, которые реализованы посредством воздействия на эмоционально-волевую сферу представителей целевой аудитории, вызывают наибольшую степень одобрения у потенциальных клиентов.

На основании результатов, полученных в ходе ассоциативного эксперимента, представляется возможным сделать вывод о том, что при установлении и поддержании коммуникации между организацией и внешней целевой аудиторией посредством наименования компании, наиболее успешными являются названия, содержащие сведения о специфике деятельности компании, но не просто информирующие потенциальных клиентов о предоставляемых товарах и услугах, а имеющие при этом определенную прагматическую ценность, чаще всего – указание на получаемую выгоду от взаимодействия с организацией. Именно такого рода наименования привлекают наибольшее внимание со стороны целевой аудитории и оказывают влияние на выбор общественности в пользу именуемой компании.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Суперанская, А. В.* Общая теория имени собственного / А. В. Суперанская. – М. : Наука, 1973. – 366 с.
2. *Яловец-Коновалова, Д. А.* Названия коммерческих предприятий : ономазиологическая классификация и функционирование в современном русском языке : автореф. дис. ... канд. филол. наук : 10.02.01 / Д. А. Яловец-Коновалова. – Челябинск, 1997. – 24 л.
3. *Чернышова, Т. В.* Тексты СМИ в ментально-языковом пространстве современной России : дис. ... д-ра филол. наук : 10.02.01 / Т. В. Чернышова. – Барнаул, 2005. – 577 л.

4. *Макаров, М. Л.* Основы теории дискурса / М. Л. Макаров. – М. : Гнозис, 2003. – 230 с.
5. *Горяев, С. О.* Номинативные интенции субъекта ономастической номинации: на материале русских прагмонимов : дис. ... канд. филол. наук : 10.02.01 / С. О. Горяев. – Екатеринбург, 1999. – 165 л.
6. *Земскова, С. В.* Лексико-семантический и словообразовательный анализ эргонимов города Тольятти Самарской области Российской Федерации: дис. ... канд. филол. наук : 10.02.01 / С. В. Земскова. – М., 1996. – 170 л.
7. *Емельянова, А. М.* Эргонимы в лингвистическом ландшафте полиэтнического города: на примере названий деловых, коммерческих, культурных, спортивных объектов г. Уфы : дис. ... канд. филол. наук : 10.02.19 / А. М. Емельянова. – Уфа, 2007. – 170 л.
8. *Беспалова, А. В.* Принципы и способы номинации в английской эргонимии [Электронный ресурс] / А. В. Беспалова // Вопросы ономастики. – Свердловск : Изд-во Урал. ун-та, 1991. – Вып. 19 : Номинация в ономастике. – Режим доступа : <http://hdl.handle.net/10995/39182>. – Дата доступа : 10.11.2017.
9. *Шимкевич, Н. В.* Русская коммерческая эргонимия: прагматический и лингвокультурологический аспекты: дис. ... канд. филол. наук : 10.02.01 / Н. В. Шимкевич. – Екатеринбург, 2002. – 179 л.
10. *Носенко, Н. В.* Названия городских объектов Новосибирска: структурно-семантический и коммуникативно-прагматический аспекты : дис. ... канд. филол. наук : 10.02.01 / Н. В. Носенко. – Новосибирск, 2007. – 218 л.
11. *Курбанова, М. Г.* Эргонимы современного русского языка: семантика и прагматика: дис. ... канд. филол. наук: 10.02.01 / М. Г. Курбанова. – Волгоград, 2015. – 191 л.
12. *Трифонова, Е. А.* Названия деловых объектов: семантика, прагматика, поэтика : на материале русских и английских эргонимов : дис. ... канд. филол. наук : 10.02.19 / Е. А. Трифонова. – Волгоград, 2006. – 247 л.
13. *Крюкова, И. В.* Рекламное имя: от изобретения до прецедентности: дис. ... д-ра филол. наук : 10.02.19 / И. В. Крюкова. – Волгоград, 2004. – 360 л.
14. *Кронгауз, М. А.* Словарь языка Интернета / М. А. Кронгауз, В. Н. Мерзлякова, Е. А. Литвин. – М. : АСТ-Пресс, 2017. – 288 с.
15. *Голев, Н. Д.* Заметки об условно-символической номинации в русском языке / Н. Д. Голев // Актуальные проблемы лексикологии и словообразования. – Новосибирск, 1980. – С. 52.

The article under consideration provides the results of the association experiment aimed at identifying the most preferable nominative models among a company's external target audience.

Поступила в редакцию 13.03.18

РОМАНСКОЕ И ГЕРМАНСКОЕ ЯЗЫКОЗНАНИЕ**Е. Д. Долматова****АКУСТИЧЕСКИЕ ХАРАКТЕРИСТИКИ АЛЛОФОНИЧЕСКОГО
ВАРЬИРОВАНИЯ ШУМНЫХ СОГЛАСНЫХ В СПОНТАННОЙ РЕЧИ
НОСИТЕЛЕЙ И НЕНОСИТЕЛЕЙ АНГЛИЙСКОГО ЯЗЫКА**

В результате исследования установлены и описаны акустические характеристики позиционных вариантов реализации шумных согласных фонем в речи носителей и неносителей английского языка. Данные акустического анализа выявили наличие сходных тенденций в модификации длительности английских согласных в речи носителей языка и билингвов, а именно: начальные аллофоны отличаются от конечных в слове; слово-конечный согласный в финальной позиции во фразе значительно увеличен по длительности в сравнении со срединной, а также целый ряд других признаков. Эти результаты подтверждают возможность овладения билингвом схемой аллофонического варьирования сегментных единиц в иноязычной речи при условии обучения фонетике на профессиональном уровне.

Артикуляторные, акустические и перцептивные характеристики английских шумных согласных фонем явились объектом многочисленных специальных исследований по фонетической интерференции [1; 2; 3; 4; 5]. Тем не менее имеющиеся в литературе данные не раскрывают особенности реализации рассматриваемого класса сегментных единиц с точки зрения их вариативности в спонтанной речи билингвов [6; 7]. В частности, недостаточно изученным остается вопрос о пределах варьирования длительности позиционных аллофонов согласных в речи неносителей английского языка.

Исследование, результаты которого обсуждаются в данной статье, было непосредственно направлено на установление количественных (темпоральных, или временных) различий/сходств в реализации позиционных аллофонов одиночных шумных согласных в спонтанной речи носителей и неносителей английского языка.

Экспериментальное исследование проводилось методом акустического анализа при помощи компьютерной программы Sound Forge 9.0 в соответствии с принятой методикой. Измерение темпоральных характеристик изучаемых согласных производилось в абсолютных (мс) и относительных единицах (отн. ед.) по следующим параметрам: средняя длительность согласного; средняя длительность смычки (для смычно-взрывных и смычно-щелевых согласных); средняя длительность взрыва (для смычно-взрывных согласных); средняя длительность шума (для смычно-щелевых согласных); относительная доля смычки и взрыва в суммарной длительности смычно-взрывного согласного; относительная доля смычки и шума в суммарной длительности смычно-щелевого согласного.

С учетом современной языковой ситуации в Беларуси основной корпус экспериментального материала составила спонтанная английская речь двух дикторов-билингвов (женщин), коренных жителей Беларуси, пользующихся русским языком в повседневном общении и свободно владеющих английским языком в качестве иностранного, и двух дикторов-женщин, носителей британского варианта современного английского языка.

Для получения записей естественной спонтанной речи была предложена тема беседы, которая была интересной для обеих групп испытуемых. В частности, им было предложено рассказать, какие английские пословицы/поговорки они знают, в каких ситуациях они могли бы их использовать, какие пословицы/поговорки они часто употребляют в собственной речи и т.д. По окончании записи был получен экспериментальный материал, представляющий собой спонтанную речь носителей и неносителей английского языка, общей протяженностью звучания 120 минут.

Из звучащей речи были отобраны словоначальные, словоконечные и интервокальные аллофоны одиночных английских согласных в различных просодических условиях: в ударном/безударном вокалическом окружении в начальной/срединной акцентной единице фразы, т.е. неядерной, и последней акцентной единице (а.е.), т.е. ядерной. Экспериментальный корпус акустического анализа составил 2800 реализаций шумных согласных фонем в вышеуказанных позициях.

Согласно полученным данным о темпоральных признаках аллофонов смычно-взрывных, щелевых и смычно-щелевых фонем, у обеих групп испытуемых варьирование длительности согласных обнаруживает регламентированный характер, определяемый закономерностями просодической организации речевых единиц и ритмическими тенденциями английской (британской) произносительной нормы. Прежде всего, обращает на себя внимание сходство в динамике показателей словоначальных согласных в зависимости от позиции слова во фразе: суммарная длительность словоначальных глухих смычно-взрывных согласных в речи носителей английского языка и билингвов изменяется по единой схеме, демонстрируя конусообразную линию позиционного варьирования от начальной к конечной а.е.: н.а.е. > ср.а.е < к.а.е. Вместе с тем цифровые показатели длительности у носителей языка на 5–8 % выше, чем у билингвов.

Различия в реализации словоначальных глухих смычно-взрывных согласных перед ударным гласным между носителями языка и билингвами прослеживаются по длительности отдельных фаз – смычки и взрыва, а также по их соотношению. Так, у билингвов в н.а.е. и к.а.е. наблюдается увеличение длительности смычки и сокращение длительности взрыва, что может быть объяснено отсутствием аспирации [p], [t], [k] в родном, русском/белорусском, языке. В срединной а.е. показатели длительности смычки и взрыва у носителей и неносителей языка совпадают.

Длительность словоначальных звонких смычно-взрывных согласных градуально возрастает от начала к концу фразы, как у носителей языка, так и у билингвов. Отличительной особенностью реализации рассматриваемых

аллофонов в речи билингвов являются высокие показатели по суммарной длительности и по длительности смычки и низкие значения длительности взрыва (на 10–15 мс) по сравнению с носителями языка.

Словоначальные глухие и звонкие смычно-взрывные согласные перед безударным гласным сокращены по длительности у обеих групп испытуемых по сравнению с согласными перед ударным гласным. Вместе с тем у носителей языка сокращение согласных перед безударным гласным более значительно по сравнению с билингвами. При сходной тенденции к уменьшению количественных показателей смычно-взрывных согласных в рассматриваемой позиции, у билингвов отмечается превышение средних значений носителей языка на 10–15 %. Обращает на себя внимание тот факт, что перед безударным гласным носители языка сокращают фазу смычки и взрыва, в то время как билингвы, напротив, увеличивают.

Длительность интервокальных смычно-взрывных согласных обнаруживает зависимость от ударности/безударности гласных: в речи носителей языка в позиции после ударного перед безударным и в позиции между двумя безударными гласными согласный имеет меньшую длительность, чем перед ударным гласным. В речи билингвов данная тенденция выявлена только у звонких смычно-взрывных согласных. При этом у носителей языка показатели длительности согласного в зависимости от ударности/безударности гласных различаются незначительно, в то время как у неносителей языка длительность звонкого согласного в позиции после безударного перед ударным почти в 3,5 раза больше, чем в позиции между двумя безударными гласными (76 мс и 23 мс соответственно).

В группе словоконечных смычно-взрывных согласных перед ударным гласным в речи носителей языка у глухих согласных имеет место конусообразное изменение длительности от начала к концу фразы (75 мс > 70 мс < 136 мс соответственно), в то время как для звонких согласных свойственно градуальное увеличение длительности от начала к концу фразы (41 мс → 51 мс → 76 мс соответственно). У билингвов, напротив, тенденция к градуальному увеличению длительности от начальной а.е. к ядерной а.е. (64 → 119 → 127 мс) отмечается для глухих словоконечных согласных перед ударным гласным, в то время как звонкие словоконечные согласные демонстрируют конусообразное изменение длительности от начала к концу фразы (71 мс > 24 мс < 69 мс) перед ударным гласным. Увеличение длительности глухого смычно-взрывного согласного в срединной а.е. билингвом приводит к тяжеловесности речи, а также к нарушению ее плавности и ритма.

Выявленная устойчивая тенденция к удлинению согласных в ядерной (конечной) акцентной единице (независимо от ударности/безударности предшествующего гласного), безусловно, является предсказуемой. Она подтверждает обнаруженные во многих исследованиях закономерности, которые могут быть объяснены универсально-типологическими свойствами просодической сегментации речи. Вместе с тем количественные показатели дли-

тельности смычно-взрывных согласных в к.а.е. после ударного гласного у билингвов ниже, чем у носителей языка. Различия в реализации ударных словоконечных глухих смычно-взрывных согласных двумя группами испытуемых затрагивают фазу взрыва/смычки: у носителей языка взрыв глухих согласных в 1,5–2 раза длительнее, чем у билингвов.

Как у носителей, так и неносителей английского языка длительность словоконечных смычно-взрывных согласных после безударного гласного увеличивается к концу фразы. Билингвы удлиняют глухие безударные согласные в к.а.е. в 1,5–2 раза больше, по сравнению с н.а.е. Обращает на себя внимание тот факт, что у неносителей английского языка длительность глухого смычно-взрывного согласного после безударного гласного оказывается выше, чем после ударного гласного (151 мс и 127 мс, соответственно). У носителей языка словоконечные согласные после ударного гласного длительнее, чем после безударного (136 мс и 98 мс, соответственно).

Наблюдаемые тенденции в реализации смычно-взрывных согласных носителями и неносителями английского языка схематически представлены в табл. 1.

Наиболее вариативными в речи обеих групп испытуемых оказались, как и следовало ожидать, аллофоны смычно-взрывных согласных, причем апикально-альвеолярные ([t], [d]) варьируют в более широких пределах по сравнению с губно-губными ([p], [b]) и заднеязычными ([k], [g]) согласными.

Т а б л и ц а 1

Темпоральные характеристики аллофонов смычно-взрывных согласных фонем в спонтанной речи носителей и неносителей английского языка

Тип согласного	Акустический показатель	Позиционное условие реализации фонемы											
		начальная позиция в слове (Cг)				интервокальная позиция в слове (гCг) →			конечная позиция в слове (гC)				
		Cг+			Cг	гCг+	+гCг	гCг	+гC			гC	
		на.е.	ср.а.е.	ка.е.	н./ср. а.е.				на.е.	ср.а.е.	ка.е.	н./ср. а.е.	ка.е.
Глухие смычно-взрывные	T согласного	H>Б	H>Б	H=Б	H<Б	H<Б	H>Б	H<Б	H>Б	H<Б	H>Б	H<Б	H<Б
	T смычки	H<Б	H>Б	H≈Б	H<Б	H<Б	H=Б	H=Б	H=Б	H<Б	H>Б	H>Б	H<Б
	T взрыва	H<Б	H>Б	H>Б	H<Б	H<Б	H>Б	H<Б	H>Б	H<Б	H=Б	H<Б	H<Б
	T взр./см.	H<Б	H<Б	H<Б	H<Б	H<Б	H<Б	H<Б	H<Б	H<Б	H>Б	H<Б	H<Б
Звонкие смычно-взрывные	T согласного	H<Б	H<Б	H<Б	H<Б	H<Б	H>Б	H>Б	H<Б	H>Б	H>Б	H>Б	H>Б
	T смычки	H<Б	H<Б	H<Б	H<Б	H<Б	H<Б	H>Б	H<Б	H>Б	H<Б	H>Б	H>Б
	T взрыва	H>Б	H>Б	H>Б	H<Б	H>Б	H>Б	H>Б	H>Б	H>Б	H>Б	H<Б	H>Б
	T взр./см.	H>Б	H>Б	H>Б	H<Б	H>Б	H>Б	H<Б	H>Б	H>Б	H>Б	H<Б	H<Б

Высокие значения коэффициента вариации (41 % и выше) в соотношении смычка/взрыв для смычно-взрывных согласных у обеих групп испытуемых свидетельствуют о вариантности в их реализации: эти согласные могут реализовываться как сильные, слабые, аффрицированные, фрикативизированные и дру-

гие варианты. Характерно, что указанные модификации выступают одновременно как показатели двух видов варьирования: аллофонического (позиционного) и индивидуального (внутрииндивидуального и межиндивидуального) [8].

Смычно-щелевые согласные в речи носителей и неносителей языка являются наименее вариативными, по сравнению со смычно-взрывными и щелевыми согласными. Для данной группы согласных характерны те же тенденции, что и для смычно-взрывных (табл. 2).

Т а б л и ц а 2

Темпоральные характеристики аллофонов смычно-щелевых согласных фонем в спонтанной речи носителей и неносителей английского языка

Фонема	Акустический показатель	Позиционное условие реализации фонемы									
		начальная позиция в слове (Cг)		интервокальная позиция в слове (гCг)→ ¹			конечная позиция в слове (гC)				
		Cг+		гCг+	+гCг	гCг	+гC			гC	
		н.а.е.	к.а.е.				н.а.е.	ср.а.е.	к.а.е.	н./ср.а.е.	к.а.е.
[tʃ]	<i>T</i> согласного	–	Н<Б	Н>Б	Н>Б	Н≥Б	Н≥Б	Н>Б	–	Н<Б	–
	<i>T</i> смычки	–	Н<Б	Н>Б	Н>Б	Н>Б	Н≤Б	Н>Б	–	Н≤Б	–
	<i>T</i> шума	–	Н≤Б	Н<Б	Н≥Б	Н<Б	Н>Б	Н≤Б	–	Н≤Б	–
[dʒ]	<i>T</i> согласного	Н>Б	Н<Б	–	Н>Б	Н<Б	–	–	Н>Б	–	Н<Б
	<i>T</i> смычки	Н≥Б	Н<Б	–	Н≤Б	Н≤Б	–	–	Н≥Б	–	Н=Б
	<i>T</i> шума	Н≥Б	Н>Б	–	Н>Б	Н<Б	–	–	Н>Б	–	Н<Б

При равных позиционных условиях щелевые согласные в речи носителей языка и билингвов обнаруживают более слабую вариативность по сравнению со смычно-взрывными. В группе словоначальных глухих щелевых согласных перед ударным гласным в речи носителей языка и билингвов имеет место некоторое различие в наблюдаемых тенденциях. Так, изучаемые согласные в речи носителей языка демонстрируют конусообразное увеличение длительности от н.а.е. к к.а.е. (116 мс → 108 мс → 136 мс), в то время как у билингвов максимальная средняя длительность зафиксирована в ср.а.е. (133 мс), а минимальная – в к.а.е. (117 мс), что приводит к нарушению традиционного представления о маркированности начала и конца единиц просодико-смысловой сегментации высказывания.

Словоначальные звонкие щелевые согласные перед ударным гласным градуально увеличиваются по длительности от начала к концу фразы, как у носителей языка, так и у билингвов. Вместе с тем, у билингвов согласные являются более длительными, чем у носителей языка. В ядерной а.е. длительность словоначальных звонких согласных перед ударным гласным в речи билингва в 3–4 раза выше, чем у носителей языка.

В позиции перед безударным гласным глухие словоначальные щелевые согласные увеличиваются по длительности у носителей языка, а аналогичные звонкие – у билингвов.

В группе интервокальных щелевых согласных у носителей языка длительность обнаруживает зависимость от ударности/безударности гласных: в позиции после ударного перед безударным и в позиции между двумя безударными гласными согласный имеет меньшую длительность, чем перед ударным гласным. В речи неносителей языка определенной зависимости в варьировании темпоральных характеристик интервокальных щелевых согласных не обнаружено. Вместе с тем отмечается тенденция к удлинению как глухих, так и звонких согласных билингвами независимо от ударности/безударности предшествующего/последующего гласного.

Словоконечные звонкие щелевые согласные после ударного гласного в речи обеих групп испытуемых имеют минимальную длительность в срединной а.е., максимальную – в ядерной акцентной единице. Аналогичная тенденция характерна и для словоконечных щелевых согласных после безударного гласного. При этом абсолютные значения длительности у билингвов оказываются выше, чем у носителей языка, у словоконечных щелевых согласных после ударного гласного. В словоконечной позиции после безударного гласного билингвы, напротив, сокращают длительность щелевого согласного больше, чем носители языка.

Наблюдаемые тенденции в реализации щелевых согласных носителями и неносителями английского языка схематически представлены в табл. 3.

Как показывает проведенный анализ, всем группам согласных свойственны сходные черты в плане вариативности их реализации в речи носителей языка и билингвов: наиболее стабильными в этом отношении во всех группах являются словоначальные согласные независимо от положения а.е. во фразе, а наиболее вариативными – словоконечные согласные.

Т а б л и ц а 3

Темпоральные характеристики аллофонов щелевых согласных в спонтанной речи носителей и неносителей английского языка

Тип согласного	Позиционное условие реализации фонемы											
	начальная позиция в слове (Cг)				интервокальная позиция в слове (гCг) →			конечная позиция в слове (гC)				
	Cг+			Cг	гCг+	+гCг	гCг	+гC			гC	
	н.а.е.	ср.а.е.	к.а.е.	н/ср. а.е.				н.а.е.	ср.а.е.	к.а.е.	н/ср. а.е.	к.а.е.
Глухие	Н<Б	Н<Б	Н>Б	Н>Б	Н<Б	Н<Б	Н≤Б	–	–	Н>Б	Н>Б	Н>Б
Звонкие	Н>Б	–	Н<Б	Н<Б	Н<Б	Н≥Б	Н<Б	Н>Б	Н≤Б	Н<Б	Н>Б	Н≤Б

Для статистической оценки различий/сходств между средними значениями длительности изучаемых позиционных аллофонов английских шумных согласных в речи носителей языка и билингвов были использованы критерии парных сравнений. Данный вид статистической оценки (с помощью модифицированного *t*-критерия Стьюдента) выявленных различий по всем изучаемым аллофонам согласных представлен в статье на примере реализаций фонемы [t] (как наиболее вариативной) в речи двух испытуемых. В рамках данного согласного было сопоставлено 66 пар аллофонов по длительности. При этом пары аллофонов сравнивались отдельно по 3 темпоральным признакам (суммарная

длительность согласного, длительность смычки и длительность взрыва/шума). Статистическая обработка данных проводилась с помощью компьютерной программы SPSS 16 с использованием соответствующих формул [9].

Используемые в табл. 4 условные обозначения служат для разграничения выявленных акустических различий по статистическим показателям: «+» выражает статистически достоверные (постоянные) акустические различия со значением уровня значимости 95 % и выше; «⊥» соответствует факультативным различиям между сравниваемыми аллофонами (от 66 до 94 %); «-» обозначает маловероятные различия между сравниваемыми аллофонами (менее 65 %).

Т а б л и ц а 4

Статистическая оценка достоверности различий по длительности между аллофонами методом парного сравнения, %

Испыгуемый		Позиционное условие реализации фонемы											
		начальная позиция в слове (Сг)				интервокальная позиция в слове (гСг)→			конечная позиция в слове (гС)				
		Сг+			Сг	гСг+	+гСг	гСг	+гС			гС	
		на.е.	сра.е.	ка.е.	н/ср. а.е.				на.е.	сра.е.	ка.е.	н/ср. а.е.	ка.е.
		A1	A2	A3	A4	A5	A6	A7	A8	A9	A10	A11	A12
A1	Н		+++	+++	+++	+++	+++	+++	+++	+++	⊥++	+++	+++
	Б		⊥-	⊥⊥⊥	⊥+	⊥⊥	⊥⊥	⊥⊥	⊥⊥⊥	⊥⊥⊥	⊥⊥	⊥⊥⊥	⊥⊥
A2	Н			+++	⊥⊥-	+++	+++	⊥⊥-	+++	+++	+++	+++	⊥+-
	Б			⊥⊥⊥	⊥⊥	⊥⊥⊥	⊥⊥	⊥⊥⊥	⊥⊥⊥	⊥⊥	⊥⊥	⊥⊥	⊥⊥
A3	Н				+++	+++	+++	⊥⊥⊥	+++	+++	+++	+++	+++
	Б				⊥⊥⊥	⊥+	⊥⊥	⊥⊥	⊥⊥⊥	⊥⊥⊥	---	⊥⊥⊥	⊥⊥
A4	Н					+++	⊥⊥⊥	⊥⊥⊥	+++	+++	+++	+++	+++
	Б					⊥⊥	⊥⊥	⊥+-	⊥⊥⊥	⊥⊥+	⊥⊥	⊥⊥	⊥⊥+
A5	Н							⊥⊥⊥	+++	+++	+++	+++	⊥⊥⊥
	Б							⊥⊥	⊥⊥⊥	⊥-	⊥⊥+	⊥⊥	⊥⊥⊥
A6	Н							⊥⊥⊥	⊥⊥+	⊥⊥+	+++	+++	+++
	Б							⊥⊥⊥	+++	⊥⊥	⊥⊥	⊥⊥	⊥⊥
A7	Н								+++	+++	+++	+++	+++
	Б								⊥⊥+	⊥-	⊥⊥⊥	⊥⊥+	⊥⊥⊥
A8	Н									⊥⊥+	+++	+++	+++
	Б									⊥⊥⊥	⊥⊥⊥	⊥-	⊥⊥
A9	Н										+++	⊥⊥	+++
	Б										---	---	⊥⊥⊥
A10	Н											+++	+++
	Б											⊥⊥+	⊥⊥-
A11	Н												+++
	Б												⊥⊥
A12	Н												
	Б												
		свд	свд	свд	свд	свд	свд	свд	свд	свд	свд	свд	свд

П р и м е ч а н и е. Сокращение «свд» обозначает: с – смычка, в – взрыв, д – длительность.

Обобщение данных проведенного сравнительного анализа свидетельствует о том, что аллофоническое (в данном случае – позиционное) варьирование согласных фонем проявляется в речи носителей языка и билингвов в степени несовпадения числа и состава аллофонов, статистически достоверно/недостоверно различающихся между собой. Так, у билингвов бóльшая часть акустических показателей (2) или все акустические показатели (3) находятся в зоне факультативных или маловероятных различий, в то время как у носителей языка общее число и состав различий для преобладающего числа позиционных аллофонов (74 %) носит постоянный характер. Различия между разными позиционными аллофонами по длительности могут быть нейтрализованы чаще в речи билингвов, чем в речи носителей английского языка.

Сравнение аллофонов по темпоральным признакам свидетельствует о том, что в речи как носителей, так и неносителей языка, имеет место варьирование длительности согласных, однако оно проявляется у них по-разному. В речи носителей языка, в частности, оно более однозначно выявляет регламентированный характер, определяемый ритмическими тенденциями английской (британской) произносительной нормы. В речи билингвов позиционные изменения длительности осуществляются в преобладающем большинстве случаев по сходной модели (схеме), однако сама модель не является стабильной, что является одной из причин несоответствия между речью носителей и неносителей языка.

Выявленная тенденция к чрезмерному увеличению абсолютной длительности согласных в речи неносителей языка по сравнению с носителями языка, в сущности, не является неожиданным результатом. Напротив, она подтверждает стремление билингвов, пользующихся иностранным языком в профессиональной деятельности, к бóльшей четкости (гиперкоррекции) и отчетливости артикуляции. Установленные различия между речью носителей и неносителей языка могут быть следствием и чрезмерного сокращения длительности согласного.

Важно также подчеркнуть, что выявленные квантитативные отклонения от произносительной нормы английского языка относятся к разряду тонких, но одновременно достаточных для перцептивной идентификации наиболее устойчивых отклонений. Кроме того, они оказываются в числе свойственных билингвам с достаточно высоким уровнем владения языком и, в частности, его произносительной нормой.

ЛИТЕРАТУРА

1. Фонетическая интерференция: сб. ст. / Иван. гос. ун-т ; отв. ред. и сост.: Г. В. Вишневецкая. – Иваново : ИГУ, 1985. – 160 с.
2. Бондарко, Л. В. Интерференция звуковых систем / Л. В. Бондарко [и др.]; под общ. ред. Л. В. Бондарко. – Л. : Изд-во ЛГУ, 1987. – 279 с.
3. Фонетика спонтанной речи / Л. В. Бондаренко [и др.] ; Ленингр. гос. ун-т ; под ред. Н. Д. Светозаровой. – Л. : Изд-во ЛГУ, 1988. – 248 с.

4. *Троценко, Г. С.* Аллофонное варьирование в неродном языке: экспериментально-фонетическое исследование на материале русской речи англичан : автореф. дис. ... канд. филол. наук : 10.02.19 / Г. С. Троценко ; Ленингр. гос. ун-т. – Л., 1989. – 16 с.
5. *Кусанова, Б. Х.* Фонетическая интерференция на уровне слога С+Г, С+С в инициальной позиции (материале английского и русского языков) : автореф. дис. ... канд. филол. наук : 10.02.04 / Б. Х. Кусанова ; Моск. гос. лингв. ун-т. – М., 1996. – 18 с.
6. *Карневская, Е. Б.* Когнитивные основы идентификации отклонений от произносительной нормы в реализации сегментных единиц / Е. Б. Карневская // Материалы ежегод. науч. конф. преподавателей и аспирантов ун-та, 27–28 апр. 2010 г. : в 5 ч. / Мин. гос. лингвист. ун-т ; редкол.: Н. П. Баранова (отв. ред.) [и др.]. – Минск, 2010. – Ч. 3. – С. 43–46.
7. Когнитивно-типологические основы определения отклонений от произносительной нормы языка: отчет о НИР / (промежут.); рук. Е. Б. Карневская ; испол. Е. Б. Карневская, Е. Д. Долматова [и др.]. – Минск, 2010. – 116 с. – Библиогр. : с. 86–94. – № госрегистрации 2006867.
8. *Долматова, Е. Д.* Модификации английских согласных в связной речи (экспериментально-фонетическое исследование на материале британского варианта современного английского языка) : дис. ... канд. филол. наук : 10.02.04 / Е. Д. Долматова. – Минск, 2014. – 200 л.
9. *Наследов, А. Д.* SPSS 15: профессиональный статистический анализ данных / А. Д. Наследов. – СПб. [и др.] : Питер, 2008. – 412 с.

The article is concerned with the study of allophonic variation of obstruents in the spontaneous speech of native and non-native speakers of English. The differences and similarities of the English consonant realization in spontaneous speech by the above-mentioned groups of speakers have been shown on the acoustic level.

Поступила в редакцию 14.03.18

Г. А. Змудяк

ТАКТИКИ РЕЧЕВОГО ОБЩЕНИЯ В ТЕЛЕИНТЕРВЬЮ (на материале французского языка)

В данной статье рассматриваются особенности фатического общения во французских телеинтервью, где наличие телеведущего, гостей интервью, телезрителя определяет его специфику. Основной задачей ведущего является особое построение диалога с приглашенным в студию гостем (гостями) таким образом, чтобы максимально заинтересовать и привлечь внимание зрителя, который является конечным адресатом в данной речевой ситуации. В связи с этим телеведущий использует разнообразные тактики воздействия на адресата (гостя телепередачи), чтобы, тем самым, наиболее эффективно воздействовать на телезрителя.

Современная лингвистика проявляет большой интерес к коммуникативным и прагматическим компонентам языковых и речевых явлений в процессе общения (коммуникации). Коммуникативно-прагматический аспект требует внимания, как к собственно коммуникативным, так и к прагматическим компонентам языковых/речевых явлений. Коммуникативный аспект относится к общению в целом, прагматический связан с говорящим лицом, адресатом (в их статусных и ролевых отношениях), с ситуацией общения, выбором и контекстом употребления соответствующих единиц, с социальными разрешениями и запретами на те или иные речевые действия и т.д. Таким образом, коммуникативный и прагматический аспекты непрерывно связаны между собой.

Коммуникативная ситуация – это сложный комплекс внешних условий общения и внутренних состояний общающихся, представленных в высказывании, дискурсе. Этот комплекс, с одной стороны, порождает речь, с другой – отражается в речи в своих существенных компонентах. Важнейшими компонентами такой ситуации являются партнеры по общению – адресант и адресат, которые являются носителями определенных социальных статусов и ролей и взаимодействуют в соответствии с ними, что находит отражение в порождаемых дискурсах [1].

В речевом общении может быть выделен ряд аспектов, соответствующих поставленной говорящими задаче: информативный, прескриптивный (воздействие на адресата), экспрессивный (выражение эмоций, оценок), межличностный (регулирование отношений между собеседниками), игровой (апелляция к эстетическому восприятию, воображению, чувству юмора) и т.д. [2; с. 414].

Речевое общение несет в себе различные функции, что позволяет его классифицировать. По характеру передаваемого содержания различают общение информативное и фатическое. Последнее имеет основную установку на речевой контакт и поддержание с собеседником речевых и социальных отношений, на их регулирование.

Межличностные отношения представляют собой субъективно передаваемые взаимосвязи между людьми, объективно проявляющиеся в характере и способах взаимных влияний, оказываемых людьми друг на друга в процессе совместной деятельности и общения. Межличностные отношения есть как бы реализация безличных отношений в деятельности конкретных личностей, в актах их общения и взаимодействия. Специфической чертой этих отношений является эмоциональная основа, т.е. они возникают и складываются на основе определенных чувств и намерений, рождающихся у людей по отношению друг к другу. Тип межличностных отношений не безразличен к тому, как будет построено общение, которое существует в специфических формах [3; с. 384].

Диалог представляет собой особого рода совместную деятельность участников, каждый из которых в какой-то мере признает общую для них обоим цель или хотя бы направление диалога [4]. В естественной ком-

муникации трудно представить ситуации, когда поставленную цель можно достичь с помощью одного-единственного обращения к партнеру. Речевое общение вариативно: решение коммуникативной задачи допускает несколько способов (ходов). Участники диалога корректируют свои действия в зависимости от сложившейся ситуации, оставаясь в рамках единой сверхзадачи. Необходимо отметить, что сверхзадача и коммуникативные ходы соотносятся с понятиями стратегии и тактики.

Стратегия речевого поведения охватывает всю сферу построения процесса коммуникации, когда целью является достижение определенных долговременных результатов. Речевая стратегия включает в себя планирование процесса речевой коммуникации в зависимости от конкретных условий общения и личностей коммуникантов, а также реализацию этого плана. Речевая стратегия представляет собой комплекс речевых действий, направленных на достижение коммуникативной цели [5].

Понятие стратегии может быть рассмотрено как с когнитивной, так и с лингвистической точки зрения. Когнитивный аспект подробно анализируется ван Дейком и Кинчем, которые рассматривают способы обработки сложной информации в памяти, когнитивные ходы в мышлении [6; с. 156–162]. Речевые стратегии (диалоговые – по классификации Ван Дейка) – специфические способы речевого поведения, осуществляемые под контролем «глобального намерения» [7; с. 272–277].

Речевая стратегия определяет семантический, стилистический и прагматический выбор говорящего. В зависимости от степени «глобальности» намерений речевые стратегии могут характеризовать конкретный разговор с определенными целями (обратиться с просьбой и т.п.) и могут быть более общими, направленными на достижение общих социальных целей (установление и поддержание статуса, подтверждение власти и т.д.). В связи с этим разграничиваются общие и частные стратегии. Так, общая стратегия дискредитации реализуется в частных стратегиях обвинения, оскорбления, насмешки.

С функциональной точки зрения можно выделить основные и вспомогательные стратегии. Основная стратегия на данном этапе коммуникативного взаимодействия является наиболее значимой для реализации мотивов и целей. В большинстве случаев это та стратегия, которая непосредственно связана с воздействием на адресата, а также на его модель мира, поведение. Вспомогательные стратегии способствуют эффективной организации диалогового взаимодействия (стратегия самопрезентации, статусные стратегии и т.п.).

Конечной целью любой речевой стратегии является коррекция мира адресата. Рядом предложений, реакций, контрпредложений коммуниканты вводят в разговор свои собственные интерпретации, желая сделать их общими и тем самым добиться реализации своего замысла.

Типичная речевая ситуация включает говорящего и слушающего и высказывания говорящего, с которыми связаны самые разнообразные виды

речевых актов. Однако говорящие могут осуществлять речевые акты не только по отношению к одному адресату, но и по отношению к определенному кругу других слушающих. Так, в телепередачах разговоры состоят из последовательных высказываний, которыми обмениваются два и более человека. С помощью каждого высказывания говорящий осуществляет иллокутивный акт, направленный на адресата. Однако именно зритель является конечным адресатом в данной речевой ситуации. Поэтому говорящий использует широкий набор языковых средств и речевых тактик, различных по способу воздействия на адресата (гостя телепередачи), чтобы максимально воздействовать на конечного адресата (телезрителя).

Важную роль в регулировании межличностных отношений играет тактика комплимента, которая относится к области ритуальных речевых действий. Однако, в отличие от чисто ритуальных речевых тактик (приветствие, прощание), комплимент предполагает некоторое творчество говорящего. Так, ведущий называет гостей программы: « *deux êtres d'exception, un invité un petit peu parfait* », « *Vous êtes parent de l'émission* ». Реакция адресата служит индикатором успешности комплимента: « *Merci, c'est gentil* », « *Et bien tout ça, merci beaucoup* », « *J'avoue que c'est super plaisant et c'est le plus beau compliment* ».

Реализация стратегических задач во многом зависит от коммуникативного контекста, в условиях которого осуществляется речевое общение. Говорящие используют вербальные сигналы «близости», чтобы управлять межличностной дистанцией. Такими сигналами могут быть прямые признания в симпатии « *tu es magnifique* », « *populaire, singulier, surprenant* », этикетные формулы « *on est ravi de vous revoir évidemment* », показатели включенности партнеров в сферу интересов говорящего « *le mois prochain elle commencera sa première tournée nationale* ». Тактики такого рода реализуют вербальную стратегию установления контакта и относятся к тактикам комплимента, которые используются для того, чтобы настроить на положительный лад гостей, приглашенных на интервью. Они также направлены на сужение межличностной дистанции и задают положительный настрой беседе.

Основной функцией комплимента является установление контакта и поддержание добрых отношений. Говорящий стремится вызвать симпатию у своего собеседника, расположить его к себе. Отличительной чертой комплимента является явная демонстрация интенции говорящего – желание сказать нечто приятное собеседнику. Такое прагматическое толкование комплимента обусловлено фатической функцией данного речевого акта, которая сводится к установлению и поддержанию контакта. С помощью комплиментов, которые являются всегда прямыми и отмечают внешние « *tu deviens de plus en plus belle* », « *mignon* », « *bien habillé* », нравственные « *une beauté italienne qui a du tempérament* », « *bien élevé* », интеллектуальные данные адресата « *intelligente* », адресант вызывает улыбку у адресата, что раскрепощает слушающего и вызывает желание участвовать в интервью.

В основу классификации комплиментов могут быть положены такие факторы, как наличие иллокутивного вынуждения, способ выражения интенции, наличие иных коммуникативных целей, кроме собственно цели комплимента. По наличию иллокутивного вынуждения комплименты делятся на инициативные и вынужденные. В интервью комплименты не являются вынужденными, так как они не являются ответами на вопрос или на другие речевые действия. Адресант (телеведущий) берет инициативу, высказывая лестный отзыв о госте. Позиция адресанта более сильная, поскольку его собеседник в соответствии с принципом вежливости должен его отблагодарить за проявленную симпатию « *C'est vrai ? Ça me touche énormément* », « *J'avoue que c'est super plaisant et c'est le plus beau compliment* ».

В интервью может быть представлен и антикомплимент. Так, высказывание телеведущего « *un véritable galopin de 90 printemps qui n'aime plus rien que nous faire des accourcissements récréatifs au cinéma* » должно, по мнению адресанта, польстить его гостю (Ivry Gitlis). Однако этот комплимент не очень нравится гостю. Это же замечает второй гость телестудии (Monica Bellucci), которая делает замечание ведущему « *Ivry n'est pas content quand on dit son âge* », « *parce que ce qui compte c'est l'âge de l'âme. Voilà* ». В свою очередь Ivry Gitlis отвечает ведущему « *Mais ce n'est pas mon âge. Vous avez un âge, monsieur ?* ».

Косвенный комплимент подразумевает оценку не самого человека, а того, что ему дорого. Высказывания телеведущего « *Son troisième album magnifique sort aujourd'hui, le mois prochain elle commencera sa première tournée nationale* » оценивают музыкальную деятельность адресата, что позволяет эффективно воздействовать на гостя телепередачи.

Телеведущий целенаправленно воздействует на адресата с тем, чтобы установить, поддержать, изменить диалог, перевести его в новую плоскость или на новый уровень. Отправитель комплимента предлагает (а иногда настойчиво навязывает) адресату желаемую, четко ангажированную позицию: « *Vous encadrez un peu tout ce qu'on a envie de montrer dans cette émission* », « *vous êtes parent de l'émission* ». Тем самым адресант дает понять адресату, что зрительская аудитория (*émission musicale*) заинтересована услышать как можно больше подробностей о творчестве музыканта.

Комплимент можно охарактеризовать как вдохновляющую речевую тактику, которая призвана завлечь, вдохновить адресата на совершение им определенных речевых действий, придать ему уверенность в себе: « *la femme la plus attirante du monde, une beauté italienne qui a du tempérament* » (Monica Bellucci), « *le meilleur violoniste au monde (Ivry Gitlis)* », « *populaire, surprenant, singulier, dérangent, drôle, émouvant, bien élevé, bien habillé* » (Stromae).

Использование качественных прилагательных (*formidable, gentil, belle, parfait, merveilleux, populaire, magnifique, surprenant, mignon* и т.д.), превосходной степени прилагательных (*la plus attirante du monde, le meilleur violoniste au monde*), абстрактных существительных (*une beauté, une chance, une simplicité, une efficacité...*) позволяет адресанту достичь своей цели.

Между коммуникантами устанавливается контакт, создается благоприятная атмосфера для диалога. Адресант (телеведущий) льстит адресату, рассказывает о его заслугах. Так, обращаясь к *Selena Gomez*, телеведущий говорит: « *C'est fantastique ! Comment fais-tu pour trouver du temps avec cet emploi du temps que tu as ? Tu enregistres des chansons, tu tournes des films* ».

Подчеркивая достижения *Stromae*, телеведущий утверждает, что « *Avec son nouvel album Stromae s'impose avec avec simplicité, efficacité. Très, très haut pour ses 28 ans ...* ».

Благодаря тактике комплимента, используемой телеведущим, адресат чувствует себя непринужденно и уверенно, что позволяет выстроить диалог таким образом, чтобы воздействовать на адресата (гостя телепередачи), а в итоге максимально воздействовать на конечного адресата (телезрителя).

В телеинтервью широко представлена тактика контроля над темой. Телеведущий осуществляет контроль – интеллектуальный, эмоциональный, поведенческий. Именно он является доминирующим партнером диалога. Телеведущий способен изменить тему, отслеживает очередность ролей, контролирует, кто говорит, сколько и о чем. Под видом ненавязчивой беседы адресант (телеведущий) наводит адресата на исследуемую тематику. Так вопрос « *Tu as toujours ce chapeau?* » показывает включенность ведущего в тему, его осведомленность о деятельности певицы в детстве. Этот вопрос приглашает певицу к беседе на тему, связанную с ее ранним творчеством. Следующий вопрос ведущего « *Tu aimais faire la comédie quand tu étais petite?* » подтверждает намерение адресанта поговорить о ранних этапах творчества знаменитости. Тактика успешна, *Selena Gomez* включается в диалог, развертывая тему в направлении, необходимом для телеведущего « *Lorsque j'étais petite je pensais que c'était le meilleur métier au monde*». « *Oui, j'aimais beaucoup! Spécialement on se déguisait beaucoup, des fois je jouais le rôle d'Alice, des fois celui d'Alyson, et dans les autres vidéos on devait se déguiser en légumes. C'était très amusant !* ».

Ведущий может показать свою включенность в тему, описывая суть фильма, в котором снимались участники интервью: « *Vous êtes à l'affiche de ce film, « Les gens qui s'embrassent* ». « *Moi, j'aime les films de Danièle Thompson, ça donne du bonheur. C'est une histoire de deux frères. Il y a d'abord deux frères qui jouent vos enfants ... Monica, vous jouez une femme naïve, elle est surtout attachée à son apparence, à sa beauté* ». В данной реплике ведущий обращается к Монике Беллуччи, но не задает конкретного вопроса, касающегося ее персонажа, а просто описывает героиню фильма. *Monica Bellucci* перехватывает инициативу ведущего, она дополняет его высказывание « *Oui, c'est une femme qui adore les beaux vêtements et les bijoux. Elle dit les choses toujours déplacées mais malgré tous ses défauts qu'elle a, elle a quelque chose à sa faveur, elle a son côté touchant* ».

Таким образом, ведущий, имитируя простой разговор о персонаже *Monica Bellucci*, высказывая свое личное мнение о работах режиссера « *Moi,*

j'aime les films de Danièle Thompson, ça donne du bonheur» и не задавая прямого вопроса о ее персонаже, наводит адресата на желаемую тему интервью. То же самое ведущий делает и в отношении второго гостя *Ivry Gitlis*. Сначала он описывает роль музыканта в фильме, а в конце высказывания ставит свой вопрос: « *Dans ce film vous incarnez un père qui est en train de perdre la mémoire. Et ses deux fils se retrouvent et surtout ils restent ensemble. Vous avez cet esprit de famille, vous? »*.

С помощью данной реплики ведущий наводит гостя студии на тему разговора, логически выводя свой вопрос из предыдущего контекста. Он как бы подготовил адресата к нему и получил желаемый ответ на тему семьи: « *J'ai l'esprit de famille d'une manière générale, pas nécessairement personnelle, parce que je suis un enfant unique ... »*.

Являясь доминирующим партнером диалога, ведущий способен изменять, задавать тему, отслеживать очередность ролей в ходе диалога. Его главной задачей является наведение адресата на желаемую тему и получение нужной информации в ходе диалога. Для этого он и прибегает к тактике контроля над темой, которая позволяет под видом непринужденной беседы контролировать тему беседы, направляя ее в нужное русло. Показателем успешности данной тактики является активность участников диалога, их вовлеченность в процесс речевого взаимодействия, готовность брать на себя диалогическую инициативу.

Тактики – запрос информации и контроль над пониманием – также позволяют осуществлять воздействие на ход диалога. Данные тактики коррелируют между собой и являются взаимодополняемыми и взаимообуславливающими, так как их цель – получение и уточнение информации. Поскольку структура интервью в целом построена на запросе и получении информации, ведущий постоянно прибегает к данным тактикам. Запрос информации чаще всего проходит в виде вопросов: « *Le dernier épisode n'a pas encore été diffusé à la télévision? – Mais qu'est-ce qu'on va faire maintenant? Qu'est-ce qu'on va regarder? »*.

– *Quelle est la chanson qui vous fait pleurer?*

– *Votre devise musicale?*

Уточнение информации также чаще всего представлено в виде небольших вопросов, которые выводятся из предыдущей информации. Детали уточняются впоследствии ведущим: « *C'est embêtant, non?* ».

Вырванный из контекста вопрос не дает никакого представления в том, о чем идет речь. Только контекст, предшествующий уточнению, позволяет понять смысл вопроса « *Quand tu te promènes avec Justin il y a des paparazzis qui vous suivent et qui vous prennent en photos. C'est embêtant, non?* ».

Все высказывания, оформляющие тактику контроля над пониманием, отличаются краткостью и невозможностью понимания вопросов без наличия контекста. В вопросах отсутствует инверсия, большую роль играет интонация ведущего.

Использование тактик запроса информации и контроля над пониманием не случайно, поскольку основной целью интервью является максимальное получение информации от приглашенных. Запрос информации является неотъемлемой частью интервью, в то время как контроль над пониманием – необязательная, факультативная тактика. К ней прибегают чаще всего для уточнения информации, если адресат дает неполную или не совсем понятную информацию, т.е., если при запросе ведущий не получает нужное количество информации, то он прибегает к тактике контроля над пониманием, которая позволяет получить более подробный, удовлетворяющий ведущего интервью ответ.

Таким образом, благодаря использованию тактик комплимента и контроля над темой, а также тактик запроса информации и контроля над пониманием, речевое поведение получает контактоустанавливающую, контактоподдерживающую, контактоконтролирующую модальность (фатическую), что создает особую личносно-доверительную обстановку и максимально приближает к личности говорящего. Все это, в свою очередь, дает возможность адресанту (телеведущему) воздействовать на адресата (гостя телепередачи), а в итоге влиять на зрительскую аудиторию, что и является основной задачей телеинтервью.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Формановская, Н.И.* Речевое общение: коммуникативно-прагматический подход / Н. И. Формановская. – М. : Рус. яз., 2002. – 216 с.
2. *Арутюнова, Н. Д.* Речь / Н. Д. Арутюнова // Лингвистический энциклопедический словарь. – М. : Сов. энцикл., 1990. – С. 414.
3. *Андреева, Г. М.* Общение и межличностные отношения / Г. М. Андреева // Социальная психология. – М. : Аспект Пресс, 2001. – 384 с.
4. *Грайс, Г. П.* Логика и речевой общение / Г. П. Грайс // Новое в зарубежной лингвистике. – 1985. – Вып. 16. – С. 217–238.
5. *Иссерс, О. С.* Коммуникативные стратегии и тактики русской речи / О. С. Иссерс. – 5-е изд. – М. : Изд-во ЛКИ, 2008. – 288 с.
6. *Дейк, Т. А. ван.* Стратегии понимания связного текста / Т. А. ван Дейк // Новое в зарубежной лингвистике. – Вып. 23. – М. : Прогресс, 1988. – С. 153–211.
7. *Дейк, Т. А. ван.* Язык, познание, коммуникация / Т. А. ван Дейк. – М. : Прогресс, 1989. – 312 с.

The article considers the peculiarities of actual communication in a television interview. The tactics that a television host undertakes allow, to organize an interview in an effective way, to affect the audience during the dialogue.

Принята в редакцию 16.02.18

Т. К. Кохнович

**САМОПОХВАЛА И САМОПОРИЦАНИЕ
КАК ЯЗЫКОВОЕ ВЫРАЖЕНИЕ ЛИЧНОСТИ
(на материале современного немецкого языка)**

В статье проанализированы речевые акты самопохвалы и самопорицания. Рассмотрены определения оценки и самооценки, виды самооценки, а также языковое выражение указанных речевых актов. Специфика самопохвалы и самопорицания заключается в невозможности выражения коммуникативного намерения перформативами в условиях непосредственного речевого общения.

Современная лингвистика характеризуется усилением внимания к речевому поведению человека. Его жизнедеятельность находится в тесной связи с *оценкой*, являющейся одним из важнейших аспектов отражения взаимодействия человека с окружающей средой, в процессе которого под влиянием различных факторов (исторический срез, в котором протекает жизнь человека, его воспитание, образование, характер, мировоззрение) у него формируется определенная система ценностей. Как отмечает Н. Д. Арутюнова, оценка относится к числу собственных человеческих категорий. Она задана физической и психической природой человека, его бытием и чувствованием ... [1, с. 5].

Представители различных областей знаний пытаются определить место оценки в системе категорий научного познания. Философы ее связывают с понятиями цели, устремлений и интересов человека; логики изучают оценочные рассуждения; лингвистов интересуют способы выражения ценностных отношений средствами языковой системы. При этом все имеющиеся классификации оценки в лингвистике ориентированы на выделение основных типов оценочных значений. Так, на примере имен прилагательных Н. Д. Арутюнова описывает аксиологические значения в языке при помощи двух основных типов: общеоценочного и частнооценочного [1, с. 198–199]. Первый тип реализуется прилагательными *хороший / плохой* и их стилистическими и экспрессивными оценками. Во второй тип входят значения, которые дают оценку одному из аспектов объекта с определенной точки зрения.

В процессе жизнедеятельности человек как социальное существо постоянно получает оценку своим поступкам и действиям как со стороны окружающих, так и от общества в целом. Природа оценки отвечает природе человека. Его взгляд на самого себя, свои возможности, качества, способности, попытка охарактеризовать себя определяется психологами как *самооценка*, изучение которой проводится в рамках конструкции, именуемой «Я-концепцией». Это – совокупность всех представлений о себе, сопряженная с их оценкой. От самооценки зависит уровень критичности, требовательности к себе, отношение к своим успехам и неудачам [2, с. 30–31]. Анализ научной литературы позволяет отметить три момента, существенные для понимания самооценки:

а) сопоставление образа реального «я» с образом идеального;

б) учет мнения других людей при самооценке: «действия людей по отношению к самим себе в значительной мере того же порядка, как и действия по отношению к другим людям или действия других людей по отношению к ним» [3, с. 81];

в) оценка успешности своих действий и проявлений через призму своей идентичности, т.е. люди прилагают большие усилия для того, чтобы с успехом вписаться в структуру общества.

Самооценку характеризуют обычно с точки зрения уровня – средняя, высокая, низкая; с точки зрения соотношения с реальностью – адекватная и неадекватная. В русской этике нормой признается достаточно высокая самооценка человека, на это указывает выражение «знать себе цену» [4, с. 18]. Для завышенной самооценки характерно осознание собственного превосходства над другими людьми. Низкая самооценка характеризуется принижением своих достоинств, она воспринимается как отклонение от нормы. Речевой акт преувеличенной негативной самооценки парадоксален с точки зрения прагматических особенностей функционирования речи, так как он противоречит принципам положительной самопрезентации. Естественно утверждать, что адекватное отношение к себе, адекватная самооценка являются оптимальной стадией ее развития, когда человек реально оценивает свои возможности, действия, поступки, черты характера и качества.

В последние годы в лингвистике возрос интерес к проблемам самооценки, о чем свидетельствуют исследования по данной проблеме на материале различных языков: А. В. Санников [4], О. В. Пугачёва [5], Н. А. Трофимова [6], И. В. Кожухова [7], Н. В. Смирнова [8] и др.

Речевой акт, в котором говорящий сам выражает положительную оценку своих действий с целью вызвать такую же оценку со стороны адресата, является *самопохвалой*. П. Экман считает самопохвалу одним из видов лжи, используемой для повышения своего социального статуса. При этом говорящий стремится выглядеть в глазах других людей более важным, привлекательным. Автор отмечает, что в преувеличении всегда присутствует доля правды, но правда приукрашена [9, с. 87].

Подобные оценочные высказывания С. В. Волюнкина рассматривает как нестандартные ролевые модели речевого жанра похвалы и называет их *автопохвалой*, отмечая три ее основных варианта:

а) инициативный – как констатация собственных достоинств (*Я – гений. Я додумалась до этого*);

б) высказывание в виде ответной реплики как следствие похвалы, сделанной ранее (*Такие стихи, ты молодец! – Да, есть немного*);

в) высказывание как запрос оценки (*Ну не молодец ли я?*) [10].

Наш практический материал показал, что в большинстве случаев самопохвала используется с целью произвести хорошее впечатление на собеседников, в результате чего другие будут думать о нем лучше: *Ohne mich wäre er nie so schnell Millionär geworden* [К, S. 92].

Говорящий с достоинством и гордостью дает оценку своим качествам, умениям, достижениям: *In Erfindungen bin ich sachverständig* [Kstn, S. 146]; *Ich habe eine großartige Idee* [K, S. 84]; *Ich habe meinem Freund einen ausgezeichneten Rat gegeben* [K, S. 9]; *Für einen Mann meines Alters bin ich toll in Form* [B, S. 10].

В связи с тем, что субъектом оценки выступает сам говорящий, с высказанной оценкой можно не всегда согласиться, так как она часто бывает преувеличенной. Самопохвала может быть вызвана чувством обиды, что дает основание говорящему особенно высоко оценить свои достоинства: *Dieser Dreckskerl hat mich frühzeitig in den Ruhestand geschickt. Mich, ausgerechnet mich, – ohne mich seid ihr doch nichts bei der Kripo* [H, S. 108].

Самопохвала без оттенка хвастовства и самолюбования возможна, когда подводятся итоги совместной работы: *Gefällt es Ihnen? Das haben Eduard und ich errichtet* [K, S. 112]. Данный речевой акт встречается нечасто, поскольку самопохвала не поощряется правилами общения и является нарушением максимы скромности, призванной регулировать взаимоотношения коммуникантов и предполагающей минимальное выражение одобрения самого себя. Поскольку открытая самопохвала порицается, то самооценка может выражаться скрыто, без упоминания своего имени, что раскрывается ситуативным контекстом: *Jetzt siehst du, wie gut es war zu sparen und das Geld zurückzulegen* [K, S. 54].

С самопохвалой граничит *эйфоричное восприятие похвалы*. Немецкий лингвист И. Верлен указывает, что реакция на похвалу должна быть умеренной, слушающему не следует восхвалять себя: *Eigenlob stinkt* [11, S. 256].

Каждая похвала представляет собой в определенной мере самопохвалу, поскольку она показывает соответствие говорящего критериям оценки, предъявляемым к собеседнику. Самопохвала, как и речевой акт похвалы, выражается оценочными лексемами, прилагательными в сравнительной и превосходной степени, высказываниями различной коммуникативной направленности. Ее специфика заключается в невозможности передачи коммуникативного намерения эксплицитным перформативом в условиях непосредственного речевого общения.

В отличие от положительной самооценки, которую согласно нормам поведения в обществе следует минимизировать любыми доступными способами, отрицательная самооценка является эффективным средством показать свою скромность и требовательность к себе. *Самопорицание* как качество личности – это склонность относиться к себе, своему поведению, поступкам неодобрительно, с осуждением. Зачастую, порицая себя, человек стремится опередить в этом других. Многие исследователи называют это профилактикой от порицания окружающих. Разумеется, отрицательная самооценка более предпочтительна, чем порицание партнером. Заранее признавая свою вину, человек освобождает других от необходимости высказывать свою отрицательную оценку, которая может проявляться во внутренней речи. Неслучайно для самоосуждения в русском языке используется

такое выражение, как *казнить себя*, что неприемлемо к другому объекту оценки: *Du bist verrückt, sagte ich zu mir* [B, S. 120]; *Wozu lebe ich eigentlich? Ich habe mich, dachte er, durch meine blinde Liebe selbst vernichtet* [Kns, S. 155].

Говорящий может прямо указывать на свою ошибку, нанося ущерб своему позитивному лицу, употребляя при этом личное местоимение *я* и лексемы *schuld, schuldig*: *An allem, was man ihr vorwerfen kann, bin ich allein schuld* [F, S. 263]; *Es ist meine Schuld, ich bin nicht stark, auch meine Liebe ist nicht stark genug* [K, S. 155]. Признание вины может относиться как к настоящему, так и к прошедшему времени: *Ich wusste, es war meine Schuld* [B, S. 63]. Чувство вины говорящий иногда разделяет с другими лицами: *Wir haben alle nicht so auf Monika aufgepasst, wie es sein sollte. Wir sind alle schuldig. Jawohl, schuldig!* [Kns, S. 105]. При самопорицании говорящий может раскаиваться за свои поступки и спрашивать себя, почему он совершил то или иное действие. При этом он знает, что ушедшего не вернуть, и сокрушается по этому поводу. Данное самопорицание может быть выражено одним или несколькими риторическими вопросами: *Warum habe ich nur geschossen? Warum habe ich mich nicht geweigert? Warum habe ich so was gemacht?* [Sgr, S. 157]. Риторические вопросы с *warum* обращены к прошлому, поэтому они не могут быть реализованы побудительными высказываниями. Далее может следовать оправдание говорящим своего поступка: *O, Mutter, Mutter, warum habe ich das getan? ... – Um so zu sein, wie die anderen in unserem Klub, ... weil ich zeigen wollte, dass ich nicht feig und ängstlich bin, wie mich die anderen spöttisch machen* [Kns, S. 123].

Для выражения сильной неудовлетворенности своими или совместными с собеседником поступками говорящий может употреблять оценочную инвективную лексику: *Ich geb's zu, dass ich ein Idiot bin* [F, S. 238]; *Die Geschichte bricht uns das Genick; wir waren komplette Idioten* [K, S. 211].

Одним из средств, используемых для обозначения негативной самооценки, являются также оценочные существительные – метафоры, образованные от названий животных, – слова-фаунонимы: *Esel, Schwein, Hund, Vieh, Kamel* и др. Указанные животные наделены такими отрицательными качествами, как глупость, грубость, ограниченность и т.д. Эти черты переносятся и на характеристику человека: *Ich bin ein Schwein* [Kstn, S. 226]; *Ich gebe zu, dass ich ein Esel bin* [F, S. 238]; *Ich war ein Rindvieh, dich dorthin zu schicken* [Kns, S. 67]; *Ich bin ein Riesenkamel gewesen, dass ich von ihnen fort bin* [Fld, S. 104].

Самопорицание может быть выражено средствами других речевых актов, что выводится из ситуативного контекста. Н. А. Трофимова отмечает, что «опосредованной целью самопорицания может быть косвенный запрос совета: если говорящий порицает какое-то присущее ему действие, результаты которого можно, по его мнению, исправить, то логично предположить, что он ждет от партнера совет, рекомендацию по изменению этого отрицательно оцениваемого положения дел» [6, с. 269]: *Meine Talente reichen zum Verhungern. Was nützt es mir, dass ich begabter als andere bin?* [F, S. 191].

Самопорицание может также реализовать такие интенции, как

а) извинение: *Lass gut sein, Alter, ich bin Idiot. Ich mache mir schon Vorwürfe* [Hr, S. 260];

б) самоирония: *Ich komme mir vor wie ein Teenager. Wozu habe ich mich so ausgeputzt?* [H, S. 26];

в) сомнение: *Ob wir die Tochter falsch erzogen haben?* [Sm, S. 25].

Анализ показал, что для выражения самопорицания чаще других синтаксических структур используются риторические вопросы, которые негативно характеризуют самого говорящего. Языковыми средствами, используемыми при самопорицании, являются также оценочные лексемы: в нашем материале – существительные и наречия. Для выражения самопорицания, как и для самопохвалы, отсутствуют перформативные формулы. Как отмечал З. Вендлер, слова говорящего «я упрекаю себя за ...» или «я хвалю себя за ...» являются иллокутивным самоубийством [12, с. 238–250].

В самопорицании следует знать меру, чтобы не дойти до самопрезрения. Ложное лицемерное самопорицание сродни похвале самому себе. Главное, чтобы самопорицание совершенствовало личность, иначе оно превращается в самоунижение, которое как проявление уважения к собеседнику посредством принижения собственного положения и возвышения положения адресата, относится к стратегиям негативной вежливости.

Практический материал показал, что в самопохвале воплощаются различные типы оценок, а в самопорицании – преимущественно морально-этические (за какой-то неблаговидный поступок, неправильный образ жизни, за глупость, наивность). Несмотря на то, что самопохвала, как и похвала в целом, распространяется на больший круг явлений, чем порицание и самопорицание, в речи она встречается реже порицания. Эта особенность – преобладание единиц с отрицательной оценочной семантикой над единицами с положительной оценочной семантикой – замечена лингвистами давно. В. И. Шаховский объясняет этот факт социопсихологическими факторами: «все хорошее считается нормой, а отклонение от нее в сторону полюса отрицательной оценки имеет разнообразную гамму проявлений, отраженных в денотации и коннотации значения слов, обозначающих эти проявления» [13, с. 103]. Причиной данного положения является критическая направленность деятельности разума, а также то, что людям свойственно более детализировать обозначение зла, нежели обозначение добра в целях успешного преодоления негативных качеств человека, которые тоньше дифференцируются сознанием, чем положительные свойства объектов.

Самооценка не является постоянной, она может изменяться в зависимости от обстоятельств. Источником оценочных значений различных представлений индивида о себе выступает его социокультурное окружение, в котором оценочные значения нормативно фиксируются в языковых значениях. Самооценка служит определенной ступенью в развитии самосознания и показывает способность человека отнестись к себе критически и соотнести свои возможности с результатами деятельности.

ЛИТЕРАТУРА

1. Арутюнова, Н. Д. Типы языкового значения. Оценка, события, факты / Н. Д. Арутюнова. – М. : Наука, 1988. – 341 с.
2. Бёрнс, Р. Б. Развитие Я-концепции и воспитания / Р. Б. Бёрнс. – М. : Прогресс, 1986. – 169 с.
3. Шибутани, Т. Социальная психология / Т. Шибутани. – М. : Наука, 1969. – 81 с.
4. Санников, А. В. Самооценка человека в русской языковой картине мира : дис. ... канд. филол. наук : 10.02.01 / А. В. Санников. – М., 2006. – 163 л.
5. Пугачева, О. В. Коммуникативная полярность речевых актов упрека и самопохвалы и средства их экспликации / О. В. Пугачева // Вестн. Воронеж. гос. ун-та. Сер. : Лингвистика и межкультурная коммуникация. – 2008. – № 3. – С. 134–138.
6. Трофимова, Н. А. Экспрессивные речевые акты в диалогическом дискурсе. Семантический, прагматический, грамматический анализ / Н. А. Трофимова. – СПб. : ВВМ, 2008. – 376 с.
7. Кожухова, И. В. Самоупреки в английском языке : форма и функционирование / И. В. Кожухова // Вестн. Челяб. гос. ун-та. Филология. – 2014. – № 7. – Вып. 89. – С. 30–34.
8. Смирнова, Н. В. Самооценка и ее выражение в английском языке : автореф. дис. ... канд. филол. наук : 10.02.04 / Н. В. Смирнова. – М., 2011. – 24 с.
9. Экман, П. Почему дети лгут? / П. Экман. – М. : Педагогика-пресс., 1993. – 210 с.
10. Волынкина, С. В. Ролевой репертуар оценочного жанра «похвала» / С. В. Волынкина // Вестн. Нижегород. ун-та им. Н. И. Лобачевского. – 2016. – № 2. – С. 200–204.
11. Werlen, I. Ritual und Sprache / I. Werlen. – Tübingen : Niemeyer, 1984. – 270 S.
12. Вендлер, З. Иллокутивное самоубийство / З. Вендлер // Новое в зарубежной лингвистике. – М. : Прогресс, 1995. – Вып. 16 : Лингвистическая прагматика. – 500 с.
13. Шаховский, В. И. Эмотивная семантика слова как коммуникативная сущность / В. И. Шаховский // Коммуникативные аспекты значения : сб. – Волгоград : Волгоградский пединститут, 1990. – 349 с.

ИСТОЧНИКИ ПРИМЕРОВ

К – *Kästner, E. Drei Männer im Schnee* / E. Kästner. – München : Deutscher Taschenbuch Verl., 2004. – 234 S.

Kstn – *Kästner, E. Fabian. Die Geschichte eines Moralisten* / E. Kästner. – St. Petersburg : Капо, 2008. – 315 S.

В – *Buchheit, H. Julia und die Pferdefreunde* / H. Buchheit. – Reutlingen : Ensslin u. Leiblin Verl., 1994. – 319 S.

H. – Hillefeld, M. Der Mensch ohne Gesicht / M. Hillefeld. – M. : Астрель, 2006. – 154 с.

Kns – *Konsalik, H.* Mädchen im Moor / H. Konsalik. – München : W. Heyne Verl., 1993. – 302 S.

F – *Fallada, H.* Wolf unter Wölfen / H. Fallada. – Berlin ; Weimar : Aufbau-Verl., 1972. – 516 S.

Sgr – *Seghers, A.* Der Bienenstock / A. Seghers. – Berlin : Aufbau-Verl., 1956. – 357 S.

Fld – *Fallada, H.* Kleiner Mann – was nun? / H. Fallada. – Berlin ; Weimar : Aufbau-Verl., 1970. – 400 S.

Hr – *Hurry, A.* Zwei Freunde für Janna / A. Hurry. – Berlin : Verl. Neues Leben, 1970. – 87 S.

Sm – *Schuhmacher, S.* Kurzhörspiele 1 / S. Schuhmacher. – Bonn : Internationes, 1989. – 63 S.

The article is devoted to the analysis of speech acts of self-praise and self-reprimand. We consider the definitions of esteem and self-esteem and describe the language expression of the speech acts in question. The specific character of self-praise and self-reprimand consists in the impossibility of expressing the communicative intent with performatives in direct speech communication.

Принята в редакцию 15.03.18

А. В. Ломовая

СПЕЦИФИКА ЯЗЫКОВОЙ КОМПРЕССИИ В АНГЛИЙСКИХ ПРЕДЛОЖЕНИЯХ С ДЕНОМИНАТИВНЫМИ ГЛАГОЛАМИ

В статье рассматриваются особенности реализации принципа языковой экономии в предложениях с производными английскими глаголами, образованными безаффиксальным способом от наименований частей тела. Выявлены четыре типа языковой компрессии: синтаксическая, семантическая, идиоматическая и стилистическая, а также их подвиды. Определено соотношение парадигматической и синтагматической компрессии в предложениях с деноминативными глаголами в зависимости от типа имплицуруемой информации.

Законы функционирования и развития языка уже многие годы находятся на пике популярности в области лингвистических исследований. В первую очередь это связано с трактовкой языка как живого, динамичного, социально обусловленного феномена, который нельзя рассматривать в отрыве от сферы его применения. Одним из универсальных лингвистических законов является *принцип экономии* в языке, известный также как принцип наименьшего усилия, суть которого заключается в следующем: в процессе общения человек использует только тот минимум языковых средств, который необходим для достижения поставленной коммуникативной цели [1, с. 188–189].

Естественным воплощением данного принципа оказывается ряд приемов *языковой компрессии*, в результате чего возникают сжатые языковые единицы, а также происходит уменьшение объема текста как единицы коммуникации [2, с. 7].

Компрессия может осуществляться на всех языковых уровнях [2, с. 11–13]:

1) фонологическом – опущение фонем и слогов в словах с высокой частотностью употребления;

2) морфологическом – редукция морфем и появление кратких вариативных единиц, которые приобретают большую частотность по сравнению с полными формами;

3) лексическом – процессы аббревиации, субстантивации, появление слов-телескопов и гиперонимов;

4) синтаксическом – свернутые грамматические конструкции (инфинитивные и причастные обороты, приложения, придаточные предложения), синтаксический и семантический эллипсис (опущение отдельных элементов предложения, которые могут быть восстановлены из контекста или внеязыковой ситуации).

Экономия может проявляться также на уровне текста, при этом она не складывается из способов компрессии упомянутых языковых уровней, а осуществляется при помощи внутритекстовых связей [2, с. 14] либо за счет использования другой знаковой системы (например, кода условной символики) [3, с. 6]. Кроме того, текстовая компрессия оказывается стилистически обусловленной, т.е. набор ее средств будет отличаться в зависимости от принадлежности текста к тому или иному функциональному стилю [4, с. 7].

Рассмотрим особенности реализации принципа языковой экономии в предложениях с английскими глаголами, образованными безаффиксальным способом от существительных, называющих части тела (далее – *деноминативные глаголы*). Выбор такого материала исследования обусловлен следующими соображениями. Во-первых, безаффиксальный способ словообразования априори обеспечивает языковую компрессию, как парадигматическую (т.е. использование уже существующих в языке лексем), так и синтагматическую (т.е. более компактное выражение той же мысли) [1, с. 190]. Так, глагол *to pencil* ‘рисовать карандашом’, образованный от существительного *pencil* ‘карандаш’, не только избавляет говорящего от необходимости запоминать или изобретать новое слово, но и позволяет использовать одно слово вместо соответствующего словосочетания *to draw with a pencil*. Во-вторых, группа глаголов, образованных от названий частей человеческого тела, демонстрирует значительную степень метафоризации и других типов расширения семантики слова [5, р. 104–107], что способствует многогранности имплицуруемой такими глаголами информации.

Материалом для исследования послужили 32 деноминативных глагола, образованных от наименований частей тела, и 1036 предложений с ними,

отобранных из Британского национального корпуса текстов [BNC] и Корпуса современного американского английского языка [COCA]. Цель исследования – выявление специфики языковой компрессии в предложениях с деноминативными глаголами. В выборку вошли следующие глаголы (большинство из них многозначные): *to ankle, to belly, to breast, to cheek, to chin, to elbow, to eye, to face, to finger, to fist, to foot, to hand, to head, to heel, to jaw, to knee, to knuckle, to leg, to lip, to mouth, to neck, to nose, to palm, to shoulder, to shin, to sole, to stomach, to throat, to thumb, to toe, to tongue, to tooth*. Анализ предложений с данными глаголами позволил выделить различные типы языковой компрессии: *синтаксическую, семантическую, идиоматическую и стилистическую*.

Синтаксическая компрессия наблюдается в том случае, когда деноминативный глагол выступает в качестве замены словосочетания с исходным именем существительным (в основном это касается глаголов со значением физического воздействия и движения/ перемещения):

*One or two people spoke sharply to him as he **elbowed** and trod on feet* ‘Несколько человек нагрубили ему, когда он **толкнул их локтем** и наступил на ноги’¹ [BNC]. В данном предложении глагол *to elbow* позволяет избежать употребления словосочетания *to push with one’s elbows* ‘толкать локтями’.

*Before answering the question, Silas **jawed** the chew of tobacco to his other cheek* ‘Прежде, чем отвечать на вопрос, Сайлас **движением челюсти переместил** порцию жевательного табака за другую щеку’ [COCA]. Здесь глагол *to jaw* замещает словосочетание *to move with one’s jaws* ‘перемещать при помощи челюсти’.

Инкорпорируемые таким образом элементы включают не только глаголы физического воздействия или перемещения, но также те или иные предлоги, в основном инструментального характера (*with, by means of* ‘посредством, при помощи’), либо предлоги, выражающие направление движения (например, *towards* ‘по направлению к’, *under* ‘под’, *up to* ‘к, до’):

*Lonnie let himself go and **breasted** the tape first. He had won!* ‘Лонни поднажал и первым **коснулся [грудью]** финишной ленточки. Он победил!’ [COCA] – глагол *to breast* замещает словосочетание *to touch with one’s breast* ‘коснуться грудью’.

*I was told to stand **facing** the wall* ‘Мне велели стоять, **развернувшись лицом** к стене’ [BNC] – глагол *to face* замещает словосочетание *to turn one’s face towards* ‘повернуться лицом к’.

*I nodded and **tongued** another tranq tab – my third in the last hour* ‘Я кивнул и **положил под язык** еще одну таблетку транквилизатора – третью за час’ [COCA] – глагол *to tongue* замещает словосочетание *to put under one’s tongue* ‘поместить **под язык**’.

¹ Здесь и далее в статье перевод дефиниций и предложений с английского языка на русский наш. – А. Л.

Другим способом синтаксической компрессии является активное участие деноминативных глаголов в образовании каузативных конструкций, отражающих воздействие субъекта на некий объект, в результате чего данный объект осуществляет то или иное действие либо приобретает новый признак:

He kneed his horse forward ‘Он **направил** лошадь вперед, **ударив коленями в бока**’ [СОСА];

Shouldering the door shut, Meh’Lindi set the Squat down somewhat abruptly ‘**Толкнув** дверь **плечом** так, что та закрылась, Ме’Линди резким движением сбросила Сквата на пол’ [BNC];

She thumbed her cell phone to life and checked the time ‘**Проведя большим пальцем** по экрану мобильного, она **активизировала** его и проверила время’ [СОСА].

В приведенных примерах деноминативные глаголы *to knee*, *to shoulder* и *to thumb* выражают как побудительное действие, так и способ осуществления этого действия.

Еще одним способом реализации компрессии при помощи синтаксических средств является использование так называемых конативных альтернатив: непереходных вариантов глаголов, передающих незавершенное направленное воздействие; объект воздействия присоединяется при помощи предлогов *at* или *on* [6, p. 6]:

“I don’t want to get involved with no po-leece,” Hollowes said, jawing on a piece of gum ‘«Я не хочу связываться с поли-и-цией», – сказал Холлоуз, **пожевывая** жевательную резинку’ [СОСА];

She scrubbed handfuls of snow on to her skin, knuckling at her eyelids ‘Она зачерпывала пригоршни снега и наносила на кожу, **сильно растирая** веки **костяшками пальцев**’ [BNC].

“You like me, don’t you?” The mare was indicating that she did, lipping at his anorak sleeve ‘«Я тебе нравлюсь, не так ли?» Кобыла подтвердила это, **мягко прихватывая** губами рукав его куртки’ [BNC].

Тем самым, кроме незавершенности действия, деноминативные глаголы инкорпорируют дополнительные параметры: *to jaw* объясняет причину протяжного произнесения слова *police (po-leece)*; *to knuckle* в значении ‘to rub or press something with the knuckles’ (‘тереть или надавливать на что-либо костяшками пальцев’) [7] подчеркивает силовой характер действия; *to lip* в значении ‘to touch with the lips; kiss or lick’ (‘касаться губами; целовать или облизывать’) [8], напротив, указывает на проявление симпатии и нежности.

Семантическая компрессия возникает в процессе преобразования прямого (т.е. непосредственно связанного с мотивирующим именем) значения и появления переносного значения деноминативного глагола. Самым типичным способом формирования такого значения является метафора, которая представляет собой свернутое сравнение:

Heavy seas shouldered the tin boat sideways ‘Бурные волны **толкали** [словно плечами] легкую лодочку из стороны в сторону’ [СОСА];

*My sneakers were hungry, they **lipped** themselves around my feet, toothless but mean* ‘Мои кроссовки были голодные: беззубые, но злые, они плотно **охватили** [словно губами] мои ноги’ [СОСА].

Метафора также может выступать в сочетании со сравнением, например, *Wide hallways **fingered** like tentacles on an octopus from the nurses’ station to the patient rooms* ‘Просторные коридоры **разбегались в стороны** [как растопыренные пальцы], словно щупальца осьминога, от поста дежурной медсестры к палатам’ [BNC]. В данном предложении присутствуют два сравнения: одно заключено в семантике глагола *to finger* ‘to extend in the shape or manner of a finger’ (‘тянуться, словно палец’) [8], а второе выражено эксплицитно.

Метафорическое значение производного глагола может проистекать из соответствующего значения исходного имени. Так, существительное *head* в переносном значении ‘глава, руководитель’ становится источником глагольного значения ‘возглавлять, руководить’: *Very few families of Asian origin **are headed** by a lone parent* ‘Среди выходцев из Азии большой редкостью являются семьи, **возглавляемые** родителем-одиночкой’ [BNC].

Семантическое развитие деноминативных глаголов осуществляется также по пути генерализации, а именно нейтрализации дифференциальной семы исходного имени: ряд глаголов (*to belly, to breast, to face, to head, to nose*) приобретает значение ‘двигаться/разворачиваться по направлению к кому-либо/ чему-либо’, тем самым пополняя синонимические ряды соответствующих непродуцированных глаголов *to move* и *to turn* и обеспечивая парадигматическую компрессию. Последняя, в свою очередь, усиливается тем, что такие глаголы имеют односложную или двусложную структуру:

*I **was bellied** up to the bar with the crowd of bobby-soxers and crewcuts* ‘Я **отправился напрямиком** в бар вместе с толпой подростков обоего пола’ [BNC].

*Owen’s father’s car **nosed** up to the group* ‘Машина отца Оуэна **подъехала** к группе людей’ [СОСА].

Нейтрализация семы исходного имени наблюдается также при экспликации инструмента в предложении. Например, в предложении *She **palmed** the air with her hands until she felt the bump of the bed’s edge* ‘Она беспомощно **хвatala** воздух руками, пока не ухватила за столбик кровати’ [СОСА] глагол теряет ключевую сему ‘palm’ (‘ладонь’), которая вытесняется гиперонимом ‘hand’ (‘рука’).

Генерализация значения деноминативного глагола может проистекать из фигурального переосмысления типичной функции исходного имени. Это касается таких глаголов, как *to eye* ‘смотреть, пристально разглядывать’, *to elbow* ‘проталкиваться, пробиваться’, *to foot* ‘попирать’, *to mouth* ‘говорить напыщенно; изрекать’, *to nose* ‘выведывать, вынюхивать’, *to stomach* ‘терпеть, выносить, переваривать’, *to thumb* ‘листать, смотреть журнал, книгу’:

*Shuddering a little, he wondered how he’d ever **stomached** life with Anna* ‘С дрожью он подумал, как это он смог **вынести** жизнь с Анной’ [СОСА];

He thumbed through some bills, shaking his head ‘Он пролистал счета, покачивая головой’ [СОСА].

Переосмысление типичной функции исходного имени может осуществляться также по пути конкретизации (специализации): *Was she definitely thumbing a lift?* ‘А она точно **голосовала на дороге?**’ [BNC]. Тем самым все многообразие функций такой части тела, как большой палец руки, сводится к значению ‘to request or obtain a ride in a passing automobile’ (‘голосовать; ехать на попутке’) [8].

Развитие семантики индуцируется также метонимическими процессами. Так, названия частей тела *sole* ‘ступня’ и *heel* ‘пятка’ стали использоваться для обозначения таких частей обуви, как *подошва* (*подметка*) и *каблук* [9], что нашло свое отражение в семантике деноминативных глаголов: *Mr Edward Morris wanted several pairs of boots to be soled and heeled* ‘Мистер Эдвард Моррис хотел **поменять подметки и каблуки** на нескольких парах ботинок’ [BNC].

Идиоматическая компрессия проявляется в способности безаффиксальных глаголов выступать в качестве образующего элемента фразеологических единиц. Самой распространенной схемой образования таких единиц является подмена глагола общей семантики в устойчивом выражении *to make one’s way* ‘proceed in an intended direction’ (‘продвигаться в заданном направлении’) [7], характерная для глаголов *to cheek, to elbow, to foot, to heel, to nose, to shoulder, to thumb, to toe*:

The crazed American, the wild child who footed his way across all those nearly impassable forests and swamps ‘Безбашенный американец, беспечный подросток, который **прошел пешком через** все эти почти не проходимые леса и болота’ [СОСА];

The new pack nosed their way into the existing circle ‘Новая компания [**хитростью**] **пробралась** в круг старожиллов’ [СОСА].

Использование деноминативных глаголов в составе такой конструкции позволяет уточнить способ осуществления действия, не прибегая к помощи наречия. Кроме того, деноминативные глаголы выступают в составе отдельных идиоматических выражений, имплицитно не только не выраженные словами понятия, но и положительную или отрицательную оценку явлений:

He had to hand it to Ditty, she hired the most attractive girls she could find ‘Нужно было **отдать должное** Дитти, она нанимала самых привлекательных девушек, каких могла найти’ [СОСА];

From there, we studied harder, nosed the grindstone until our faces ached ‘с этого момента мы занимались прилежнее, **работали без отдыха**, до боли в лице’ [СОСА];

At the most he dropped hints that if I did my job and toed the line he would look after me ‘Самое большее он намекал, что если я буду хорошо делать свою работу и **подчиняться требованиям**, то он позаботится обо мне’ [BNC];

I think everyone has got to shoulder the responsibility for defeat, not just Graham ‘Я думаю, что всем следует **взять на себя ответственность** за поражение, а не только Грэму’ [BNC].

Стилистическая компрессия достигается путем включения в семантику деноминативного глагола эмоционально-экспрессивных коннотаций либо указания на терминологический характер глагольного ЛСВ, что позволяет реализовать соответствующее прагматическое воздействие на получателя информации. Так, ряд деноминативных глаголов выступает в словаре с пометой *informal* ‘разговорное’. Во-первых, это глаголы вербальной коммуникации *to cheek* ‘нахальничать, говорить дерзости’, *to chin* ‘трепаться, болтать’, *to jaw* ‘трепаться, болтать’, *to mouth off* ‘громко жаловаться, говорить самоуверенно’, которые кроме способа и характера общения отражают пренебрежительное или критическое отношение говорящего к описываемой им ситуации:

*Frankie always got away with **cheeking** his elders but I never did* ‘Фрэнк дерзил старшим, но это всегда сходило ему с рук, а вот мне – нет’ [BNC];

*Inside, several black women shopped and **jawed** with the demonstrators* ‘Внутри несколько темнокожих женщин делали покупки и **болтали** с демонстрантами’ [COCA].

Во-вторых, сюда относятся глаголы передвижения *to ankle* ‘уходить’, *to belly up* ‘направляться’, *to foot (it)* ‘идти пешком; пробежать’, *to leg (it)* ‘делать ноги, удирать’, которые имплицитно эмоциональную (в основном, отрицательную) оценку и указывают на неформальный характер общения автора высказывания с его адресатом:

*They overran Times Square, 30,000 of them, **ankling along, giggling, smashing against shop windows*** ‘Они наводнили Таймс-Сквер, их было около 30 000, они **слонялись** туда-сюда, хихикали, пытались разбить витрины’ [COCA];

*“Well, nice to talk,” says Holly, **legging it** lithely away despite blisters* ‘«Было приятно поболтать», – говорит Холли, ловко **делая ноги**, несмотря на мозоли’ [BNC].

Напротив, специальная лексика и термины, с одной стороны, выступают как маркеры стиля (публицистического, научного или научно-популярного), с другой – компрессируют большое количество информации, понятной лишь специалистам соответствующего профиля. Так, основная масса терминов, образованных от наименований частей тела, относится к спортивной тематике (в частности, к таким видам спорта, как бейсбол, футбол, гольф, гребля, рыболовство):

*Ogle nearly won the final hole when he **chipped a long eagle attempt and lipped the cup*** ‘Огл мог стать победителем на последней лунке, когда попытался ударить по мячу так, чтобы он описал дугу, и в результате мяч **коснулся края лунки, но не попал в нее**’ [COCA] – глагол *to lip* выступает в терминологическом значении ‘golf: hit the rim of a hole but fail to go in’ (‘в гольфе: коснуться края лунки, но не скатиться в нее’) [7];

*The Reds' Wilson Valdez **fisted** a single over the head of second baseman Ryan Jackson* 'Игрок команды «The Reds» Уилсон Вальдес **выбил** сингл через голову второго бейсмена Райана Джексона [СОСА] – глагол *to fist* используется как бейсбольный термин в значении 'забивать мяч'.

Ряд терминов относится к теории музыки, например, *to tongue* 'sound a note distinctly on a wind instrument by interrupting the air flow with the tongue' ('играть ноту на духовом инструменте отдельно, прерывая поток воздуха языком') [7] и *to finger* 'play with a particular sequence of positions of the fingers' ('играть с определенной расстановкой пальцев') [7]:

*When the song is performed in this manner, each note should be slurred rather than **tongued*** 'Когда песня исполняется в этом стиле, все ноты должны **играться** слитно, **без артикуляции языком**' [СОСА];

***Fingering** is of the essence, of course, when you study the violin* '**Расстановка пальцев** имеет большое значение, когда вы учитесь играть на скрипке' [BNC].

Полисемантический глагол *to thumb* приобретает терминологические значения в сфере мобильных и компьютерных коммуникаций, имплицитно включая технические детали процессов их использования:

*She whipped out her phone and **thumbed** the screen in that way only people born after 1990 can manage* 'Она извлекла телефон и **начала набирать текст** на экране так, как умеют только те, кто родился после 1990 года' [СОСА];

*I **thumbed** the mouse and opened the e-mail client* 'Я **нажал [боковую] клавишу** мышки и запустил почтовую программу' [СОСА].

Таким образом, деноминативные глаголы, производные от наименований частей человеческого тела, демонстрируют одновременно как парадигматическую (экономия усилий, затраченных на запоминание новых слов), так и синтагматическую компрессию (способность выразить ту же мысль при помощи меньшего количества языковых единиц). Имплицитная информация включает элементы различного рода: синтаксические (предлоги, глаголы движения, воздействия и каузации), семантические (поэтическое сравнение, гиперонимы, метафорические и метонимические связи), идиоматические (дополнительные, эмоционально окрашенные значения, не выводимые из семантики составляющих идиому слов) и стилистические (маркеры стиля, задающие определенную прагматическую функцию). Следовательно, деноминативные глаголы обладают мощным компрессионным потенциалом, который может реализовываться в текстах любого формата и стиля.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Мартине, А.* Основы общей лингвистики / А. Мартине ; пер. с фр. яз. В. В. Шеворошкина ; под ред. В. А. Звегинцева. – М. : Едиториал УРСС, 2004. – 224 с.
2. *Коровкин, М. М.* Внутритекстовые связи как средство компрессии текста : автореф. дис. ... канд. филол. наук : 10.02.19 / М. М. Коровкин ; Моск. гос. лингв. ун-т. – М., 1991. – 25 с.

3. *Куряков, В. Н.* Компрессия как особенность американского военного текста: На материале боевых приказов армии США : автореф. дис. ... канд. филол. наук : 10.02.04 / В. Н. Куряков ; Моск. обл. пед. ин-т. – М., 1991. – 17 с.
4. *Дмитриева, И. В.* Виды синтаксической имплицитной информации в различных функциональных стилях английского языка : автореф. дис. ... канд. филол. наук : 10.02.04 / И. В. Дмитриева ; Мин. гос. пед. ин-т иностр. яз. – Минск, 1990. – 23 с.
5. *Twardzisz, P.* Zero derivation in English: a cognitive grammar approach / P. Twardzisz. – Lublin : Wydawnictwo UMCS, 1997. – 208 p.
6. *Levin, B.* English verb classes and alternations. A preliminary investigation / B. Levin. – Chicago : Univ. of Chicago Press, 1993. – 348 p.
7. English Oxford Living Dictionaries [Electronic resource]. – Oxford University Press, 2018. – Mode of access : <https://en.oxforddictionaries.com>. – Date of access : 12.01.2018.
8. Merriam-Webster Online Dictionary and Thesaurus [Electronic resource]. – Merriam-Webster, Incorporated, 2017. – Mode of access : <https://www.merriam-webster.com>. – Date of access : 12.01.2018.
9. *Harper, D.* Online Etymology Dictionary [Electronic resource] / D. Harper. – Mode of access : <http://www.etymonline.com>. – Date of access : 12.01.2018.

ИСТОЧНИКИ ПРИМЕРОВ

- BNC – British National Corpus [Electronic resource]. – Mode of access : <https://corpus.byu.edu/bnc/>. – Date of access : 12.01.2018.
- COCA – Corpus of Contemporary American English [Electronic resource]. – Mode of access : <https://corpus.byu.edu/coca/>. – Date of access : 12.01.2018.

The article studies the specificity of language economy in the sentences with English verbs, zero-derived from body-part nouns. It is stated that such denominal verbs account for both paradigmatic and syntagmatic compression by incorporating syntactic, semantic, idiomatic, and stylistic meanings.

Принята в редакцию 12.03.18

ИССЛЕДОВАНИЯ СЛАВЯНСКИХ ЯЗЫКОВ

Т. Ю. Васильева

ЧЕЛОВЕК В ОТРАЖЕНИИ ОТАНТРОПОНИМНЫХ ОЙКОНИМОВ
БЕЛОРУССКОГО ПООЗЕРЬЯ

В статье выявляются и описываются отантропонимные ойконимы Белорусского Поозерья, соотносящиеся с апеллятивами, называющими внутренние качества и внешние признаки человека. Определяются и характеризуются мотивирующие основы, используемые в процессе образования подобных наименований. По семантическим параметрам названия подразделяются на две группы, внутри которых, в свою очередь, выделяются подгруппы. На основе количественных параметров устанавливаются наиболее популярные названия каждой группы.

Ойконимия любого региона представляет собой весьма интересное явление, поскольку названия поселений формируются длительное время под воздействием целого ряда факторов, главными из которых являются географическая среда, социально-экономические условия, морально-этические и религиозные представления.

Белорусское Поозерье как природный регион, выделяемый в результате физико-географического и ландшафтного районирования территории Беларуси, охватывает северную часть республики и ограничивается с юга линией, примерно проходящей по населенным пунктам Островец – Сморгонь – Вилейка – Докшицы – Псуя – Лепель – Новолукомль – Толочин – Осинторф. В административном отношении Белорусское Поозерье занимает почти всю Витебскую область, северо-западную часть Минской и северо-восточную Гродненской областей. В лингвистических исследованиях территория данного региона ограничивается пределами Витебской области.

Важнейшие этапы жизни белорусского народа и языковые особенности Белорусского Поозерья отразились в системе названий населенных пунктов региона. Так, поскольку он входил в состав Польши и Российской империи, в его пределах фиксируется значительное количество искаженных топонимов, несущих на себе следы полонизации и русификации. Вместе с тем Белорусское Поозерье представляет интерес в лингвистическом плане, поскольку данный регион «имеет богатую историю письменности, отражает дославянские явления в ономастике, дает возможность изучить на диалектном уровне особенности не только белорусского языка, но и островных русских и польских говоров» [1, с. 3].

Наиболее распространенными в ойконимной системе любого региона являются отантропонимные наименования, т. е. названия, сформированные на базе имен, прозвищ и фамилий первопоселенцев или владельцев населенного пункта. На факт преобладания ойконимов данного типа указывают многие исследователи ономастического материала (А. М. Селищев, А. К. Матвеев,

В. А. Никонов, И. И. Муллонен, Е. Н. Варникова, Л. Н. Монзикова). Отантропонимные ойконимы Белорусского Поозерья, будучи многочисленным и разноплановым с лексической точки зрения образованием, насчитывают 3 049 единиц (60,8 % от всех топонимов региона) и подразделяются на три группы: 1) ойконимы, сформированные на базе древних славянских имен; 2) ойконимы, сформированные на базе православных и католических имен; 3) названия-посвящения. Самыми многочисленными являются наименования, образованные на базе древних славянских имен (2 272 единицы, или 45,3 % от общего числа названий региона), которые в свою очередь могут быть разделены на две подгруппы: 1) наименования от одноосновных имен; 2) наименования от двухосновных имен. Наиболее популярны топонимы, мотивированные одноосновными древними славянскими именами, которые восходят к апеллятивной лексике (2 238 названий, или 44,6 % от общего количества ойконимов).

Исследователь современного фамильного антропонимикона Витебщины Г. К. Семенькова подразделяет антропонимы, мотивированные древними славянскими отапеллятивными именами и прозвищами, на две группы: 1) фамилии, образованные от *nomina personalia* (имен и прозвищ, характеризующих человека по какому-либо признаку или виду деятельности); 2) фамилии, образованные от *nomina impersonalia* (имен, восходящих к апеллятивам, называющим предметы, явления, вещества, понятия). В составе первой группы исследователь фиксирует 6 лексико-семантических разрядов антропонимов: 1) характеризующие человека в физическом и психическом планах; 2) указывающие на занятия, профессию, социальный статус; 3) называющие человека по этнической и национальной принадлежности; 4) отражающие семейное положение; 5) характеризующие обстоятельства появления ребенка в семье и отношение к нему родителей; 6) описывающие особенности появления человека в населенном пункте [2].

Наиболее богатую и разнообразную информацию о человеке, специфике восприятия и оценки его внутренних качеств и внешнего облика дают онимы, мотивированные антропонимами, характеризующими человека в психическом и физическом планах, исследование которых является целью нашей работы.

Подобные наименования представляют собой весьма интересный в лингвистическом плане пласт, поскольку часть ойконимов соотносится с апеллятивами, которые в современном белорусском и русском языках не употребляются. В данном аспекте ойконимия выступает как своеобразный хранитель лексем, которые утратил язык, и, таким образом, дает чрезвычайно важный материал для лексикологических и этимологических исследований.

Положив в основу анализа классификацию имен-прозвищ, предложенную Г. К. Семеньковой, выявленные нами ойконимы мы разделили на две группы: 1) ойконимы, соотносящиеся с апеллятивами, называющими внутренние качества человека; 2) ойконимы, соотносящиеся с апеллятивами, называющими внешние признаки человека. Следует отметить, что в ойконимной системе региона наблюдается паритетное соотношение онимов первой

и второй групп, в отличие от фамильного антропонимикона Витебщины, где, по данным Г. К. Семеньковой, лидируют онимы второй группы (пропорция составляет 3:1).

В основах ойконимов первой группы фиксируются апеллятивы, указывающие на 1) особенности характера и поведения и 2) умственные способности. Лидерство принадлежит топонимам первой подгруппы, которые насчитывают 157 единиц, или 51 % от общего количества проанализированных ойконимных единиц: *Болбасово* – белорус. рег. *болбас* ‘болтун’ [3, с. 57]; *Буяново, Буяны* – белорус. *буян* ‘буян, дебошир’ [3, с. 74]; *Ворохобки, Ворохобы* – рус. *ворохоба* ‘нерассудительный, легкомысленный человек’ [3, с. 82]; *Гейбовичи* – лит. *gėiba, gėiba* ‘слабый, неловкий, неумелый’ [3, с. 107]; *Завидичи* – рус. *завида* ‘завистливый человек’ [3, с. 153]; *Клипы* – рус. рег. *клипа* ‘надоедливый, назойливый человек’ [4, с. 299]; *Копасы* – ср.: рус. *копоский* ‘разборчивый, придирчивый’ [3, с. 213]; *Мерзляки, Мерзляково* – рус. рег. *мерзляк* ‘зябкий человек, зяблик, ознобуша’ [5, с. 320]; *Моторино* – рус. *мотора* ‘расточитель’ [3, с. 279]; *Ползуново* – рус. рег. *ползун* ‘подлый, низкий, искательный человек’ [6, с. 260]; *Прокуды* – белорус. *пракуда* ‘бедокур, баловень’ [3, с. 331]; *Райково* – белорус. рег. *райко, райка* ‘советчик, тот, кто дает советы’ [3, с. 347]; *Семенилово* – рус. рег. *семенила* ‘тот, кто семенит’, ср.: рус. *семенить* ‘суетиться без толку, лебезить, егозить’ [7, с. 173]; *Чурилово* (4) – белорус. рег. *чурыла* ‘неопрятный человек, пугало’, ‘нелюдим, нелюдимый человек, бука’ [3, с. 453]; *Шабуня* – белорус. рег. *шабуня* ‘шутник’, ср.: рус. *шабунять* ‘подсмеиваться, смеяться над кем-либо’ [3, с. 459]; *Шалыги* – белорус. рег. *шалыга* ‘обманщик, плут, лгун’ [3, с. 464] и др. Примечательно, что лексем, дающие отрицательную характеристику человеку, встречаются в основах ойконимов в 10 раз чаще, чем те, которые характеризуют человека положительно. Преобладание апеллятивов, называющих отрицательные черты характера, отмечается также в фамильном антропонимиконе Витебщины, однако здесь пропорция составляет лишь 2:1 [2, с. 115]. Современный ойконимикон Белорусского Поозерья содержит 141 название, которые соотносятся с апеллятивами, дающими негативную оценку человеку: *Балабаницина* – белорус. рег. *балабан, балабон* ‘пустомеля, болтун’, рус. рег. *балабан* ‘болван, дурак’, ‘грубый человек’, ‘баловник’, ‘неприветливый или застенчивый парень высокого роста’ [3, с. 36]; *Буки* (2), *Буково* (2), *Буковщина* – рус. рег. *бука* ‘пугало’, ‘нелюдим, суровый, угрюмый человек’ [3, с. 65]; *Крикуны; Лапуты* – белорус. рег. *лапута* ‘неповоротливый, неуклюжий’, ‘ободранный’ [3, с. 246]; *Пискуново, Пискуны* – белорус. рег. *пискун* ‘тот, кто досажает своей писклявой просьбой’ [8, с. 285]; *Привальни* – рус. рег. *привалень* ‘привалень, увалень, дармоед, лентяй’ [6, с. 401]; *Шкели* – белорус. рег. *шкель* ‘насмешник, зубоскал’ [3, с. 474]; *Шумилино* – белорус. рег. *шуміла* ‘тот, кто шумит, любит ругаться, крикун’ [3, с. 483] и др. В основах 14 топонимов содержится положительная характеристика: *Бывалино* – ср.: рус. рег. *бывалый* ‘человек

опытный, искусившийся, тертый, кому не в диковинку то, о чем идет речь, находчивый' [9, с. 148]; *Добрино* (4); *Придумки* – ср.: рус. *придумчивый человек, придумщик, -щица* 'изобретательный, находчивый' [6, с. 411]; *Рубашино* – белорус. рег. *рубаша* 'большой труженик', ср.: *рубашливый* 'очень трудолюбивый' [8, с. 319]; *Хондоги* – ст.-белорус. и рег. *хандога* 'тот, кто любит чистоту, опрятный человек' [3, с. 427]; *Хороброво* и др. В пределах региона отмечено два названия, содержащих нейтральную характеристику: *Бобоедово* – белорус., рус. 'тот, кто ест боб' [3, с. 28]; *Гуторы* – белорус. *гутар* 'тот, кто любит поговорить' [8, с. 140].

Факт преобладания в основах онимов апеллятивов, называющих отрицательные черты характера, исследователями ономастического материала связывается с особой экспрессивностью подобных наименований. Кроме того, отмечается, что подобные прозвища, впоследствии перешедшие в разряд фамилий, изначально давались с целью обмана злых сил, которые могли навредить человеку. На существование такой традиции не только на территории Витебской области, но и в белорусской антропонимии вообще указывают А. М. Мезенко и Т. В. Скребнева [10].

Лексемы, характеризующие умственные способности человека, фиксируются в 3 ойконимах региона (1 % от общего количества проанализированных единиц): *Бандури* – рус. рег. *бандура* 'дурень, глупец, олух' [11, с. 93]; *Теляки* – белорус. рег. *цяляк* 'дурак, неуклюжий' [3, с. 443]; *Тупичино*.

Анализ признаков, легших в основу наименований, позволяет выявить ценностные ориентиры создателей онимов. Так, исследование топонимов, содержащих положительную характеристику человека, выявляет следующие приоритеты: находчивость (5 единиц), щедрость (2), храбрость (2), приветливость (2), трудолюбие (1), чистоплотность (1), доброта (1).

Соответственно, отрицательно оцениваются и осуждаются такие качества, как болтливость (18 единиц), неопрятность (12), назойливость (10), лень (7), легкомысленность (5) и др.

Ойконимы, соотносящиеся с апеллятивами, называющими внешние признаки человека, подразделяются на 7 подгрупп. В основах таких наименований фиксируются лексемы, указывающие на следующие признаки.

1. Цвет волос, кожи (44 ойконима, или 14 % от общего количества проанализированных ономастических единиц): *Белоусы, Беляны* (4), *Белянково, Беляки, Беляи, Рудаки* (3), *Рудаково* (2), *Руди, Рудые, Рыженьки, Русаны, Черныши, Чернооки, Черничёнки* и др.

Самыми продуктивными на Витебщине являются апеллятивы с основой *бел-*, указывающие на светлый цвет волос и кожи человека, зафиксированные в 19 ойконимах. К таким названиям относим также топонимы *Желтовщина* (от рус. рег. *желтый* 'русый, светлорусый' [12, с. 116]) и *Русаны* (от белорус. *русан* 'русый, светловолосый' [3, с. 355]). На втором месте по популярности – лексемы с основой *руд-* (*рыж-*), называющие человека с рыжими волосами, которые отмечаются в основах 13 названий населенных пунктов. Практически такой же активностью характеризуется основа *черн-*,

встречающаяся в 10 ойконимах. Похожая картина наблюдается в современном фамильном антропонимиконе Витебщины, однако если здесь на первом месте, как и в ойконимиконе, находится основа *бел-*, то второе занимает основа *черн-*, в то время как основа *руд-* располагается лишь на третьем месте.

2. Рост, телосложение (28 единиц, или 9 %): *Карандаши* – рус. рег. *карандаш* ‘коротыш, коротышка, недоросток, малорослый человек’ [5, с. 90]; *Короткевичи*; *Малютино* – белорус. рег. *малюта* ‘ребенок, маленький ребенок’, укр. ‘малыш, маленький, низкорослый человек’ [3, с. 272]; *Пыжи* – белорус. рег. *пыж* ‘низкорослый человек, карапуз’ [3, с. 340]; *Росляки*, *Рослые*; *Тыльцы* – польск. *tyły* ‘полный, толстый’ [3, с. 419]; *Толстюки*, *Толстики*; *Хиловщина* и др.

3. Физические недостатки (25 наименований, или 8 %): *Горбачево* (2), *Горбачёнки*, *Горбачи*; *Горбули* – белорус. рег. *гарбуль* ‘горбатый’ [3, с. 103]; *Кривелёво* – белорус. рег. *кrywель* ‘кривой’ [3, с. 222]; *Кособуки* – ср.: белорус. рег. *касабуцкі* ‘косоглазый’ [3, с. 190]; *Сухоруково*; *Тригубцы* – ср.: рус. *тригуб* ‘человек с раздвоенной губой, которая создает впечатление трех губ’ [8, с. 372]; *Хромые* и др.

4. Особенности частей тела (23 ойконима, или 8 %): *Волосачи*; *Грибали* – белорус. рег. *грыбель* ‘губатый, губач’ [3, с. 118]; *Грибачи*; *Лобаны* (2) – рус. рег. *лобан* ‘человек или животное с большим лбом’ [3, с. 239]; *Носачи*; *Ушанишки* – рус. рег. *ушан* ‘человек или животное с большими ушами’ [3, с. 422]; *Чубатые* и др.

5. Особенности речи (13 единиц, или 4 %): *Гамзелёво* – белорус. рег. *гамзель* ‘тот, кто говорит в нос, гнусавит’ [8, с. 114]; *Картавые*; *Сакуны* – белорус. рег. *сакун* ‘тот, кто произносит [с] вместо других звуков или твердое [с] вместо мягкого’ [3, с. 361]; *Шепелево* – белорус. рег. *шапель* ‘шепелявый человек’ [3, с. 466] и др.

6. Особенности движения (11 топонимов, или 4 %): *Скрабатуны* – белорус. рег. *скрабатун* ‘тот, кто шаркает ногами при ходьбе’ [3, с. 379]; *Шавляны* – рус. рег. *шавля* ‘тот, кто шаркает ногами при ходьбе’ [8, с. 114]; *Шаркели* – белорус. рег. *шаркель* ‘тот, кто ходит шаркая ногами’ [3, с. 468] и др.

7. Возраст (3 ойконима, или 1 %): *Можулево* – ср.: лит. *mažulis* ‘младший, малыш’ [3, с. 266]; *Юньки*, *Юнцы*.

Доступность для непосредственного наблюдения внешних признаков стала базой для формирования таких ойконимов. Так, чем ярче была внешняя примета человека (цвет волос, кожи, рост, телосложение, физические недостатки, особенности частей тела), тем продуктивнее образовывались наименования на ее основе. С этой точки зрения малочисленность наименований, характеризующих особенности речи, движения, возраст человека, обуславливается затрудненностью наблюдения, требующего иногда длительного времени для выявления подобных признаков.

Таким образом, ойконимы Белорусского Поозерья, характеризующие человека в психическом и физическом планах, представляют собой немногочисленную, но весьма интересную как в культурологическом, так

и в лингвистическом аспектах группу. Подобные топонимы содержат информацию о ценностных приоритетах, о специфике восприятия внутренних качеств и внешних признаков человека, при этом в основах подобных названий чаще фиксируются лексемы, имеющие негативную эмоциональную окраску. Кроме того, многие названия соотносятся с апеллятивами, которые в современных русском и белорусском языках не употребляются, что свидетельствует о большой лингвистической ценности данного языкового материала.

ЛИТЕРАТУРА

1. Белорусское Поозерье: язык и духовная культура / А. М. Мезенко [и др.] ; под ред. А. М. Мезенко, А. В. Русецкого. – Минск : Беларус. наука, 2001. – 214 с.
2. Мезенка, Г. М. Віцебшчына ва ўласных імёнах: мінулае і сучаснасць / Г. М. Мезенка, В. М. Ляшкевіч, Г. К. Семянькова. – Віцебск: Выд-ва УА «ВДУ імя П.М. Машэрава», 2006. – 238 с.
3. Бірыла, М. В. Беларуская антрапанімія. 2: Прозвішчы, утвораныя ад апелятыўнай лексікі / М. В. Бірыла. – Мінск : Навука і тэхніка, 1969. – 508 с.
4. Словарь русских народных говоров / сост. Н. И. Андреева-Васина [и др.] ; под. ред. Ф.П. Филина. – Л. : Наука, 1977. – Вып. 13 : Калун – Кобза. – 359 с.
5. Даль, В. И. Толковый словарь живого великорусского языка : в 4 т. / В. И. Даль. – М. : Рус. яз., 1989–1991. – Т. 2 : И – О. – 1989. – 779 с.
6. Даль, В. И. Толковый словарь живого великорусского языка : в 4 т. / В. И. Даль. – М. : Рус. яз., 1989–1991. – Т. 3 : П. – 1990. – 555 с.
7. Даль, В. И. Толковый словарь живого великорусского языка : в 4 т. / В. И. Даль. – М. : Рус. яз., 1989–1991. – Т. 4 : Р – v. – 1991. – 683 с.
8. Лемцюгова, В. П. Тапонімы распаўядаюць: навукова-папулярныя эцюды / В. П. Лемцюгова. – Мінск : Літаратура і мастацтва, 2008. – 415 с.
9. Даль, В. И. Толковый словарь живого великорусского языка : в 4 т. / В. И. Даль. – М. : Рус. яз., 1989–1991. – Т. 1 : А – З. – 1989. – 699 с.
10. Мезенко, А. М. Антропонимное пространство Витебщины / А. М. Мезенко, Т. В. Скребнева. – Витебск : ВГУ им. П. М. Машерова, 2013. – 148 с.
11. Словарь русских народных говоров / сост. И. А. Попов [и др.] ; под. ред. Ф. П. Филина. – Л. : Наука, 1966. – Вып. 2 : Ба – Блазниться. – 316 с.
12. Словарь русских народных говоров / сост. Н. И. Андреева-Васина [и др.] ; под. ред. Ф. П. Филина. – Л. : Наука, 1972. – Вып. 9 : Ерепеня – Заглазеться. – 364 с.

The article is devoted to the research of the anthroponymous oikonoms of the Belarussian Poozerye, motivated by the names of internal qualities and external characteristics of a person. The main motivating bases used in the ways of formation of these names are brought out. Based on quantitative parameters the most popular names of groups are defined.

Поступила в редакцию 16.02.18

ПРОБЛЕМЫ ПРИКЛАДНОЙ ЛИНГВИСТИКИ

Т. В. Бусел

МАШИННЫЙ ПЕРЕВОД: ПРОБЛЕМЫ И ПЕРСПЕКТИВЫ

Актуальность изучения и решения проблем, связанных с машинным переводом, и важность его практического применения в преодолении языкового барьера обусловлена значительным увеличением объема переводимых документов, нехваткой профессиональных переводчиков для многочисленных специализированных областей и отдельных языковых пар. В статье раскрывается суть работы современных систем машинного перевода. Рассматриваются три принципиально разных подхода к построению алгоритмов машинного перевода (основанный на правилах, статистический и гибридный), раскрываются их основные характеристики, преимущества и недостатки.

С середины XIX века, когда американским ученым У. Уивером была впервые сформулирована концепция машинного перевода (МП), ведущие научные центры и университеты мира занимаются созданием интеллектуальных компьютерных систем, позволяющих осуществлять «сложные преобразования на всех языковых уровнях двух и более языков для передачи смысловой информации текста одного языка и создания эквивалентного ему по форме и содержанию текста на другом, выходном языке» [1, с. 269].

Проблема МП довольно сложна и не теряет своей актуальности и в XXI веке по целому ряду причин [2; 3; 4]. Спрос на переводы в мире постоянно увеличивается по мере того, как все больше стран приобщается к мировой цивилизации. Перевод с одного языка на другой – единственный эффективный способ обеспечения межъязыковой коммуникации, объем которой возрастает с каждым годом. Другие способы преодоления языковых барьеров на пути коммуникации – разработка или принятие единого языка, а также изучение иностранных языков – не могут сравниться с переводом по эффективности. С этой точки зрения можно утверждать, что «альтернативы переводу нет, так что разработка качественных и высокопроизводительных систем МП способствует разрешению важнейших социально-коммуникативных задач» [1, с. 245].

Высока также и научная привлекательность проблемы МП, что обусловлено комплексностью и сложностью компьютерного моделирования данного процесса. Как вид языковой деятельности перевод затрагивает все уровни языка – от распознавания графем (и фонем при переводе устной речи) до передачи смысла высказывания и текста. Кроме того, для перевода характерна обратная связь и возможность сразу проверить теоретическую гипотезу об устройстве тех или иных языковых уровней и эффективности предлагаемых алгоритмов. Эта специфическая черта перевода вообще и МП в частности привлекает внимание теоретиков, в результате чего продолжают возникать все новые теории автоматизации перевода и формализации языковых данных и процессов [4].

При моделировании в автоматизированной системе *перевод* рассматривается как «многоуровневый процесс, где каждая процедура переводит компонент специального уровня» [5, с. 151]. Из этого следует, что «исходные конструкции переводимого текста на каждом уровне анализа должны распознаваться, описываться и преобразовываться в выходные конструкции перевода, которые могут быть изменены на следующем уровне в соответствии с их структурными особенностями» [5, с. 152]. Таким образом, процесс перевода моделируется в системе МП как композиция лексических и семантико-синтаксических процессов.

В зависимости от особенностей морфологии, синтаксиса и семантики конкретной языковой пары, а также направления перевода *общий алгоритм* перевода в системе МП, как правило, включает следующие этапы [4; 6].

На *первом этапе* осуществляется ввод текста и поиск входных словоформ (слов в конкретной грамматической форме, например, родительного падежа единственного числа) во входном словаре (словаре языка, с которого производится перевод) с сопутствующим морфологическим анализом, в ходе которого устанавливается принадлежность данной словоформы к определенной лексеме (слову как единице словаря). В процессе анализа из формы слова могут быть получены также сведения, относящиеся к другим уровням организации языковой системы.

Второй этап включает:

- перевод идиоматических словосочетаний, фразеологических единств или штампов данной предметной области (например, при англо-русском переводе обороты типа *in case of, in accordance with* получают единый цифровой эквивалент и исключаются из дальнейшего грамматического анализа);
- определение основных грамматических (морфологических, синтаксических, семантических и лексических) характеристик элементов входного текста (например, числа существительных, времени глагола, синтаксических функций словоформ в данном тексте и пр.), производимое в рамках входного языка;
- разрешение омографии (конверсионной омонимии словоформ, например, англ. *round* может быть существительным, прилагательным, наречием, глаголом или же предлогом);
- лексический анализ и перевод лексем.

Обычно на этом этапе однозначные слова отделяются от многозначных (имеющих более одного переводного эквивалента в выходном языке), после чего однозначные слова переводятся по спискам эквивалентов, а для перевода многозначных слов используются так называемые контекстологические словари, словарные статьи которых представляют собой алгоритмы запроса к контексту на наличие / отсутствие контекстных определителей значения.

На *третьем этапе* происходит окончательный грамматический анализ, в ходе которого определяется необходимая грамматическая информация с учетом данных выходного языка (например, при русских существительных *деньги, фрукты, чернила* глагол должен стоять в форме множественного числа, в то время как в оригинале может быть и единственное число).

На *четвертом этапе* осуществляется синтез выходных словоформ и предложения в целом на выходном языке.

Для реализации данного алгоритма перевода в современных системах МП, как правило, используются три типа моделей [3; 4; 6; 7]:

- 1) статистические модели (*Statistical Machine Translation*, или *SMT*);
- 2) модели на основе правил (*Rule-Based Machine Translation*, или *RBMT*);
- 3) гибридные модели (*Hybrid Machine Translation*, или *HMT*).

Для *систем первого типа* (рис. 1) характерно использование статистической модели перевода на основе параллельного корпуса обоих языков (содержащей вероятности соответствия слов исходного языка словам языка перевода), а также статистической модели языка на основе корпуса языка перевода (содержащей вероятности следования слов определенному количеству предшествующих слов в данном языке). Данная модель предоставляет возможности улучшить перевод, используя наиболее частотные словоупотребления на различных языках. Применение методов статистического перевода позволило успешно решить проблемы снятия смысловой многозначности, разрешения проблемы анафор (например, интерпретация местоимений), сегментации дискурса и др.

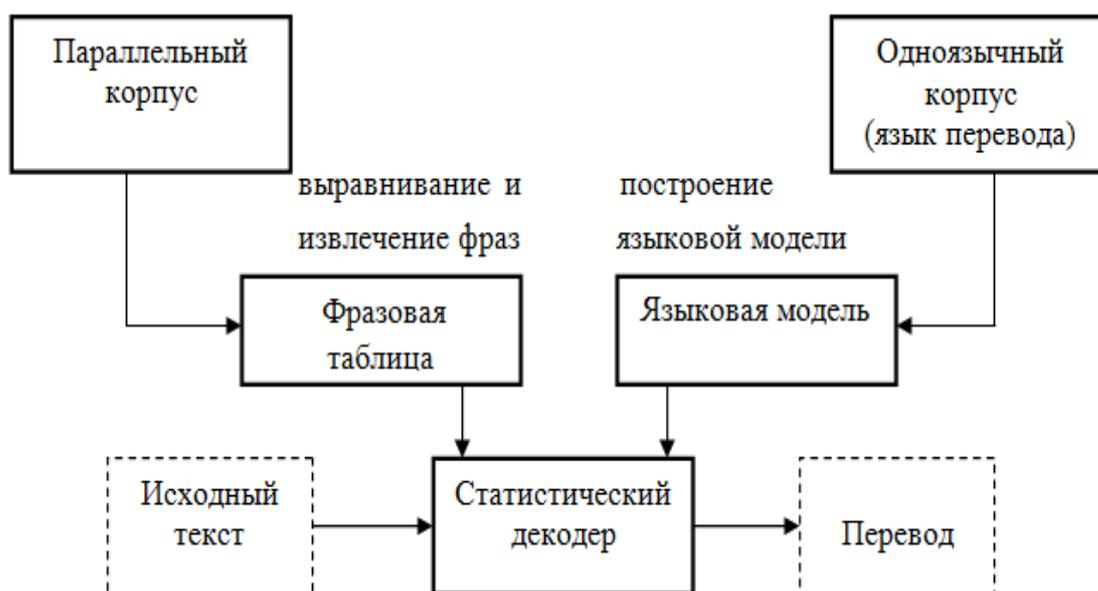

Рис. 1. Схема процесса перевода текста статистической системой

Системы на основе правил (рис. 2) производят анализ текста, который используется в процессе перевода. Перевод производится согласно встроенным словарям для данной языковой пары, а также грамматикам, охватывающим семантические, морфологические, синтаксические закономерности обоих языков. В соответствии со всеми этими данными исходный текст последовательно, предложение за предложением, преобразуется в текст на требуемом языке. Основным принцип работы таких систем – связь структур исходного и конечного текстов.

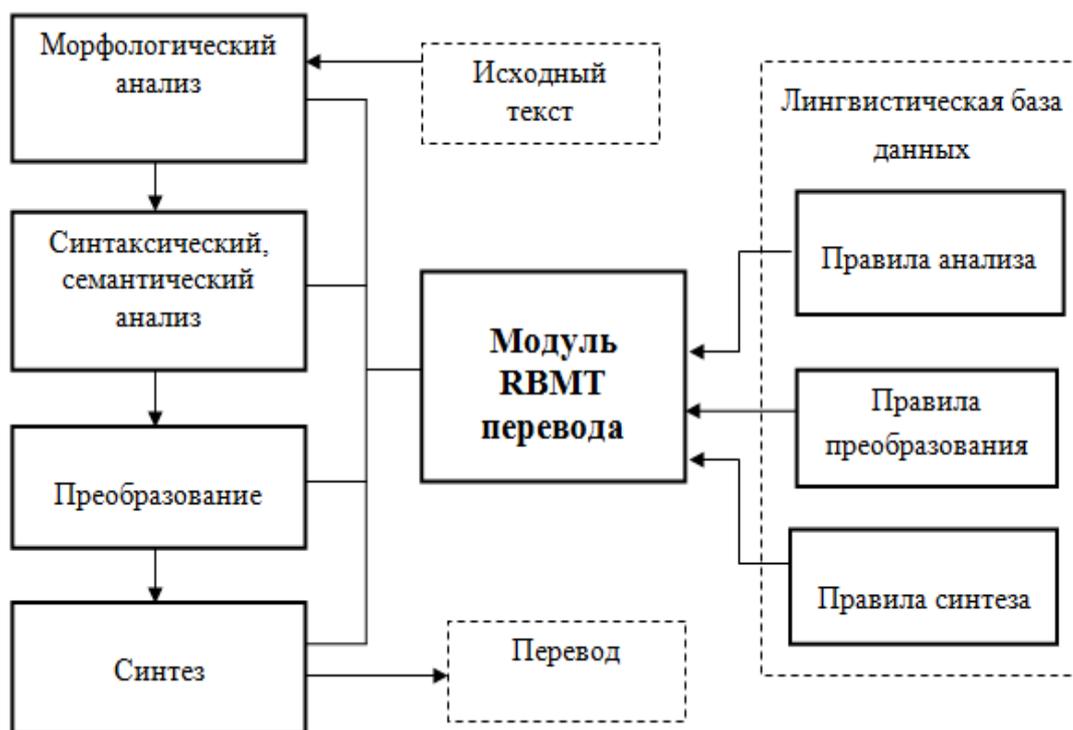

Рис. 2. Схема процесса перевода текста системой на основе правил

Среди систем МП, основанных на использовании правил, наиболее эффективными являются *трансфертные системы* [7], работающие по следующим принципам: проводится «морфологический, лексический и семантико-синтаксический анализ предложения на языке оригинала, создается синтактико-семантическое дерево разбора входного предложения, затем производится так называемый “трансфер”, т.е. преобразование структуры входного предложения в соответствии с формальными требованиями языка перевода» [7, с. 9]. На заключительном этапе синтеза формируется конечное предложение на языке перевода.

Основными преимуществами трансфертных систем являются относительная гибкость лингвистического обеспечения, возможность добавления в систему новых правил без нарушения структуры всей системы; более высокое качество перевода, достигающееся за счет применения более разви-

тых формальных грамматик; более четкое регламентирование операций, выполняемых на каждом этапе перевода; ориентация на прагматическое описание естественных языков и, как следствие, относительно приемлемое качество перевода.

Гибридные системы машинного перевода (рис. 3) объединяют технологии машинного перевода на основе правил и на основе статистических моделей, выполняют лингвистический анализ входного предложения, порождение вариантов перевода, применение статистических технологий, оценку и выбор лучшего варианта перевода с использованием модели языка.

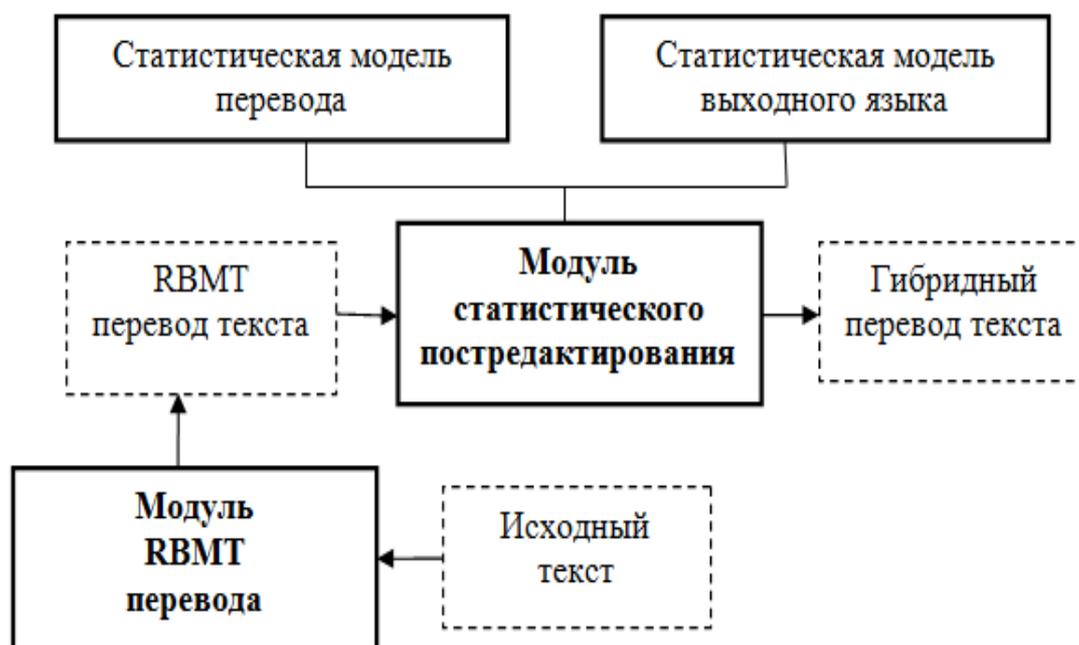

Рис. 3. Схема процесса перевода текста гибридной системой

Мы решили протестировать англо-русское направление перевода как наиболее популярное среди русскоязычных пользователей. В качестве примеров были взяты материалы американского издания “The Washington Post” и британского издания “The Guardian”.

Рассмотрим фрагмент перевода, выполненный системой «Google-Translate», которая основана на статистическом анализе: система подбирает эквивалент перевода в соответствии с частотой употреблений и в итоге подставляет вариант, имеющий наиболее высокий процент совпадений.

Как известно, для каждого языка характерны свои особенности лексико-семантической сочетаемости. Перевод, выполненный программой Google Translate, свидетельствует о том, что система не согласовывает слова друг с другом, употребляя практически все распознанные ей существительные в именительном падеже (за редким исключением) (табл. 1).

Т а б л и ц а 1

Оригинал (фрагмент статьи “As Momentum Builds toward Tax Reform, Lobbyists Prepare for a Fight”)	Перевод, выполненный американской программой Google Translate	Перевод, выполненный переводчиком
<p><i>While the standoff over sequester spending cuts and other budget battles have been grabbing headlines, momentum has quietly been building toward a once - in a -generation push to overhaul federal taxes, an effort that would likely affect nearly every family and business</i></p>	<p><i>В то время как противостояние над поглощения расходов порезы и другие бюджета сражения захвата заголовки, импульс строит тихо направлении один раз в поколение push для ремонта федеральных налогов, что скорее всего скажется почти каждая семья и бизнес.</i></p>	<p><i>В то время, когда заголовки кричали о противостоянии по вопросу сокращения государственных расходов и других баталиях по поводу бюджета, постепенно усиливалось случаемое давление на реформирование федеральных налогов, мера, которая, скорее всего, отразится на каждой семье и на бизнесе.</i></p>

Существительное *cuts* было переведено компьютерной системой как *порезы*, однако в статье речь идет о сокращении расходов, но для того, чтобы правильно передать данное словосочетание на русский язык, компьютерная программа должна поменять местами существительные, а этого она делать не умеет. Вспомогательные глаголы *have been* программа просто проигнорировала, отсюда и перевод существительного *захват* вместо глагола *захватывать*. Любой переводчик-человек понимает, что наречие *quietly* в данном контексте лучше переводить не *тихо*, а *спокойно, постепенно, не привлекая всеобщего внимания*. Лексему *push* система машинного перевода оставила без изменения, скорее всего, вследствие большого числа значений, предлагая человеку самому найти подходящее. Нелепо выглядят фразы *для ремонта федеральных налогов, скорее всего скажется почти каждая семья и бизнес*. Следует также отметить, что компьютерная система не расставляет знаки препинания. Согласно орфографии русского языка, словосочетание *скорее всего* должно выделяться запятыми.

Рассмотрим еще один пример работы автоматического переводчика PROMT, который действует по принципу «перевода по правилам», то есть работает по алгоритму, в соответствии с которым система анализирует текст на исходном языке и на основе проведенного анализа синтезирует перевод (табл. 2).

Т а б л и ц а 2

Оригинал (фрагмент статьи “Venezuela Sets Date for Presidential Election”)	Перевод, выполненный российской программой PROMT	Перевод, выполненный переводчиком
<i>Observers voiced mounting concern about the deep political divide gripping Venezuela, with half of it in a near frenzy of adulation and the other feeling targeted.</i>	<i>Наблюдатели выразили обеспокоенность монтажа в глубокие политические разногласия, сцепление Венесуэлы, с половины его в ближайшем исступлении лести и другой для чувства целевых.</i>	<i>Наблюдатели выразили растущее беспокойство по поводу глубокого политического раскола, царящего в Венесуэле, одна половина которой охвачена безумным низкопоклонством, а другая считает, что её используют.</i>

Очевидно, что программа PROMT рассматривает выражение *mounting concern* как единое целое и при переводе даже поменяла слова местами. Не поняла она, однако, что это выражение представляет собой устойчивое словосочетание со значением ‘растущее беспокойство’, и ни о каком монтаже речи быть не может. Лексему *gripping* все-таки следует переводить как причастие в значении ‘царящий’, ‘приковывающий к себе внимание’, а не как технический термин *сцепление*. Причастие *targeted* образовано от полисемантического глагола *target*, у которого есть значения ‘ставить или намечать цель’, ‘иметь целью’, ‘обстреливать цель’, но у всех этих значений есть помета – «военное дело». Общие (нейтральные) значения глагола – ‘намечать’, ‘планировать’, ‘делать кого-либо мишенью’, ‘выявлять’, ‘ориентировать’. При переводе следует отталкиваться именно от этих значений, что компьютерная система понять не в состоянии. Полисемантическим является и существительное *adulation*. Программа PROMT не умеет выбирать правильное значение, в данном случае *низкопоклонство*, а не *лесть*.

Полученные в результате анализа данные позволяют нам утверждать, что полностью автоматизированный качественный перевод на сегодняшний день невозможен. Результаты машинного перевода могут быть использованы лишь «для поверхностного ознакомления с содержанием при условии, что текст используется как сигнальная информация и не требует тщательного редактирования» [8, с. 19]. Улучшение качества современного машинного перевода представляет собой трудоёмкую задачу, поскольку перевод – процесс творческий и довольно сложный, для выполнения которого требуется не только хорошая лингвистическая подготовка, но и знание области, к которой относится переводимый текст.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Марчук, Ю. Н.* Компьютерная лингвистика: учеб. пособие / Ю. Н. Марчук. – М. : Восток-запад, 2007. – 317 с.
2. *Hager, A.* The translation market in ten years' time – a forecast / A. Hager // TC WORLD magazine for International Information Management. – Stuttgart, 2008. – № 11. – S. 14–16.
3. *Мюге, У.* Три мифа о машинном переводе / У. Мюге // Профессиональный перевод и управление информацией. – 2009. – № 1(24). – С. 3–8.
4. *Марчук, Ю. Н.* Модели перевода : учеб. пособие / Ю. Н. Марчук. – М. : Академия, 2010. – 176 с.
5. *Беляева, Л. Н.* Теория и практика перевода: учеб. пособие / Л. Н. Беляева. – СПб. : ООО «Книжный Дом», 2007. – 212 с.
6. *Молчанов, А.* Статистические и гибридные методы перевода в технологиях компании PROMT / А. Молчанов // Control Engineering Россия. – 2013. – № 4(46). – С. 69–72.
7. *Новиков, В. А.* Трансфер в современных системах машинного перевода : автореф. дис. ... канд. филол. наук : 10.02.21 / В. А. Новиков. – М., 2001. – 25 с.
8. *Хроменков, П. Н.* Анализ и оценка эффективности современных систем машинного перевода : автореф. дис. ... канд. филол. наук : 10.02.21 / П. Н. Хроменков. – М., 2000. – 21 с.

The article is devoted to modern machine translation systems. Today it is impossible to overestimate the significance and prospects of the machine-aided translation due to the rising demand for translations that is intensified by an existing lack of translators for numerous specialized fields and particular language combinations. The author reveals the essence of the work of modern machine translation systems of three types: rule-base, statistical and hybrid, and describes their main characteristics as well as advantages and disadvantages.

Поступила в редакцию 22.03.18

ЛИТЕРАТУРОВЕДЕНИЕ

И. К. Кудрявцева

РОМАН П. ТЕЙЛОРА «В ТЕННЕССИ»
В КОНТЕКСТЕ ЖАНРОВОЙ ПАРАДИГМЫ РОМАНА О ХУДОЖНИКЕ

В статье рассматриваются жанровые особенности романа П. Тейлора «В Теннесси», в котором автор обращается к теме творчества и создания произведений искусства, затрагивает проблему оригинальности и самодостаточности творческого импульса художника. Анализ тематики, системы образов, повествовательной организации и особенностей сюжетного развертывания романа позволил выявить в нем черты романа о художнике и такой его типологической разновидности, как роман о несостоявшемся художнике («*artiste manqué*»), в котором герой в силу ряда причин социального и психологического порядка не реализует свой творческий потенциал либо отходит от творчества.

Обращение к теме искусства и образу творческой личности в произведениях писателей самых разных стран и эпох не только отражает потребность искусства в саморефлексии, но и становится почвой для постановки широкого спектра философских, этических, психологических и социальных проблем. В такой разновидности романного жанра, как роман о художнике (нем. «*Künstlerroman*»), преломляются идейно-эстетические искания отдельных авторов, национальных литератур, культурных эпох; его жанровая природа создает предпосылки для интермедиальности, жанрового синтеза, творческого эксперимента, введения в повествование элементов фантастического и сверхъестественного, истории и биографии, детективного, криминального или любовного сюжетов, трагического или комического начал. Со второй половины XX в. роман о художнике все больше начинает привлекать внимание со стороны литературоведов. В работах современных российских исследователей рассматривается национальная специфика романа о художнике, выявляются его типологические разновидности и индивидуально-авторские модификации. Наряду с понятием «роман о художнике» появляются термины «роман творения», «роман о культуре», «роман о романе»¹. В зарубежном литературоведении конца XX – начала XXI в. особое внимание уделяется особенностям функционирования романа о художнике в литературном дискурсе определенной эпохи, нации, специфике постколо-

¹ См. в частности, диссертационные исследования О. В. Дефье «Концепция художника в русской прозе первой трети XX века: типология, традиции, способы образного воплощения» (М., 1999), Е. Р. Боровской «Герой-Художник в русской прозе начала и конца XX века» (М., 2000), Н. С. Бочкаревой «Роман о художнике как “роман творения”, генезис и поэтика: на материале литератур Западной Европы и США конца XVIII–XIX вв.» (Пермь, 2001), А. Д. Маглий «Роман о художнике в русской прозе конца XX – начала XXI века» (М., 2017).

ниального и мультикультурного романов о художнике; стремительно растет количество работ, посвященных исследованию романа о художнике, автором и/или протагонистом которого является женщина (*Künstlerinroman* – термин, используемый Е. Варсамопулу для обозначения феминизированной версии романа о художнике)¹.

Целью данной статьи является анализ романа «В Теннесси» («In the Tennessee Country», 1994) американского писателя Питера Тейлора (Peter Taylor, 1917–1994) в аспекте жанровой специфики романа о художнике и его внутрижанровых разновидностей. Актуальность исследования обусловлена необходимостью дальнейшего изучения идейного и эстетического потенциала романа о художнике, его типов и особенностей его функционирования с позиций современных парадигм литературоведения и других областей гуманитарного знания.

Творчество П. Тейлора, обладателя Пулитцеровской премии и других престижных литературных наград, неразрывно связано с историей и культурой Юга США, где писатель родился и прожил всю жизнь. Его произведения рассматриваются в контексте «южной школы» американской литературы, ведущими представителями которой в XX в. были такие авторы, как У. Фолкнер, Р. П. Уоррен, Т. Вулф, Ю. Уэлти. В романах и рассказах Тейлора темы движения исторического времени, традиций и перемен, взаимодействия человека с семейным и социальным окружением, поиска нравственных ориентиров, характерные для южного художественного дискурса, получили особое звучание в связи с рано обозначившимся интересом писателя к воспроизведению действительности сквозь призму индивидуального сознания. В художественном наследии Тейлора есть и произведения, в которых на первый план выходит проблематика, связанная с творчеством и созданием произведений искусства. Так, главным героем его рассказа «1939» (1955) является писатель, вспоминающий о периоде своего творческого становления, а в его последнем романе «В Теннесси» рассказ ведется от имени профессора университета, художника и искусствоведа. Таким образом, проблемы автономности и самодостаточности художника, оригинальности его творческого импульса занимали писателя на всех этапах его творческой эволюции.

¹ См. в частности: Huf, Linda. *A Portrait of the Artist as a Young Woman: The Writer as Heroine in American Literature* (New York: Frederick Ungar Publishing Company, 1983); Malmgren, Carl D. "From Work to Text": The Modernist and Postmodernist *Künstlerroman* (NOVEL: A Forum on Fiction, Vol. 21, No. 1 (Autumn, 1987), p. 5–28); Barker, Deborah. *Aesthetics and Gender in American Literature: Portraits of the Woman Artist* (Bucknell University Press: Lewisburg, PA, 2000); Varsamopoulou, Evy. *The Poetics of the Künstlerinroman and the Aesthetics of the Sublime* (Burlington, VT: Ashgate, 2002); Siân, Harris. *The Canadian Künstlerroman: The Creative Protagonist in L. M. Montgomery, Alice Munro and Margaret Laurence* (Newcastle upon Tyne: Newcastle University, 2009); Youssef, Sayed Mohammed. *Rite of Passage in Diaspora: Jamaica Kincaid's Lucy as a Postcolonial Künstlerroman* (European Scientific Journal, Vol. 11, No. 5 (February 2015), p. 196–213).

Повествование в романе организовано ретроспективно: главный герой Натан Лонгфорт, с детства увлекавшийся живописью и получивший соответствующее университетское образование, вспоминает значимые эпизоды из собственной жизни и то, как в нем формировался интерес к искусству. Натан рос в атмосфере любви и заботы, его мать отличалась артистическим темпераментом, любила декламировать стихи, и она (в отличие от отца) с энтузиазмом восприняла творческие устремления сына. Введение в повествование образов наставников и менторов является жанровой константой романа о художнике, и для Натана такими наставниками стали сын темнокожей прачки, поделившийся с ним бумагой и карандашами и объяснивший основы рисунка, а также актриса Линда Кэмпбелл, с которой Лонгфорт, уже будучи студентом колледжа искусств, познакомился в знаменитом районе Нью-Йорка Гринвич-Виллидж. Общение с этими людьми способствовало эстетическому становлению героя, вместе с тем в истории с Линдой Кэмпбелл, которую Лонгфорт не смог поддержать в момент жизненного кризиса, отчетливо проявились его внутренняя закрепощенность, гипертрофированная склонность к рефлексии и неспособность к решительным действиям. Именно эти качества личности могли повлиять на то, что в дальнейшем Лонгфорт от непосредственного творчества переходит к изучению истории искусства. Еще будучи студентом, он начал публиковать статьи о произведениях современных художников, а после успеха его первой книги по истории живописи перед ним открылись двери колледжей и университетов. Под натиском в кафедральных и факультетских интригах, Лонгфорт делает блестящую академическую карьеру. Он продолжает писать картины – без особого вдохновения, «по расписанию» – и старается не вспоминать «о том самом художнике или скульпторе», которым он когда-то намеревался стать. Однако со временем осознание того, что он превратился из «живого художника» в «высохшего искусствоведа» начинает тяготить Лонгфорта: «...несмотря на удовольствие от так удачно *сделанной* мною карьеры меня не покидало ощущение пустоты...»¹ [1, p. 187].

Такая траектория развития образа Натана Лонгфорта в романе позволяет говорить о нем как о *несостоявшемся (неудавшемся) художнике*, для обозначения которого в зарубежном литературоведении используется термин «*artiste manqué*» (фр.). Так как определение *несостоявшийся* носит оценочный характер, смысловое наполнение данного термина может варьироваться. В частности, Т. Джефферс указывает, что «*artiste manqué*» – это «тот, кто недостаточно талантлив, чтобы быть художником, но обладает достаточной чувствительностью, чтобы воспринимать и быть критиком, а также достаточной способностью к рефлексии, чтобы философствовать относительно явлений культуры» [2, p. 53]. Ш. Гудман соотносит этот термин с героями, «чей талант разрушается в силу их собственных психологических ограничений или из-за отношения к ним со стороны общества» [3, p. 57], а для

¹ Здесь и далее перевод автора.

М. Бежа «*artistes manqué*» – «художники, потерпевшие неудачу, или разочаровавшиеся художники, или потенциальные художники, которые не оправдали тех надежд, которые подавали» [4, с. 89]. М. Буячек отмечает, что «*artiste manqué*» подразумевает не только неоправдавшиеся ожидания, но и «определенную степень страдания от несоответствия тому, что воплощается в образе художника» [5]. Из этих высказываний литературоведов и критиков видно, что определение *несостоявшийся* имеет как объективную, так и субъективную составляющие. В первом случае подразумевается оценка *извне*: герой не оправдал возлагавшихся на него ожиданий, не создал значимых произведений, либо его произведения не соответствуют вкусам публики, требованиям морали. Во втором случае это определение подразумевает оценку *изнутри*, т.е. соотносится с чувствами самого героя – разочарованием в себе как творческой индивидуальности, страданиями из-за творческой несостоятельности или из-за несоответствия собственным критериям в искусстве. Все это порождает у героя ощущение того, что он, по выражению М. М. Бахтина, не выдержал испытания «на художественную гениальность» [6, с. 195].

Представляется, что *роман о несостоявшемся художнике* можно выделить в особую разновидность романа о художнике, в котором автор акцентирует социальные и психологические факторы, обусловившие творческие неудачи или отход героя от творчества, а также связанные с этим переживания героя, что определяет особенности конфликта, сюжета и организации повествования. В частности, для этого типа произведений большой и малой эпической формы характерны следующие сюжетно-смысловые парадигмы: 1) таланту героя не позволяют раскрыться внешние обстоятельства – семейные или социальные обязательства или ограничения, болезнь («В следующий раз», «Смерть льва» Г. Джеймса); 2) талант героя разрушается в силу внутренней слабости и таких пороков самого художника, как гипертрофированная чувствительность, непомерные амбиции, пагубные склонности («Вандовер и зверь» Ф. Норриса, «Родрик Хадсон» Г. Джеймса); 3) понимание упущенных возможностей приходит к герою слишком поздно («Середина жизни», «Мадонна будущего» Г. Джеймса, «Снега Килиманджаро» Э. Хемингуэя); 4) у героя обнаруживается недостаток таланта, при этом определение *несостоявшийся* может не иметь негативного оттенка. Так, в произведениях, написанных в жанре романа воспитания, образ несостоявшегося художника является скорее отражением ошибок и заблуждений, свойственных юности и являющихся существенной частью процесса становления и духовного поиска («Годы учения Вильгельма Мейстера» И. В. Гёте, «Бремя страстей человеческих» У. С. Моэма). Образы несостоявшихся художников в литературе интересны и в контексте проблемы автобиографического начала в романе о художнике, так как отражают страхи, комплексы, сомнения самих авторов. Так, Г. Джеймс, создавший в 1880-х–1890-х гг. цикл рассказов о писателях и художниках, испытывающих неудачи в творчестве и личной жизни, признавался, что его «Парадеи», «Лимберты» и «Верекеры»

взяты из глубин собственного сознания их создателя [7, р. 221]. Как указывает А. А. Елистратова, «эти рассказы о художниках, не понятых или затравленных обществом», вводят читателей в атмосферу творчества Джеймса последних десятилетий, когда писатель болезненно переживал провал своих пьес и холодный прием, оказанный его романам конца 80-х годов [8, с. 14].

Примечательно, что в литературе XIX – начала XX в. героями, чей творческий потенциал не получает должной реализации, нередко оказывались женщины. М. Биб в своем исследовании жанровой специфики романа о художнике указывает, что основным конфликтом и двигателем развития сюжета в нем является стоящая перед героем-художником дилемма: окунуться в жизнь, которая и является источником искусства, однако может целиком захватить художника (мотив «священного источника»), либо дистанцироваться от нее, пытаясь прикоснуться к вечному, но рискуя потерять связь с реальностью (мотив «башни из слоновой кости») [9, р. 13–18]. В то же время исследователи женского романа о художнике подчеркивают, что природа конфликта здесь несколько иная: «...выбор [героини-художника] между “башней из слоновой кости” и “священным источником” <...> является второстепенным по отношению к ее выбору быть прежде всего женщиной (другом, женой, сестрой, матерью) или художником» [10]. В любом случае всесторонней самореализации героини, наделенной художественным типом сознания, не происходит, так как подавляется та или иная сторона ее личности. Данная проблематика затрагивается в таких произведениях, как «Незнакомка из Уайлдфелл-Холла» Энн Бронте, «Сводные сестры» Дж. Джусбери, «Аврора Ли» Э. Барретт Браунинг, «На маяк» В. Вулф, «Сорная трава» Э. Келли, «Всех страстей минувших» В. Сэквилл-Уэст, «Создательница кукол» Х. Арноу и др.

В романе «В Теннесси» ключевую роль в создании образа Натана Лонгфорта как несостоявшегося художника играет фигура его дальнего родственника Обри Брэдшоу. Самое раннее воспоминание Натана о «кузене Обри» связано с печальным событием – смертью сенатора Такера, известного политика и деда Натана по материнской линии. Вся семья собралась, чтобы на специальном траурном поезде перевезти тело сенатора из Вашингтона в его родной Ноксвилль, штат Теннесси; был там и Обри Брэдшоу, внебрачный сын брата сенатора и женщины «неясного происхождения». Поездка длилась целую неделю, и Обри запомнился маленькому Натану черной траурной повязкой на руке и тем, с каким презрением к нему относились остальные члены семьи. В дальнейшем маргинализация в семье и обществе подталкивает Обри к тому, чтобы уехать и «пересоздать себя», бросив вызов общественной морали и условностям. Обри исчезает, появляясь лишь на похоронах других родственников и оставаясь неузнанным никем, кроме Лонгфорта, для которого он постепенно становится «абсурдной навязчивой идеей»: «Уже будучи немолодым, я, бывало, больше всего желал знать, был ли он все еще жив, что могло с ним произойти и где он сейчас может доживать свои дни» [1, р. 29]. Любопытство Лонгфорта поддерживается теми

удивительными сведениями об Обри, которые до него время от времени доходят: выясняется, что он был первой любовью его матери, затем до Лонгфорта доносятся слухи о светском успехе его таинственного родственника в Европе, о его отличных манерах, импозантной бородке, умении очаровывать дам.

Младший сын Лонгфорта, Брэкстон, предлагает психоаналитическую интерпретацию его навязчивого интереса к Обри: он стал для него фигурой, замещающей рано умершего отца. Вместе с тем значимой представляется сама манера, в которой Лонгфорт ведет рассказ о «кузене Обри»: начиная со знакомства с ним во время железнодорожной поездки и в дальнейшем с акцентом на его постоянных перемещениях во времени и пространстве. Таким образом, доминантой образа Обри становятся дорога, движение, что контрастирует с собственной жизнью Натана, которая представляется достаточно статичной, несмотря на карьерный рост, женитьбу, рождение детей и увеличение количества публикаций. Кроме того, Обри привлекает рассказчика своей «неконвенциональностью», инаковостью по отношению к тому обществу, к которому принадлежит он сам. Восхищаясь людьми, подобными Обри, рассказчик с грустью констатирует: «Не то, чтобы это было возможным для *меня!* Не для такого, как я – опора и оплот матери и тетушек, так заботливо меня воспитавших» [1, р. 33]. Лонгфорт приходит к убеждению, что в нем, выросшем в любви и достатке, не сформировалось необходимое художнику чувство нонконформизма. Закрепившаяся в сознании Лонгфорта «нонконформистская» концепция художника своими корнями уходит в эпоху романтизма, когда она стала «своеобразным освободительным манифестом романтического субъекта» [11, с. 40]. В рамках этой концепции конфликт художника с обществом неизбежен и даже необходим, так как исключительность художника, его сосредоточенность на своем искусстве требуют отказа от всего обыденного, прозаического, в том числе условной морали. Однако в жизни Лонгфорта реализации концепции «тотального художника» не происходит: он оказывается вовлеченным в семейные и социальные связи, и такое несоответствие порождает в нем комплекс вины – не только перед самим собой, но и перед своей матерью, убежденной в художественном «предназначении» сына.

Вместе с тем Лонгфорт в романе не только субъект речи и носитель точки зрения, но и объект изображения и оценки автора. По мысли Тейлора, проблема Лонгфорта заключается не столько в отсутствии нонконформизма, сколько в инертности и узости мышления, которые в ситуации недостатка таланта живописца не позволяют ему развивать и ценить иные свои таланты. В этом контексте фигура Обри в романе может быть рассмотрена как символическое воплощение категории возможного, ведь, как указывал Ж. Делёз, Другой – «это существование свернутого возможного» [12, с. 287–288]. Таким образом, Тейлор выводит тему художественного творчества на более универсальный уровень – уровень самоопределения и жизнетворчества. Не только Обри Брэдшоу, но и Мелисса – жена Лонгфорта, и его сын

Брэкстон, формирующие индивидуальные жизненные цели и проживающие собственные сценарии творческого становления и развития, концептуально противопоставлены автором Лонгфорту, воспринимающему свой жизненный «проект» как уже состоявшийся и не вполне удавшийся. Так, Мелисса, оказывается, давно пишет рассказы и ей даже удалось опубликовать некоторые из них в ряде университетских изданий. Хотя сам процесс ее творчества остается «за кадром», так как проходил втайне от мужа, в перерывах между домашними обязанностями и воспитанием четырех детей, ее произведения предстают в романе в оценке Лонгфорта, наделенного видением профессионального художника и критика¹. Еще один сценарий самореализации в творчестве и жизни проживает в романе сын Лонгфорта Брэкстон, который увлекся рисованием, наблюдая за отцом, затем прошел через периоды ученичества и подражательства и, наконец, смог выработать собственный стиль в живописи. Именно Брэкстон случайно обнаруживает в Вашингтоне Обри Брэдшоу, которым оказывается его сосед, и Лонгфорту удается вновь увидеть своего необычного родственника, который предстает перед ним элегантным пожилым мужчиной, от которого веет обаянием и жизнелюбием, несмотря на то, что в момент их встречи он находится в больнице. Обри рассказывает Лонгфорту, что еще в юности решил превратить свои недостатки в достоинства и стать творцом собственной судьбы. Сейчас он намерен жениться на одной из своих богатых поклонниц, чтобы оплатить больничные счета. В ответ на предложение шокированного Натана переехать к ним с женой и принять их финансовую помощь Обри с негодованием восклицает: «Почему вы все так похожи? Так предсказуемы во всех жизненных ситуациях? Почему вы не можете принять нестандартные мысли или поведение? И почему вы не позволяете другим отклониться от вашего образа жизни, а вместо этого вовлекаете их в свои привычки, свою сеть?» [1, р. 217]. Принять помощь от Лонгфорта для Обри означало бы вернуться к тем людям, от которых он в свое время так резко отмежевался.

¹ Образ Мелиссы, как и образ Лонгфорта, имеет автобиографическую основу: жена Питера Тейлора, Элеонор Росс Тейлор (Eleanor Ross Taylor, 1920–2011), с детских лет писала стихи, однако свой первый сборник опубликовала лишь в возрасте 40 лет, а настоящее признание пришло к ней, когда ей было уже за 70: в 1998 г. она была избрана членом Американской академии искусств и литературы, а в 2010 г. ее поэтический сборник «Captive Voices: New and Selected Poems, 1960–2008» стал обладателем премии имени Уильяма Карлоса Уильямса и номинантом на премию Национального объединения литературных критиков США. Адриен Рич, одна из наиболее влиятельных фигур в американской поэзии XX в., в отзыве на сборник Тейлор «Welcome Eumenides» (1972) написала, что эти стихотворения «speak of the underground life of women, the Southern white Protestant woman in particular, the woman-writer, the woman in the family, coping, hoarding, preserving, observing, keeping up appearances, seeing through the myths and hypocrisies, nursing the sick, conspiring with sister-women, possessed of a will to survive and to see others survive» [3, р. 85]. Критики отметили и стилевое своеобразие поэзии Тейлор, в которой присутствует богатый аллюзивный код и смелый эксперимент со строфикой, размером и рифмой, со звуковой организацией стиха и его лексическим строем.

В романе фигурируют описания произведений искусства, однако экфрастический дискурс в нем не развернут подробно. В описании портретов сенатора Такера, находящихся в домах его дочерей, акцент сделан не столько на технике исполнения, цветовом решении и т.д., сколько на знаковости этих картин: расположение каждой из них на видном месте, в обрамлении предметов роскоши и антиквариата, призвано подчеркнуть значимость фигуры сенатора в истории семьи и края. Описание картин Брэкстона дано в восприятии и оценке его отца, который, будучи знатоком живописи, отмечает особенности уникальной стилиевой манеры Брэкстона и его творческую эволюцию. Однако для Тейлора более существенным является воссоздание богатой гаммы чувств и эмоций, которые Натан, несостоявшийся художник, при этом испытывает – удивление, радость за сына и даже зависть к его таланту.

Подводя итог, можно отметить, что в романе П. Тейлора «В Теннесси» проблема творческой личности и ее отношений с семейным и социальным окружением получает оригинальную трактовку. В жанровом отношении это произведение можно охарактеризовать скорее как роман о несостоявшемся художнике, так как он пронизан ностальгией по тому живописцу, которым главный герой мог бы стать, но так и не стал. Ключевую роль в раскрытии темы несостоявшегося художника в романе играет Обри Брэдшоу, неконформизм и инаковость которого репрезентируют не только упущенные жизненные возможности Лонгфорта, но и категорию возможного в целом. Образы Обри, Мелиссы и Брэкстона позволяют Тейлору вывести концепцию свободной артистической личности на более универсальный уровень жизне-творчества, формирования индивидуальных жизненных целей и способности ощущать жизнь во всей ее полноте. И хотя соприкосновение с инаковостью Другого не приводит Лонгфорта к осознанию собственной уникальной субъективности, оно способствует реализации его творческого импульса в ином, более созвучном складу его личности, ключе, о чем свидетельствует сам факт повествования. Роман имеет автобиографическую основу и создан в рамках характерной для всего творчества Тейлора субъективно-лирической художественной парадигмы. Он окрашен исповедальной, лирической интонацией, а звучание темы искусства усилено созданием сразу нескольких образов художников, которые проживают разные сценарии творческого становления и развития.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Taylor, P.* In the Tennessee Country / Peter Taylor. – Knopf, 1994. – 226 p.
2. *Jeffers, Th. L.* Apprenticeships: The Bildungsroman from Goethe to Santayana / Thomas L. Jeffers. – N. Y.: Palgrave MacMillan, 2005. – 246 p.
3. *Goodman, Ch.* Portraits of the «Artiste Manqué» by Three Women Novelists / Charlotte Goodman // *Frontiers: A Journal of Women Studies.* – Vol. 5, No. 3 (Autumn, 1980). – P. 57–59.

4. *Beja, M.* A Poor Trait of the Artless: The Artiste Manqué in James Joyce / Morris Beja // *James Joyce Quarterly*. – Vol. 26, No. 1 (Fall 1988). – P. 89–104.
5. *Buyachek, M.* Proust, the Suffering Artist / Matthew Buyachek [Electronic Resource]. – University of Nevada, Las Vegas. – 2014. – Mode of Access : <https://digitalscholarship.unlv.edu/award/16>. – Date of Access : 16.12.2017.
6. *Бахтин, М. М.* Эстетика словесного творчества: сб. избр. тр. / М. М. Бахтин; примеч. С. С. Аверинцева, С. Г. Бочарова. – М. : Искусство, 1979. – 423 с.
7. *James, H.* Preface to “The Lesson of the Master” / Henry James // *The Art of the Novel: Critical Prefaces* / H. James; with an introd. by R. P. Blackmur; and a new foreword by Colm Tóibín. – Chicago: Univ. of Chicago Press, 2011. – 400 p.
8. *Елистратова, А.* Предисловие / А. Елистратова // *Повести и рассказы / Г. Джеймс*. – М.: Худож. лит., 1974. – С. 3–18.
9. *Beebe, M.* Ivory Towers and Sacred Founts: The Artist as Hero in Fiction from Goethe to Joyce / Maurice Beebe. – N.Y.: New York Univ. Press, 1964. – 323 p.
10. *Langston, J.* Writing Herself In: Mother Fiction and the Female Künstlerroman / Jessica Langston [Electronic Resource]. – McGill University, Montreal. – 2004. – Mode of Access : http://digitool.library.mcgill.ca/webclient/StreamGate?folder_id=0&dvs=1521212876314~746. – Date of Access : 15.01.2018.
11. *Котелевская, В. В.* О двух трактовках творческого субъекта в немецком романе о художнике / В. В. Котелевская // *Изв. ЮФУ. Филологические науки*. – № 1 (2013). – С. 36–41.
12. *Делёз, Ж.* Мишель Турнье и мир без Другого / Ж. Делёз // *Пятница, или тихоокеанский лимб / М. Турнье*. – СПб.: Амфора, 1999. – С. 282–302.
13. *Rich, A.* On Lies, Secrets, and Silence: Selected Prose 1966–1978 / Adrienne Rich. – N. Y.: W. W. Norton & Company, 1995. – 320 p.

The article deals with the genre specificity of P. Taylor’s novel «In the Tennessee Country». Analyzed within the genre paradigm of the Künstlerroman it can also be called a novel about “artiste manqué”, a failed artist.

Поступила в редакцию 30.03.18

І. Б. Лапцёнак

РЭЦЭПЦЫЯ ТВОРЧАСЦІ ЯНКІ МАЎРА Ў ЛІТАРАТУРНАЙ КРЫТЫЦЫ 20–30 ГГ. ХХ СТАГОДДЗЯ

У артыкуле разглядаецца, якімі крытэрыямі кіраваліся крытыкі пры ацэнцы творчасці дзіцячых пісьменнікаў у перыяд станаўлення беларускай дзіцячай літаратуры. Шляхам аналізу крытычнай рэцэпцыі творчасці Янкі Маўра на аснове выкарыстання параўнальна-тыпалагічнага і структурна-функцыянальнага метадаў вызначаны падыходы да вывучэння літаратурнай спадчыны ў 20–30-я гг. ХХ стагоддзя, раскрыты іх змест, вылучаны галоўныя канцэптуальныя ўстаноўкі, якія аказалі ўплыў на развіццё літаратурнага працэсу.

Перыяд 20–30-х гг. XX стагоддзя – асноватворны ў фарміраванні першаснага крытычна-рэцэптыўнага асэнсавання беларускай дзіцячай літаратуры. Менавіта да гэтага часу адносяцца найбольш плённыя этапы творчай дзейнасці Янкі Маўра (1883–1971) – пачынальніка беларускай дзіцячай літаратуры, заснавальніка яе прыгодніцкага і навукова-пазнавальнага жанраў. Пісьменнік умела выкарыстоўваў мастацкія прыёмы класікаў прыгодніцкай літаратуры, сярод якіх Ж. Верн, М. Рыд, Ф. Купер. У яго творчасці сустракаюцца рэмінісцэнцыі з твораў Д. Дэфо, А. Дзюма, Г. Эмара, Л. Бусенара, Г. Хагарда і інш. Яго наватарскія пошукі трымаліся на цеснай сувязі з літаратурнымі (у тым ліку, сусветнымі) традыцыямі і таму не заўсёды ўпісваліся ў ідэйна-функцыянальную парадыгму часу.

Першыя мастацкія творы Я. Маўра (Івана Міхайлавіча Фёдарова) былі надрукаваны ў пачатку другога дзесяцігоддзя мінулага стагоддзя, у перыяд стварэння беларускай савецкай дзіцячай літаратуры, калі ў краіне адсутнічаў трывалы вопыт выдання дзіцячых кніг. Выпуск першага часопіса на беларускай мове ў паслякастрычніцкі час пад назвай «Зорка» быў наладжаны ў 1921 г. Часопіс «Беларускі піянер» пачаў сваю дзейнасць у 1924 г. У 1921 г. было створана Дзяржаўнае выдавецтва БССР, на яго аснове ў 1924 г. – Беларускае дзяржаўнае выдавецтва (БДВ). З гэтага часу пачаўся сістэматычны выпуск дзіцячай літаратуры – перакладных твораў, кніг беларускіх савецкіх пісьменнікаў. Найчасцей аўтарамі кніг для дзяцей былі вядомыя пісьменнікі, якія, побач з асноўнай літаратурна-творчай дзейнасцю, займаліся напісаннем твораў для дзяцей (З. Бядуля, Я. Купала, Я. Колас, М. Чарот, А. Александровіч, А. Дудар і інш.). Я. Маўр стаў першым пісьменнікам у Беларусі, які трывала звязаў свой творчы лёс выключна з літаратурай для дзяцей.

Большая частка яго літаратурнай спадчыны была створана ў даваенны перыяд. У 20-я гг. XX стагоддзя пісьменнік напісаў знакавыя для нацыянальнай літаратуры творы, сярод якіх першая навукова-фантастычная аповесць «Чалавек ідзе»; аповесці, створаныя ў жанры прыгодніцкай і навукова-пазнавальнай літаратуры – «У краіне райскай птушкі» і «Сын вады»; раман «Амок» – першы ва ўсёй савецкай дзіцячай літаратуры водгук на канкрэтныя гістарычныя падзеі ў форме буйнога праявічнага твора; драматычныя апавяданні «Слёзы Тубі», «Незвычайная прынада», «Лацароні»; фантастычныя казкі «Вандраванне па зорках», «Пекла» і інш. Нягледзячы на колькасць і важкасць твораў, выдадзеных Я. Маўрам, яго спадчына надзвычай рэдка выступала асэнсаваным аб'ектам літаратурна-крытычнай рэцэпцыі, як і іншыя творы беларускай дзіцячай літаратуры гэтага часу. Сярод фактараў, якія паўплывалі на адсутнасць крытычных даследаванняў творчасці пісьменніка, найбольш істотнымі былі наступныя: позняе вылучэнне беларускай дзіцячай літаратуры ў асобную галіну (беларуская дзіцячая літаратура – самая маладая з усходнеславянскіх дзіцячых літаратур) і, адпаведна, запазданае ўтварэнне нарматыўнай сістэмы ацэнак твораў дзіцячай літаратуры (патрэбны быў час для назапашвання і асэнсавання мастацкага матэрыялу ў кантэксце адпаведнай функцыянальнай мадэлі).

Да ліку першых крытычных работ у айчынным друку, прысвечаных творчасці Я. Маўра, належалі малаколькасныя рэцэнзіі, якія з'явіліся напрыканцы другога дзесяцігоддзя. У прыватнасці, у 1928 г. у часопісах «Працаўнік асветы» і «Полымя» былі размешчаны рэцэнзіі на аповесць «Сын вады», у якіх выявіўся пераважна пралеткультаўскі падыход. Так, у рэцэнзіі, змешчанай пад псеўданімам «Настаўнік», яскрава адбілася накіраванасць крытычнай рэцэпцыі на фарміраванне чысціні пралетарскага светапогляду пісьменніка [1, с. 16]. Адпаведны падыход знайшоў увасабленне і ў рэцэнзіі Я. Дорага на аповесць «Сын вады». Сярод адметных рыс ідэйна-змястоўнага напаўнення ён вылучыў краязнаўчы характар аповесці, адсутнасць у ёй ухілаў у бок «тандэнтнае экзотыкі, якая звычайна пануе ў гэтым літаратурным жанры», жывую і цікавую фабулу. У той жа час крытык падкрэсліў немэтазгоднасць увядзення ў твор персанажаў, якія класава не адпавядаюць пралетарскай ідэалогіі [2, с. 165]. У цэлым ацэнку творчасці Я. Маўра ў першых вопытах яе крытычнай рэцэпцыі можна назваць нейтральна-станоўчай. Рысы індыўідуальнасці пісьменніка як творчай асобы, ідэйна-эстэтычныя якасці яго багатай спадчыны фактычна не падвяргаліся рэцэпцыі ў вышэйадзначаны перыяд. У той жа час, улічваючы малаколькаснасць крытычных работ і недастатковую распрацаванасць паказчыкаў ацэнкі твора ў дзіцячай літаратуры ў беларускай літаратурнай крытыцы, можна сцвярджаць, што адметнасць крытычнай думкі істотна не паўплывала на своеасаблівасць творчых устаноў Я. Маўра ў 20-я гг. ХХ стагоддзя.

У пачатку 30-х гг. ХХ стагоддзя наглядалася пагаршэнне грамадска-палітычнага клімату ў краіне. Крытыка зрабілася сродкам жорсткага ідэалагічнага кантролю [3, с. 191]. У ёй адлюстраваліся праявы ваяўнічанаступальнай палітыкі РАППА. Часопіс «Маладняк» стаў органам БелАППА. Менавіта ў гэты час у «Маладняку» з'явілася адна з першых яскрава адмоўных рэцэнзій на фантастычную казку Я. Маўра «Пекла»: крытык прапанаваў «зняць кнігу» з паліц кнігарань як шкоднае выданне [4, с. 160]. Фармальна гэта было выступленне супраць твора, насычанага «чартоўшчынай» і рэмінісцэнцыямі з буржуазнай літаратуры (падабенства з фабулай «Паўстання анёлаў» А. Франса), аднак на самой справе карані адмоўнай рэцэпцыі знаходзіліся глыбей, у аўтарскай іроніі, якая мела негатыўную ідэалагічную афарбоўку (піянер, галоўны герой твора, «наводзіць парадак» у пекле, кіруючы «сынэдрыёнам» чарцей, д'яблаў і нячысцікаў).

З 30-х гг. ХХ стагоддзя пачынаецца другі этап творчай дзейнасці Я. Маўра. Лічыцца, што пісьменнік, насыціўшыся «экзатычным», іншаземным матэрыялам, вырашыў звярнуцца да жыццёвай рэальнасці, якая яго акружала, і глабальных перспектыв яе пераўтварэння. У гэты час былі напісаны аповесць «Палескія рабінзоны», якая расказвала аб прыгодах падлеткаў на Палессі, утапічная «Аповесць будучых дзён» пра камуністычную будучыню СССР, прыгодніцкая аповесць «ТВТ», у якой праз гульнію раскрывалася тэма працоўнага выхавання маленькіх грамадзян. На наш

погляд, творчае пераасэнсаванне ідэйна-тэматычнай накіраванасці твораў узнікла пад непасрэдным уздзеяннем ідэалагічных прыярытэтаў вышэйадзначанага перыяду і тэндэнцый развіцця літаратурнага працэсу ў СССР.

Адлюстраванне сучаснасці з'яўлялася трэндам развіцця савецкай літаратуры 30-х гг. XX стагоддзя. У гэты час створаны «Узнятая цаліна» М. Шолахава, «Гідрацэнтраль» М. Шагінян, «Краіна Муравія» М. Твардоўскага, «Брускі» Ф. Панфёрава і інш. Адпаведная тэматыка была прыўнесена і ў дзіцячую літаратуру. Сярод «заказных» тэм: адлюстраванне жыцця савецкай краіны, яе вытворчасці, удзелу маладых кадраў у будаўніцтве сацыялізму, дзейнасці піянерскай арганізацыі.

З пачатку трэцяга дзесяцігоддзя мінулага стагоддзя творчасць Я. Маўра стала трывалым аб'ектам крытыкі і гэта сказалася не толькі ў рэцэнзіях на асобныя яго творы, але і ў крытычным аналізе ўсёй яго літаратурнай дзейнасці. У шматлікіх літаратурна-крытычных работах творы Я. Маўра папярэдняга перыяду часта станавіліся прадметам крытычнай пераацэнкі. Да заганных тэндэнцый былі залічаны: некрытычнае стаўленне пісьменніка да сусветнай літаратурнай спадчыны, адрыв ад рэальнай праўды жыцця, імкненне да дэталёвага апісання фантастычных прыгод. Адпаведныя элементы крытычнай рэцэпцыі, выяўленыя нярэдка ў катэгарычнай форме, на наш погляд, не маглі не паўплываць на светаўспрыманне пісьменніка і змяненне яго творчых прыярытэтаў. Аднак выкрывальны пафас і адмоўная афарбоўка крытычнай рэцэпцыі не зніклі ў ацэнцы літаратурнай спадчыны Я. Маўра 30-х гг. XX стагоддзя, нягледзячы на змяненне тэматычнай адметнасці твораў і імкненне адпавядаць паведам часу. Творчасць пісьменніка разглядалася пад яркай сацыялагічным позірам.

У 1931 г. выйшаў першы артыкул аб творчасці Я. Маўра ў форме літаратурна-крытычнага агляду – «Да пытання аб дзіцячай кнізе ў БССР (Творчасць Янкі Маўра)» Э. Галубка. Адным з перадавых аспектаў тэматычнай адметнасці «Палескіх рабінзонаў» крытык назваў новую сацыяльную трактоўку сюжэта, барацьбу з ворагамі ў СССР, але адзначыў, што пісьменнік не ў поўнай ступені выканаў сацыяльны запыт грамадзян краіны, што праявілася ў адсутнасці пэўных запатрабаваных сюжэтаў: «Некаторыя чытачы цікавяцца далейшым жыццём хлапцоў і на запытаньне, што-б яны хацелі чытаць, адказвалі, што іх вельмі цікавіць апісаньне таго, як гэтыя хлопцы, скончыўшы БДЗУ, працуюць у якасці інжынэраў па асушцы балот і на пабудове электрычнай станцыі на Палесі – месцы іх ранейшых прыгод» [5, с. 106]. Э. Галубок пры гэтым спасылаўся на меркаванні чытачоў, якія, паводле яго слоў, указалі на ідэалагічную памылку, дапушчаную пісьменнікам: не апісаў у творы, як жывуць Віктаравы і Міронавы бацькі і ці ў калгасе яны. На думку крытыка, дзіцячая кніга павінна арганізоўваць свядомасць дзяцей у бок разумення глыбокіх сацыяльных працэсаў.

Крытычная рэцэпцыя 30-х гг. XX стагоддзя была накіравана супраць тэорыі «класавага замірэння», неарамантызму, паглыбленага псіхалагізму. Асабліва негатыўнымі былі адносіны да тэорыі «мастацтва дзеля мастацтва»,

як адрыву ад рэчаіснасці, уцякання ад рэальнага жыцця: «Эстэтыка, кволая пяшчотная прыгожасьць (усялякія ідыліі лебедзяў, ціхіх паркаў, палымнеючых захадаў, жоўтых лістоў, якія павольна асыпаюцца, млява-пяшчотных гукаў раяля і г.д.) якраз адпавядае густу буржуазіі часоў заняпаду буржуазнае клясы» [6, с. 87]. Нават тэорыя «жывога чалавека», згодна з якой пралетарская культура павінна паказваць жывых людзей, а не плакатных герояў, была крытычна пераацэнена. Сцвярджалася, што яна «тоіць у сабе падазроны прысмак» і можа пацягнуць за сабой памылковыя тлумачэнні: «Азначэнне “жывы чалавек” можа быць вытлумачана як аполёгія “агульна чалавечага”, як супроцьстаўленне “клясаваму чалавеку”. Таксама “психолёгізм” можа абярнуцца ў індывідуалістычны “самааналіз”, у інтэлігэнцкае “калупаньне” ў душы» [7, с. 124].

Пастановы «Аб класова-варожых вылазках на фронце беларускай савецкай літаратуры» (1933) і «Аб фактах прасочвання нацыянал-дэмакратычных уплываў у мастацкай літаратуры» (1933) актывізавалі барацьбу за ідэйную чысціню літаратуры, супраць палітычных памылак. Крытычнай рэцэпцыі падвергліся нават творы класікаў літаратуры. На Усебеларускай нарадзе па дзіцячай літаратуры (1933) шырока абмяркоўвалася пытанне аб неабходнасці стварэння прафесійнай крытыкі дзіцячай літаратуры, была пастаўлена задача ахопу крытычнай думкай кожнага мастацкага твора. У сваім выступленні загадчык Культпропу ЦК КП(б)Б М. Ляўкоў вызначыў галоўныя арыенціры ідэйна-тэматычнага ракурсу дзіцячай літаратуры: дзіцячая літаратура не можа быць адарвана ад працэсаў палітычнага, культурнага і гаспадарчага жыцця, павінна паказваць абвостраную класавую барацьбу ў краіне, выкарчоўванне рэштак капіталізму ў эканоміцы, свядомасці і псіхіцы людзей [8, с. 1]. Мастацка-эстэтычныя задачы літаратуры былі пастаўлены на Усебеларускай нарадзе ў дыдактычным ракурсе: праз кнігу трэба выходзіць дзяцей у духу інтэрнацыяналізму, прывучаць іх да працоўных працэсаў, без сухога дыдактызму ў вобразнай форме павялічваць навуковыя веды дзяцей, развіваць у іх багатую фантазію на грунце ведання рэчаіснасці, імкненне да вынаходніцтва, авалодвання тэхнікай. Сацыяльна-класавы падыход быў аб’яўлены асноўным прынцыпам пабудовы мастацкага твора незалежна ад яго жанравай формы і тэматыкі: «творчы падыход пісьменніка і да рэалістычна-гістарычнага твору і да твору прыгодніцкага, і да твору перспектыўна-фантастычнага жанру – у першую чаргу залежыць ад тэй клясавай мэтаімкнёнасці пісьменніка, якою ён захапляе, арганізуе сьвядомасьць маладога чытача» [9, с. 3].

Вышэйадзначаныя ўстаноўкі знайшлі яскравае ўвасабленне ў літаратурна-крытычнай рэцэпцыі творчасці Я. Маўра. У артыкуле «Дзіцячая літаратура патрабуе сур’ёзнай увагі» (1933) В. Селіванава абвінаваціла пісьменніка ў апалітычнасці, назвала «небяспечнай» яго цягу да «чыстай прыроды», якая, на яе думку, была выклікана «яшчэ непераможанай аўтарам дробна-буржуазнай абмежаванасці яго сьветапогляду», у выніку чаго грамадска-

сацыяльныя праблемы з'яўляліся для пісьменніка ўсяго толькі фонам, які зацягніў шматгранны сацыяльны свет «вясільнай масай прыродна-геаграфічных фактаў» [9, с. 3].

Сацыялагічны падыход выкарыстоўваўся не толькі пры разглядзе ідэйна-тэматычнай спецыфікі твора, але і падчас аналізу яго жанравай адметнасці. У артыкуле «Творчыя праблемы дзіцячай літаратуры (аб утапічнай і экзатыка-рэвалюцыйнай аповесці Янкі Маўра)», змешчаным у зборніку «Аб дзіцячай літаратуры» (1934), Я. Бранштэйн выступіў супраць меркаванняў вульгарызатарскай крытыкі аб тым, што ўтапічная і гісторыка-рэвалюцыйная аповесць – гэта «ўцяканне ад сацыялістычнага будаўніцтва» і «адыход у фантастыку» [10, с. 21]. Крытык назваў Я. Маўра «піонерам і адзіным прадстаўніком экзатыка-рэвалюцыйнай і ўтапічнай аповесці» [10, с. 25]. Ён ухваліў смеласць творчых пошукаў пісьменніка, звязаную з апрацаваннем новых жанраў. Жанр «Аповесці мінулых дзён» Я. Бранштэйн вызначыў, як «змешаную часова-прасторавую ўтопію». З аднаго боку, ён станоўча ацаніў з'яўленне новага жанру ў літаратуры і ўключэнне ў яго новых рэалій, з другога – адзначыў, што не бачыць практычнай перспектывы ў развіцці жанру ўтопіі на новай глебе: «Прасторавая ўтопія ў сучасны момант – у век радыё, тэлеграфа, газет – пачынае губляць сваё апраўданне, бо вымушана адмовіцца ад матыву “далёкай невядомай краіны ўтопіі”. Няма цяпер такіх неведомых краін, пакрытых таемнай утопіяй (калі не лічыць планетарных утопій); тым менш можна гаварыць у такім сэнсе пра СССР» [10, с. 35]. На думку Я. Бранштэйна, Я. Маўр суб'ектыўна ўсвядоміў задачу крытычнай пераацэнкі буржуазных канонаў, выкарыстоўваючы ранейшыя метады і прыёмы ў стварэнні новага жанру – перабольшваў эмпірызм фактаў, злоўжываў навучальным дыдактызмам, грашыў падачай звестак у мастацкім творы згодна дзіцячага чытацкага разумення, не кіруючыся грунтоўнай навуковай асновай: «дзіцячая непасрэднасць, палітычная наіўнасць і лірычны гумар пазбаўляюць малюнак гэтых працэсаў той суровай рэальнасці, якая неабходна для рэалістычнага паказу» [10, с. 40].

Нават мова твораў пісьменніка была ацэнена як «класава нявызначаная». Ф. Карамазаў, аўтар рэцэнзій на «Амок», змешчанай у «Крытыка-бібліяграфічным бюлетэні» (1934), вылучыў прастату, лаканічнасць і выразнасць як рысы, асабліва важныя для мовы дзіцячай літаратуры, але пры гэтым адзначыў, што мова Я. Маўра – класава недыферэнцыраваная: «Пісьменнік не ўлічыў, што мовы наогул не існуе, што мова – паняцце класавае» [11, с. 13]. На яго думку, апошняе адмоўна ўплывае на палітычную вытрыманасць ідэй твора і яго адзінства.

У другой палове 30-х гг. XX стагоддзя ў нацыянальнай літаратуры з'яўляюцца ілюстрацыйныя, кан'юнктурныя творы, пазбаўленыя глыбокага зместу. Перад літаратурай ставяцца агітацыйна-прапагандысцкія задачы. Крытыка становіцца яшчэ больш жорсткай. У артыкуле С. Давідовіч «Янка Маўр» (1936) няўдалымі аб'яўлены такія творы пісьменніка, як «Чалавек ідзе», «Амок», «У краіне райскай птушкі» і інш. Акрамя ранейшых

абвінавачванняў у дыдактызме, падмене мастацкай формы публіцыстыкай, панаванні геаграфічнага матэрыялу, узніклі і больш сур'ёзныя: «галоўнае, што ў гэтых творах выпукляецца, гэта слабое ўяўленне пісьменніка аб тэорыі марксізма-ленінізма, адсутнасць яснага, правільнага ўсведамлення класавых і партыйных суадносін у тых краінах, аб якіх ён піша» <...> «недастатковая актыўнасць Маўра ў літаратурнай грамадскасці ў гады разгорнутага класовага барацьбы на літаратурным фронце за савецкую літаратуру» [12, с. 3].

Такім чынам, на прыкладзе крытычнай рэцэнцыі творчасці Я. Маўра выяўлена, што адметнасць літаратурнай крытыкі перыяду 20–30-х гг. праявілася ў дамінаванні знешніх умоў (палітычных, ідэалагічных прыярытэтаў, сацыяльных фактараў), якія прадвызначалі характар крытыкі, яе метадалагічную вастрыню. Выяўлена, што дзіцячая літаратура адчула на сабе не меншы ўплыў звонку, чым літаратура для дарослых.

Ідэйна-эстэтычны змест і тэматычныя напрамкі твораў Я. Маўра ў значнай ступені былі абумоўлены грамадска-палітычнай сітуацыяй часу, развіццём літаратурнага працэсу і тэндэнцыямі станаўлення савецкай дзіцячай літаратуры. У той час як адметнасць крытычнай думкі 20-х гг. XX стагоддзя (прэваліраванне сацыялагічнага падыходу) істотна не паўплывала на своеасаблівасць творчых устаноў Я. Маўра па прычыне адсутнасці шырокага літаратурна-крытычнага руху ў галіне дзіцячай літаратуры ў адзначаны перыяд, то ў наступным дзесяцігоддзі пад непасрэдным уздзеяннем ідэалагічных канонаў часу і метадалагічнай заостранасці літаратурнай крытыкі адбылося кардынальнае пераасэнсаванне пісьменнікам ідэйна-тэматычных напрамкаў літаратурнай творчасці.

ЛІТАРАТУРА

1. Настаўнік [Рэцэнзія] / Настаўнік // Працаўнік асветы. – 1928. – № 12. – С. 16. – Рэц. на кн. : Маўр, Я. Сын вады / Я. Маўр. – Менск : БДВ, 1928. – 106 с.
2. Дораг, Я. [Рэцэнзія] / Я. Дораг // Полымя. – 1928. – № 8. – С. 165. – Рэц. на кн. : Маўр, Я. Сын вады / Я. Маўр. – Менск : БДВ, 1928. – 106 с.
3. Мушыньскі, М. І. Крытыка і літаратуразнаўства / М. І. Мушыньскі // Гісторыя беларускай літаратуры XX ст. : у 4 т. / Нац. акад. навук Беларусі, Ін-т літ. імя Я. Купалы. – Мінск : Беларус. навука, 1999. – Т. 2. – С. 167–209.
4. Ага. Пякельная кніжка / Ага // Маладняк. – 1930. – № 2. – С. 159–160.
5. Галубок, Э. Да пытання аб дзіцячай кнізе ў БССР (Творчасць Янкі Маўра) / Э. Галубок // Узвышша. – 1931. – № 5. – С. 102–113.
6. Ліманоўскі, Я. Аб культурнай орыентацыі / Я. Ліманоўскі // Маладняк. – 1930. – № 5. – С. 81–97.
7. Гурштэйн, А. Проблема пролетарскай літаратуры / А. Гурштэйн // Маладняк. – 1930. – № 8–9. – С. 117–125.
8. Створым высокаякасную дзіцячую мастацкую літаратуру (3 выступленьня загадчыка Культпропу ЦК КП(б)Б тав. Ляўкова на Усебеларускай нарадзе па дзіцячай літаратуры) // ЛіМ. – 1933. – 2 чэрв. – С. 1.

9. Селіванава, В. Дзіцячая літаратура патрабуе сур'ёзнай увагі / В. Селіванава // Звязда. – 1933. – № 99. – С. 3.
10. Бранштэйн, Я. Творчыя праблемы дзіцячай літаратуры (аб утапічнай і экзотыка-рэвалюцыйнай аповесці Янкі Маўра) / Я. Бранштэйн // Аб дзіцячай літаратуры: крытычны зб. пад рэд. Я. Бранштэйна. – Менск : Дзярж. выд. Беларусі, 1934. – С. 21–41.
11. Карамазаў, Ф. [Рэцэнзія] / Ф. Карамазаў // Крытыка-бібліяграфічны бюлетэнь. – 1934. – № 8. – С. 12–13. – Рэц. на кн. : Маўр, Я. Амок / Я. Маўр. – Менск : БДВ, 1933. – 260 с.
12. Давідовіч, С. Янка Маўр / С. Давідовіч // Звязда. – 1936. – 9 студз. – С. 3.

The article examines the criteria that critics used to evaluate the creative work of children's writers during the Belarusian fiction for children formation period. By studying the reception of Yanka Maur's work, approaches to the study of the literary heritage in the 1920s and 1930s have been determined, their content disclosed, the main conceptual guidelines singled out.

Поступила в редакцию 05.03.18

А. А. Маркелова

ЭТНОКУЛЬТУРНЫЙ ПОТЕНЦИАЛ СИМВОЛОВ ЗООНИМИЧЕСКОГО ХАРАКТЕРА В ПОЭЗИИ ВАСИЛИЯ СИМОНЕНКО

Статья посвящена изучению этнокультурного потенциала символов зоонимического характера в поэзии известного украинского шестидесятника сквозь призму поэтического перевода. На материале английских поэтических переводов Василия Симоненко рассматривается проблема граней переводческой интерпретации этносимволики, выясняется суть понятия *этносимвол* зоонимического характера с позиций экотранслатологии и лингвокультурологии, отслеживается инструментарий точного воспроизведения в поэтическом переводе этносимволики зоонимического характера.

Вопросы, связанные с пониманием этносимволики, ее функционированием в художественном тексте, в частности поэтическом, ее взаимосвязи с языком и культурой, а также возможности воспроизведения в пределах определенной культуры ярко иллюстрируют современные тенденции научных изысканий переводоведения в междисциплинарном аспекте. Актуальность научного исследования заключается в возможности обозначения новой тенденции в развитии лингвокультурологического переводоведения, а именно: исследование возможностей воспроизведения этносимволов оригинала средствами целевого языка.

Палитра научных концепций переводоведов привлекает опыт философии, культурологии, семиотики, лингвистики, литературы, этнологии, социологии, психологии с целью освещения как филологических, так и нефилологических плоскостей исследования этносимволики, а в нашем случае – этносимволики поэтической речи представителя украинского литературного

шестидесятничества – Василия Симоненко. Мы попытаемся прояснить особенности этносимволов зоонимического характера в стихах украинских поэтов 60-х гг. XX ст. и определить оптимальные переводческие стратегии их воспроизведения в английских переводах. О б ъ е к т о м научного исследования являются этносимволы зоонимического характера в украиноязычных стихах Василия Симоненко и их англоязычных переводах. П р е д м е т о м – переводческие способы воспроизведения этносимволики.

Наиболее ярко роль переводчика, которому приходится интерпретировать этносимволические системы поэтического письма, пользуясь при этом так называемой «интуитивной компетенцией», проявляется с позиций эколингвистической модели, выработанной из экотранслатологии. Джанкинг Ву, размышляя над трудностями интерпретации и воспроизведения в переводе динамичного элемента языка – символа, отмечает, что «люди, которые естественно ассоциируют культуру со своим родным языком, склонны интерпретировать символы, учитывая собственный культурный опыт. Эта естественная склонность и является “интуитивной компетенцией”» (перевод наш. – А. М.) [1, р. 124]. Эколингвист К. Вижниевская обращает свое внимание на взаимосвязь языка и окружающей среды, которая, по мнению исследовательницы, может быть представлена в виде триады: язык – переводчик – окружающая среда [2]. Видение переводчиком культурно маркированной ткани поэтического текста как гармоничного вплетения в среду, ее неотъемлемой части, и свидетельствует о том, что язык для переводчика является своеобразным символическим самовыражением, основанным на собственном культурном опыте, а поэтический текст с этнокультурным потенциалом – источником множественности авторских интерпретаций. Исследователь Ребрий обращает внимание на тот факт, что культурологическая парадигма в большей степени акцентирует творческий потенциал переводчика уже не столько как межъязыкового, сколько как межкультурного посредника, интерпретационная позиция которого во многом влияет на ход процесса перевода и определяет его результат [3, с. 9]. О. Шум в своей диссертации «Воспроизведение лексико-стилистических доминант украинской художественной прозы второй половины XX века переводчиками-эмигрантами» акцентирует внимание на чертах индивидуальности переводчика и его уникальном умении интерпретировать подлинник. Мы полностью согласны с мнением исследовательницы о том, что «современный транслятор должен одинаково хорошо быть знакомым с особенностями культур как языка оригинала, так и перевода, то есть быть “межкультурно компетентным” специалистом, что, не в последнюю очередь, способствует четкому определению авторского замысла, а затем и достижению максимально приближенного к действию оригинала прагматического воздействия на читателя текста перевода» [4, с. 13]. Вышеупомянутые переводческие компетенции: интуитивная и межкультурная в соответствии с экотранслатологической теорией, обеспечивают естественность воспроизведения заложенного в текст смысла.

Научные поиски американского эколоингвиста Рэнди Маламуда сосредоточены на экологической модели человеческой культуры. Ученый отмечает, что при контакте с животными человеку приходится постоянно пересекать границу между культурой и природой. «С человеческой точки зрения, животные – это в большей степени понятия (бешеные собаки, пчелы-труженицы и другие), которые служат средствами выражения культурных и творческих нужд» (Перевод наш. – А. М.) [5, р. 4].

Рассматривая теорию эколоингвистики и одно из ее направлений – экотранслатологию (С. В. Стеффенсон, А. Филл, Л. Коломиец) в рамках поэтического перевода, мы соглашаемся с мнением ученых о влиянии культурных и социальных факторов на формирование условий для межкультурной коммуникации индивидов.

Проведем контекстуально-переводческий анализ (с элементами лингвокультурологического) некоторых стихов Василия Симоненко, в которых этносимволический образ животного объясняется автором в широком смысле как объект собственного сознания, отождествления себя с животным, которое находится на грани духовной катастрофы. Это, по выражению Виктора Маринчака, «и мир, и собственная позиция, которая вызывает гнев, возмущение, отвращение. Продолжение существования в предыдущем Сиане становится невыносимым, переживается духовная катастрофа» [6, с. 232].

Этносимволизация животного мира углубляется в творчестве В. Симоненко. Самыми загадочными в его поэзии выступают символические образы тигров и леопардов. Очевидно, что данные этносимволы не имеют четкой территориальной привязанности к этнокультурной украинской традиции, поэтому следует избегать поверхностной интерпретации этносимволического содержания с позиций исключительно собственной «переводческой компетенции», зато стоит адекватно интерпретировать сложный этносимволический пласт символов тигра и леопарда сквозь призму христианского мировоззрения автора.

Владислав Копалински отмечает, что согласно христианской традиции тигр является атрибутом Иисуса Христа, тигрица – атрибутом всего христианства [7, s. 438]. В «Словаре литературных символов» Майкла Фербера встречаем интересное объяснение символизма леопарда из Книги пророка Иеремии. Леопард отождествляется с неотвратимым совершением греха: «Разве кушитянин может изменить цвет своей кожи, а леопард – свои пятна?» (перевод наш. – А. М.) [8, р. 111]. Образы тигров и леопардов В. Симоненко необычно вплетает в полотно поэтического текста через сон, таинственные и загадочные образы которого профилируют переживания автора. Сопоставим оригинал и переводы его стихотворения «Я тікаю від себе, від муки і втоми» (1963): «*Я від себе втечу в білу папороть снів. / Там у снах, ніжні тигри / Цілуватимуть губи мої пересохлі, / Леопарди чарівні зніматимуть шкуру / І мені даруватимуть щедро*» [9, р. 74].

Перевод Марты Богачевской-Хомяк: «*I flee myself / into the white fern in dreams. / In dreams, gentle tigers / will kiss my lips. / Charming leopards will undress / And give me their skins as gifts*» [9, р. 75].

Перевод А. М. Фрейшин-Чировского: «*I flee from myself in the white fern of dreams. / And there, in dreams the tender tigers / Will kiss my parchment lips, / And magnificent leopards will peel off their skins*» [10, p. 25].

Перевод первой части приведенного отрывка М. Фр.-Чировского точнее, чем перевод М. Богачевской-Хомяк, в котором имеется изъятие (*зубы мои пересохише*). Во второй части наблюдаем микросемантический сдвиг в переводе М. Фр.-Чировского (*magnificent leopards will peel off their skins*) и изъятия (*и мне дарить щедро*), что приводит к угасанию визуальной метафоры этносимвола и свидетельствует об отсутствии интерпретационной мотивации переводчика.

Интересным этносимволом, который приобретает у Симоненко индивидуальное-личностное содержание, а соответственно может по-разному толковаться переводчиком, является пчела / шмель. Традиционно закрепленное в сознании украинского читателя значение этого этносимвола может накладываться на индивидуальное начало автора (*белые и колючие пчелы*), приобретая новую смысловую перспективу. В стихотворении «3 вікна» пчела увеличивает метафорическую выразительность и влиятельную силу образа в целом, подчеркивая те чувства, которые переживает автор при упоминании зимы в родном краю. Меланхолический и страдальческий тон появляется в поэзии из-за желания поэта придать первоначальному значению этносимвола дополнительную коннотацию, а именно: грусть и тоску по родному краю и дому, в котором остановилось время; вместо ярких предсказательниц весны – ласточек, писатель видит на улице колючие и белые пчелы – снежинки.

В целом переводчику удалось воссоздать художественную образность оригинала; стилистическую окрашенность и смысловое наполнение удалось достичь с помощью концентрации переводчика на образе, несмотря на введение такого необязательного элемента предложения, как прилагательное *fat*, что значительно сужает смысловую объем поэзии: «Ліпаті, білі і колючі бджоли / Неквапно кружеляють по над ним...» [9, p. 74]. В рамках эмоциональной интерпретации переводчик усиливает образ неторопливости и зимнего покоя за счет экспрессивно равноценных уточнений *sluggishly circle and swell*: «The white and the stinging fat bees take to flight, / Around it they sluggishly circle and swell...» [9, p. 75].

В стихотворении В. Симоненко «Вихвалять, і славити, й кричати...» актуализируется место рая, в который попадают художники после смерти. Называя рай «небом вечности», автор отождествляет пчел со смертными, которые удлиняют гениям жизни. Пчела в данном контекстуальном окружении приобретает особое индивидуальное-личностное содержание: *Мудрости своєї по краплині / Смертні вам, як бджоли, віддали*. В переводе А. М. Фрейшин-Чировского символика лексемы пчелы была воспроизведена словарным соответствием *bees*: «Their wisdom slowly, drop by drop / The mortals gleaned for you like bees». Смысловая и эстетическая информация специфическим образом интегрируется в образно-художественной структуре поэтического текста, единицей которого выступает этносимвол, требующий адекватной интерпретации. Общеизвестно, что в сознании украинской лингво-

культуры пчела ассоциируется с трудолюбием, а также является «символом душевной чистоты – набожности и святости» [11, p. 30]. Связь пчелы с Богом, осознание ее медиатором между небом и землей прослеживаются в таких названиях, как «Божья птичка», «Божья мушка». Отождествление пчелы со смертным может показаться не понятным для англоязычного читателя, более того, разное культурное наполнение символа вероятно приведет к ошибочному его толкованию. Рассмотрим еще один пример: «А тепер гудуть над ними бджоли / І поважні пустуни-джмелі» [9, p. 70].

Перевод Чировского: «And now with bees the berries teem, / They're swarmed with horde of wasps and bees» [9, p. 71].

Переводчик замещает оригинальный этносимвол шмеля неудачно подобранными соответствиями *wasps and bees*, что приводит к культурной асимметрии и делает культурное наполнение символического образа в целом более резким. В украинской культуре шмеля принято считать полезным насекомым, которое имеет репутацию труженика-опылителя растений, которые имеют приятный запах. Находим подтверждение этому в известной басне Григория Сковороды «Бджола і Шершень». Автор считает, что пчела, как и шмель, символизирует мудрого человека, который трудится в «спорідненому ділі», то есть по своему призванию. Общеизвестно, что все переводчики практикуют способ разворачивания конструкций путем добавления уточняющих элементов, применяют описательный перевод, умышленно вводят некоторые языковые элементы для увеличения эмоционально-экспрессивного заряда. В данном случае переводчик вводит уточняющие выражения *they're swarmed, hordes of*, которые неестественно расширяют синтаксическую структуру подлинника, нарушая его эквилинеарность.

Находим еще одно использование этносимвола *шмель* в поэзии В. Симоненко «Я чую у ночі осінні». В рассматриваемом примере этносимвол метафоризируется с экспрессивно заряженным образом шмелей: «Вростаю у небо, високе, / Де зорі – жовті джмелі, / І чую: пульсують соки / У тіло моє з землі» [10, p. 36].

Перевод А. М. Фрейшин-Чировского: «I swiftly grow towards the apse of the sky, / Where the stars like hornets abound. / And the saps ease right through me and I / Feel the juice as it flows from the ground» [9, p. 37].

В переводе этого фрагмента имел место тематический сдвиг, который возникает, как известно, из-за потери определенных денотативных отношений, вследствие чего денотация уступает место коннотации. В частности, лексема *шмель* была переведена как *hornet* 'шершень'. Учитывая культурно-детерминированное представление украинского читателя о пользе шмеля и бесполезности шершня, неуместным считаем использование переводчиком парафразы, которая изрядно отдаляет читателя от этнокультурной смысловой нагрузки подлинника.

Итак, животные этносимволы являются одними из ключевых в творчестве украинских шестидесятников и несомненно необходима их точного воспроизведения в переводе. В этом ракурсе важными представляются теоретические наработки экотранслатологии, а именно четкое осознание

того, что межкультурное посредничество переводчика в экологической плоскости текста-перевода становится возможным в первую очередь за счет интуитивной компетенции, отражает индивидуальный культурологический опыт переводчика, а затем обеспечивает или лишает текст перевода этнокультурного наполнения. Перспективу дальнейшего исследования в этом направлении видим в переводческом анализе лингвокультурологического характера этносимволики с зоонимическим компонентом на материале англоязычных поэтических переводов произведений Л. Костенко, И. Драча и Д. Павлычко, что в свою очередь будет способствовать поиску оптимальных переводческих стратегий воспроизведения этносимволики в английских переводах.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Wu, J.* The Analysis of Cultural Gaps in Translation and Solutions / J. Wu // *English Teaching* . Vol. 1, 2. – 2008. – P. 123–127.
2. *Wisniewska, K.* The role of English as a mediating and target language in intercultural and interethnic contacts: PhD thesis / K. Wisniewska. – Poznan, 2015. – 193 p.
3. *Ребрій О. В.* Сучасні концепції творчості у перекладі / О. В. Ребрій. – Харьков : ХНУ імені В. Н. Каразіна, 2012. – 376 с.
4. *Шум О. В.* Відтворення лексико-стилістичних домінант української художньої прози другої половини ХХ століття перекладачами-емігрантами: автореф. дис. на зобуття наук. ступеня канд. філол. наук : спец. 10.02.16 «Перекладознавство» / О. В. Шум. – Київ, 2017. – 22 с.
5. *Malamud R.* Poetic Animals and Animals Souls / R. Malamud. – N. Y.: Palgrave Macmillan, 2003. – 212 p.
6. *Маринчак В. А.* Настоятельность сказанного. Катастрофическое сокровенное – сакральное в искусстве слова / В. А. Маринчак ; Харьковская правозащитная группа. – Харьков : Права людини, 2010. – 344 с.
7. *Kopalinski, W.* Słownik symboli / W. Kopalinski. – Warszawa : Oficyna Wydawnicza Rytm, 2006. – 521 s.
8. *Ferber, M.* A dictionary of Literary Symbols / M. Ferber. – N. Y. : Cambridge University Press, 1999. – 271 p.
9. Four Ukrainian poets: Drach, Korotych, Kostenko, Symonenko [edited, with an introduction by George S.N. Luckyi. Translated by Martha Bohachevsky-Chomiak and Danylo S.Struk]. – N. Y. : Quixote, 1969. – 84 p.
10. Granite oblesisks / V. Symonenko; selected, transl. and annot. A. Freishen-Chirovsky. – Jersey City, New Jersey : Svoboda, [s. a.]. – 149 p.
11. *Войтович, В. М.* Українська міфологія / Валерій Войтович. – Вид. 4-те. – К. : Либідь, 2015. – 664 с.

The article is dedicated to the study of ethno-cultural potential of zoonimic symbols in the works of Vasyl Symonenko, a well-known Ukrainian poet of the 1960s, through the prism of poetic translation. A significant component of the research is the problem of translational interpretation borders of ethnosymbolism.

Поступила в редакцію 05.03.18

Г. В. Янкута

ФЕМІНІСЦКАЕ ПЕРААСЭНСАВАННЕ ЧАРОЎНАЙ КАЗКІ
Ў РАМАНЕ М. ЭТВУД «НЯВЕСТА-РАБАЎНІЦА»

В статье рассматриваются жанровые особенности романа М. Этвуд «Невеста-воровка», который является парафразом сказки братьев Гримм «Жених-разбойник». Определяются приемы, образы и мотивы, позаимствованные из волшебной сказки, и анализируется феминистский характер их переосмысления. Структура романа сопоставляется со структурой волшебной сказки и делается вывод, что игра с жанровыми кодами сказки помогает М. Этвуд пересмотреть гендерные стереотипы, характерные для этого жанра, и проследить изменения в женском сознании, которые принесла вторая волна феминизма.

Раман канадскай пісьменніцы М. Этвуд (Margaret Atwood, нар. 1939) «Нявеста-рабаўніца» (*The Robber Bride*, 1993) уяўляе сабой складанае жанравае ўтварэнне, дзе на першы план выходзіць псіхалагічны складнік. Тры галоўныя гераіні твора, сяброўкі Тоні, Харыс і Роз, па чарзе сутыкаюцца з гераіняй-антаганісткай, Зініяй, якая спакушае іх партнёраў і разбурае стасункі, руйнуючы жыцці прывабленых мужчын. Кожная з трох жанчын пасвойму пераадольвае пакутлівы досвед дзяцінства і спраўляецца з бядой, якую прынесла разбуральніца: твор будуюцца вакол іх стасункаў з самімі сабой, іх узаемнага сяброўства і дачыненняў з Зініяй. Важную ролю адыгрывае элемент фантастычнага: у творы можна выдзеліць рысы чароўнай казкі і гатычнага рамана.

Дж. Віскер (Gina Wisker) вызначае жанр рамана «Нявеста-рабаўніца» як «ghost tale» (казка з прывідамі) [1, р. 80] і прыводзіць шэраг іншых жанравых і субжанравых вызначэнняў твора, прапанаваных даследчыкамі: «ghost story» (гісторыя з прывідамі), «witch fable» (казка пра ведзьму), «female Gothic» (жаночы гатычны раман), «feminist fairytale Gothic» (фемінісцкая гатычная чароўная казка). Падставу для такіх вызначэнняў дае пачатак рамана, у якім Тоні, Харыс і Роз, сустрэўшыся ў рэстаране «The Toxique», раптам сутыкаюцца з Зініяй, якую яны лічылі памерлай ад раку і на пахаванні якой прысутнічалі. Невытлумачальнае паўстанне з мёртвых Зініі, ці то жывой жанчыны, ці то прывіду, дазваляе разглядаць раман у рэчышчы гатычнай літаратурнай традыцыі. Дж. Віскер адзначае, што такі пачатак рамана дазваляе ахарактарызаваць твор як «Gothic magical tale» (гатычную чароўную казку) і, спасылаючыся на даследаванне Ш. Хенген (Shannon Hengen), згадвае шэраг матываў, якія яднаюць раман «Нявеста-рабаўніца» з гатычным жанрам: матывы страчаных маці, бацькаў, што злоўжываюць уладай (*abusive fathers*), зганьбаваных дзяцей, жорсткага выхавання, двойнікоў і наслання супярэчнасцей [1, р. 83].

Назва рамана «Нявеста-рабаўніца» дае чытачу жанравую матывіроўку і адсылае да казкі братоў Грым «Жаніх-рабаўнік» (*Der Räuberbräutigam*; па-англійску – *The Robber Bridegroom*). Гэтая ж казка пераказваецца ў адным

з эпизодаў рамана, дзе Тоні чытае яе дочкам-блізнятам Роз: «The beautiful maiden, the search for a husband, the arrival of the rich and handsome stranger who lures innocent girls to his stronghold in the woods and then chops them up and eats them¹» [2, p. 294]. Аднак дзяўчат не задавальняюць традыцыйныя казачныя сюжэты, якія трансліруюць ідэі гendarнай няроўнасці, і яны «fight <...> for control of the story²» [2, p. 293], патрабуючы, каб у казках усе мужчыны замяніліся на жанчын: «Winnie the Poو was female, Piglet was female, Peter Pan was female³» [2, с. 293]. На патрабаванне дзяўчат жаніх-рабаўнік з нямецкай казкі ператвараецца ў нявесту-рабаўніцу, аднак пол яе ахвяр не мяняецца: яны застаюцца жанчынамі. Такім парафразам казкі з'яўляецца і сам раман М. Этвуд.

Казка абыгрываецца ў рамане на некалькіх узроўнях. Перадусім пісьменніца пераасэнсоўвае сюжэт братаў Грым, надаючы яму фемінісцкае вымярэнне. Асабліваю ролю ў рамане выконвае прыём інверсіі, які шырока выкарыстоўваецца ў творах, што з'явіліся пад уплывам другой хвалі фемінізму, з мэтай выкрыцця патрыярхальных канвенцый, якія ляжаць у аснове сусветнага мастацтва, міфалогіі і літаратуры. Гэты прыём прадугледжвае замену жаночых роляў у творы на мужчынскія, і наадварот. У класічных літаратурных, міфалагічных ці казачных сюжэтах жанчыны звычайна маюць другаснае значэнне, абумоўленае іх функцыяй: маці, сястра, нявеста, жонка, дачка і г.д. Яны не вылучаюцца ярка акрэсленай індывідуальнасцю, апісваюцца з дапамогай штампаў і з'яўляюцца ў творы толькі як выканальніцы сваёй гendarнай і сацыяльнай ролі. У рамане «Нявеста-рабаўніца» носьбітам актыўнага разбуральнага пачатку, што традыцыйна прыпісваецца мужчыну, аказваецца жаночы персанаж – Зінія, спакушальніца і знішчальніца, якая дзейнічае гвалтоўна і рашуча. Героі-пратраганісты ў творы – таксама жанчыны, менавіта ім прысвечаная большая частка твора, мужчыны адсунутыя на другі план, і іх значэнне для сюжэта не выходзіць за межы іх абумоўленых гendarам функцый. Яны з'яўляюцца бязвольнымі мужамі ці каханкамі і ў гэтай ролі пасіўна падпарадкоўваюцца Зініі і аказваюцца «парэзанымі на кавалкі і з'едзенымі»: Уэст, муж Тоні, сыходзіць да Зініі і праз год вяртаецца да жонкі «dismissed, sacked, ejected⁴» [2, p. 190], Біла, каханка Харыс, які ўхіліўся ад вайскавай службы, Зінія здае ўладам, а Мітч, муж Роз, кінуўшы жонку, неўзабаве здзяйсняе самагубства. Такім чынам, гendarныя ролі мужчын і жанчын, прадстаўленыя ў казцы братаў Грым, мяняюцца ў рамане месцамі, аднак, нягледзячы на тое, што «нявеста-рабаўніца» зводзіць мужчын, ахвярамі ў творы з'яўляюцца іх жонкі і каханкі – менавіта яны перажываюць і асэнсоўваюць сваю страту, а пасля знаходзяць сілы пачаць новае жыццё.

¹ Прыгожая дзяўчына, пошук мужа, прыезд багатага і абаяльнага незнаёмца, што зваблівае нявінніц у сваю лясную крэпасць, дзе дзяўчат рэжуць на кавалкі і з'ядаюць (тут і далей пераклад наш. – Г. Я.).

² Змагаюцца <...> за кантроль над гісторыяй.

³ Віні-Пух быў жанчынай, Парасятка было жанчынай, Пітэр Пэн быў жанчынай.

⁴ Выгнаны, адрынута, выкінуты.

З казкі «Жаніх-рабаўнік» М. Этвуд бярэ матыў канібалізму, што ўжо з'яўляўся ў першым рамане пісьменніцы «Ядомая жанчына» (*Edible Woman*; сама назва твора адсылае да вобразу ахвяры людаеда), дзе метафарычна апісваўся даступны жанчыне жыццёвы сцэнарый, паводле якога яна мусіла выйсці замуж і «быць паглынутай» мужам, хатнімі справамі і мацярынствам. Галоўная гераіня рамана прапануе жаніху замест сябе рытуальную ахвяру – торт у выглядзе жанчыны – і такім чынам вяртае сабе здольнасць рабіць уласны выбар. У рамане «Нявеста-рабаўніца» гэты матыў набывае шырэньшае значэнне і звязаны з вобразам «цёмнай», манструознай жанчыны. Ф. Толан характарызуе гэты твор як «казку пра небяспечную жаночую сексуальнасць» [3, р. 204], дзе Зінія – дэманічная жанчына, «іншая» ў дачыненні да гераінь-прагаганістак. Яна ўвасабляе сексуальныя фантазіі мужчын, скараючы іх, як адзначае Т. Камароўская, «зменай звыклага ім гендарнага стэрэатыпу паводзін» [4, р. 291] і атрымліваючы над імі неабмежаваную ўладу. У той жа час Зінія ўмее знаходзіць агульную мову з жанчынамі і ўваходзіць да іх у давер, каб адшукаць слабыя месцы і выкарыстаць іх у сваіх мэтах. Здольнасці Зініі маніпуляваць прадстаўнікамі абаіх палоў падаюцца ў рамане як неадольныя. Спасылаючыся на працу І. Дункан (Isla J. Duncan), Ф. Толан параўноўвае Зінію з вендыга (*Wendigo*), духам-людзедам з міфалогіі індзейцаў алганкінаў [3, р. 205]. Несумненна, М. Этвуд ведала пра гэты вобраз і цікавілася ім: у 1995 г. пісьменніца прысвяціла яму эсэ «Крываваыя вочы, ледзяное сэрца: вендыга» (*Eyes of Blood, Heart of Ice: The Wendigo*), а таму цалкам верагодна, што ён мог быць адной з крыніц вобраза Зініі, які мае падабенства з сукубам – дэманесай з сярэднявечных легенд, што спакушае мужчын у сне і высмоктвае з іх жыццёвыя сілы, – і вампірам. Так, пасля пэўнага перыяду стасункаў з Зініяй Уэст губляе энергію і робіцца падобным да зомбі, а Роз абвінавачвае яе ў тым, што яна аабрала Мітча і высмактала яго сілы. Ва ўяўленнях трох сябровак Зінія паўстае як пачварнае стварэнне. Харыс, думаючы пра магчымую сустрэчу з ёй, бачыць наступнае: «Zenia would be shooting out blood-red sparks of energy; her black hair would be crackling like burning fat, her eyeballs would be cerise, lit up from within like a cat's in headlights¹» [2, р. 417], Роз разважае: «What kind of blood does she drink?²» [2, р. 438], а Тоні апісвае яе жанчыну «with her bared incisors and outstretched talons and banshee hair³» [2, р. 193]. Дж. Віскер прапануе разглядаць вобраз Зініі ў адным шэрагу з вобразамі Евы, Лаліты, Езавэлі, Медузы, Кіркі і Медэі [1, р. 87] – гэта значыць, вобразамі жанчын, што маюць хтанічную сутнасць альбо асацыіруюцца са злом, грахам, чорнай магіяй ці непрыстойнымі паводзінамі. Такім чынам, вобраз Зініі аб'ядноўвае рысы дэманічных, пачварных і разам з тым агрэсіўна-сексуальных жанчын з казак, міфаў і легендаў, а яе сіла трактуецца як звышнатуральная.

¹ Зінія будзе раскідваць крывава-чырвоныя пырскі энергіі, яе чорныя валасы будуць патрэскаваць, як тлушч на агні, яе вочныя яблыкі будуць вішнёвага колеру, блішчучы, як вочы коткі, калі на іх трапіць святло фар.

² Якую кроў яна п'е?

³ З аголенымі разцамі, выцягнутымі кіпцюрамі і валасамі баньшы.

Важную ролю ў рамане адыгрывае матыў дваініцтва, карані якога вядуць да архетыпу героя і яго негатыўнай копіі, пародыі, што ўвасабляе яго найгоршыя рысы [5, р. 39]. Яшчэ адна надзвычайная рыса Зініі – адсутнасць у яе мінулага. Гэтым яна адрозніваецца ад гераінь-пратэганістак, чыйму дзяцінству ў рамане надаецца вялікая ўвага. Для кожнай з іх Зінія выдумляе сваю версію ўласнага дзяцінства, дэталі якога адлюстроўваюць тое, што жанчыны хочуць пачуць і што ім блізкае і зразумелае. Яна робіцца іх дваініком, каб выклікаць іх давер, і можа быць суаднесена з апісаным К. Г. Юнгам архетыпам Ценю: «Фігура Ценю персаніфікуе ўсё, што суб’ект не прызнае і што яму ўсё ж пастаянна – прама ці ўскосна – навязваецца (напрыклад, недастойныя рысы характару і іншыя несумяшчальныя тэндэнцыі)» [6, с. 447]. Такі дваінік не мае ўласнай формы і здольны ўвасобіцца ў любым абліччы. Аднак Зінія, як іншасветная сіла ў традыцыйных і класічных сюжэтах, не можа ўвайсці ў жыццё сваіх ахвяр сама (варта згадаць, напрыклад, эпізод з «Фаўста» Ё. В. Гётэ, дзе галоўны герой выклікае духаў), – для таго, каб яна перасекла мяжу паміж рэальнасцю і іншым светам, яе трэба запрасіць: «people like Zenia can never step through your doorway, can never enter and entangle themselves in your life, unless you invite them¹» [2, р. 114]. Менавіта таму Дж. Віскер з адсылкай да працы Э. Палумба (Alice Palumbo) параўноўвае стасункі трох жанчын з Зініяй з доўгім працэсам экзарцызму, выгнаннем духаў, якім у рамане ёсць пераасэнсаванне і пераадоленне мінулага [1, р. 87]. Нават манструозны характар вобраза Зініі, якую Роз называе «man-eater» (пажыральніца мужчын), – гэта адлюстраванне цёмных бакоў гераінь-пратэганістак. Роз прызнае, што любая жанчына хацела б аказацца на месцы «нявесты-рабаўніцы»: «Most women disapprove of man-eaters; not so much because of the activity itself, or the promiscuity involved, but because of the greed. Women don't want all the men eaten up by man-eaters; they want a few left over so they can eat some themselves²» [2, р. 392]. Зінія ў дадзеным выпадку – alter ego гераінь-пратэганістак, увасабленне іх мар і жаданняў, якія яны не здольныя рэалізаваць.

З матывам дваініцтва ў рамане звязаны вобраз люстэрка. У фальклоры многіх народаў яно з’яўляецца магічным прадметам, які лучыць паміж сабой свет людзей і свет духаў. Менавіта ў люстэрку тры гераіні рамана ўпершыню бачаць Зінію пасля яе меркаванай смерці і задаюцца пытаннем: «What is she doing here, on this side of the mirror?³» [2, с. 34]. У той жа час адна з функцый люстэрка – паказаць чалавеку яго другое «я», яго ўнутранага дваініка.

¹ Людзі, падобныя на Зінію, ніколі не могуць зрабіць крок у твае дзверы, ніколі не могуць увайсці і ўблытацца ў тваё жыццё, пакуль ты іх не запрасіш.

² Большасць жанчын не ўхваляе пажыральніц мужчын, але не таму, што яны супраць гэтага занятку, ці таму, што вядзецца пра распусту, а праз сквапнасць. Жанчыны не хочуць, каб пажыральніцы з’елі ўсіх мужчын, яны хочуць, каб нехта застаўся, і яны маглі з’есці яго самі.

³ Што яна робіць тут, на гэтым баку люстэрка?

«Mirror, mirror on the wall, // Who is the evilest of us all?»¹ – пытае Роз і атрымае адказ: «Take off a few pounds, cookie, and maybe I can do something for you»² [2, p. 393]. Для Тоні свет Залюстрэчча, свет, у якім словы чытаюцца наадварот і дзякуючы гэтаму мяняюць сэнс, – гэта хованка, у якой яна ратуецца ад таго, што здаецца ёй небяспечным. Так, Тоні, выкарыстаўшы прыём анаграмы, мяняе імя мужа і называе яго не *Stew*, а *West* – гэта яе спосаб кантраляваць тое, што не паддаецца кантролю. Двайнік самой Тоні – гэта *Ynot Tnomerf*, адбітак у люстэрку, які валодае лепшымі якасцямі, чым яго гаспадыня: «Although she was a twin, Tnomerf Ynot was a good deal taller than Tony herself. Taller, stronger, more daring»³ [2, p. 137]. З гэтым дваініком асацыіруецца Зінія: «Tony looks at her, looks into her blue-black eyes, and sees her own reflection: herself, as she would like to be. Tnomerf Ynot. Herself turned inside out»⁴ [2, p. 167]. У Харыс ёсць дваінік, Карэн, якая хаваецца глыбока ў свядомасці жанчыны разам з пакутлівымі ўспамінамі пра перажыты ў дзяцінстве гвалт. Імя Харыс жанчына ўзяла для таго, каб адмежавацца ад гэтых успамінаў, аднак Карэн, выцесненая ў глыбіні падсвядомасці, не знікла, а зажыла ўласным жыццём, уяўляючы для Харыс пагрозу: «Charis is not Karen. She has not been Karen for a long time, and she never wants to be Karen again. She pushes away with all her strength, pushes down towards the water, but this time Karen will not go under. She drifts closer and closer, and her mouth opens. She wants to speak»⁵ [2, p. 232]. Зінія абуджае Карэн, бо часта называе гэтым іменем Харыс і часткова з Карэн атаясамліваецца. Займаючыся з Білі каханнем, Харыс думае пра тое, што значыць быць Зініяй, а зацяжарыўшы, разважае, хто насамрэч зробіцца маці: яна сама, Карэн ці нават Зінія. Стасункі паміж яе alter ego і Зініяй настолькі шчыльныя, што Харыс не заўсёды можа іх кантраляваць. Так, напрыклад, яна мяркуе, што «нявестурабаўніцу» забіла Карэн. Вобраз Роз таксама шчыльна звязаны з матывам дваініцтва: яе дачкі-блізняты ствараюць жаночых дваінікоў мужчынскім персанажам з казак, а сама Роз марыць пра тое, каб ператварыцца ў Зінію: «Sometimes – for a day at least, or even for an hour, or if nothing else was available then five minutes would do – sometimes she would like to be Zenia»⁶ [2, p. 393].

¹ Люстэрка, люстэрка на сцяне, // Хто сярод нас самая злая?

² Скінь некалькі фунтаў і, магчыма, я змагу нешта для цябе зрабіць.

³ Хоць яны былі блізнятамі, Тномэрф Інот была вышэйшай за самую Тоні. Вышэйшай, мацнейшай, больш адважнай.

⁴ Тоні глядзіць на яе, глядзіць у яе блакітна-чорныя вочы і бачыць там сваё адлюстраванне: такой, якой яна б хацела быць. Тномэрф Інот. Сябе, вывернутую навыварат.

⁵ Харыс – не Карэн. Яна доўгі час не была Карэн і не хоча зрабіцца Карэн зноў. Яна з усяе сілы адштурхоўвае яе, пхае да вады, але гэтым разам Карэн сыходзіць пад ваду не хоча. Яна падплывае бліжэй і бліжэй, і яе рот адкрываецца. Яна хоча гаварыць.

⁶ Часам яна хацела – хаця б на дзень, ці хаця б на гадзіну, ці, калі іншых варыянтаў няма, то хаця б на пяць хвілін, – зрабіцца Зініяй.

Паколькі кніга выйшла ў пачатку 1990-х, у час уздыму трэцяй хвалі фемінізму, калі яе прадстаўніцы пачалі пераасэнсоўваць дасягненні другой хвалі, дарэчным падаецца меркаванне Ф. Толан, якая аналізуе вобраз Зініі з гледзішча посткаланіяльнага фемінізму: «Зінія ў тэксце – гэта чужаніца, іншая, пазбаўленая голасу, аднак яна выклікае трывогу, бо адмаўляецца пакінуць пасля сябе ўстойлівы вобраз» [3, р. 219]. Усе гісторыі, што расказвае пра сябе Зінія, – несапраўдныя, а яе адносіны з трыма жанчынамі ў рамане паказаныя праз прызму іх успрымання: гэта канструкт з іх мар, спадзяванняў і страхў. Вобраз Зініі спалучае рэалістычныя і фантастычныя рысы і дае прастору для розных інтэрпрэтацый. Як мяркуе Х. С. Макферсан (Heidi Slettedahl Macpherson), М. Этвуд «выносіць Зінію за межы свету, дзе дабро супрацьпастаўленае злу, і такім чынам дэканструіруе простыя крытычныя падыходы [да гэтага персанажа. – Г. Я.]» [7, р. 67]. Аднак гэты шматзначны вобраз несумненна мае рэвізіянісцкі характар. Па-першае, М. Этвуд даследуе механізмы фармавання вобраза фатальнай жанчыны, «*femme fatale*», і даводзіць яго да абсурду. Па-другое, вобраз Зініі разбурае ўяўленне пра жаночую салідарнасць, важную ў кантэксце другой хвалі фемінізму, бо «іншая» жанчына можа мець іншыя патрэбы. Па-трэцяе, як адзначае Т. Камароўская, Зінія – гэта вобраз моцнай жанчыны, «якая сама стварала сябе і сваё жыццё, была сапраўдным байцом» [4, с. 291], што супярэчыць традыцыйнаму выяўленню жанчыны ў літаратуры. Т. Камароўская ўказвае на амбівалентнасць вобраза Зініі: яна не толькі зруйнавала шлюбы ці любоўныя стасункі Тоні, Харыс і Роз, але і «раскрыла ім вочы на іх уласныя жыцці, што прайшлі ўдалечыні ад рэальнасці, ад якой яны хаваліся» [4, с. 291]. Яе вяртанне мае для гераінь тэрапеўтычны характар і, як адзначае Дж. Віскер, праз расказванне і пераасэнсаванне сваіх гісторый яны атрымліваюць магчымасць «знайсці новы наратыў, які дапаможа ім вырвацца з-пад яе ўплыву, што ўвасабляе іх уласную ахвярнасць і самаадмаўленне» [1, р. 85]. Зінія з'яўляецца тым выпрабаваннем, якое падштурхоўвае трох жанчын да пераадолення мінулага і асэнсавання ўласнай сілы. У глыбіні душы кожная з іх – «іншая» (для сябе, для бацькоў, для партнёраў, для наваколля), і Зінія дапамагае ім гэтую іншасць у сабе ўбачыць і перамагчы.

Больш адназначная інтэрпрэтацыя вобраза Зініі даецца ў апавяданні М. Этвуд «Я сніла Зінію з чырвонымі зубамі» (*I Dream of Zenia with the Bright Red Teeth*), якое з'яўляецца сіквелам рамана «Нявеста-рабаўніца». Яно выйшла ў 2012 г. у часопісе «The Walrus» і потым было надрукаванае ў зборніку «Каменны матрац» (*Stone Mattress*, 2014). У гэтым апавяданні пісьменніца вяртаецца да гісторыі Тоні, Харыс і Роз, даводзячы да канца сюжэтную лінію «Харыс – Білі», якая засталася не завершанай у рамане: дзеянне адбываецца ў ХХІ ст., і гераіні твора ўспамінаюць свае адносіны з Зініяй. Яе вобраз у апавяданні набывае цалкам містычнае гучанне. Тры гераіні, ужо ў нашмат больш іранічным ключы, працягваюць бачыць у ёй разбуральную дэманічную істоту, аднак наратыў фатальнай жанчыны, якая высмоктвае з мужчын энергію, падвяргаецца дэканструкцыі: вампіры пачы-

наюць успрымацца як крыніца пазітыўных эмоцый (сяброўкі збіраюцца па вечарах на сумесны прагляд фільмаў пра вампіраў), а Харыс верыць, што дух Зініі ўсяліўся ў яе сабаку, каб адкрыць ёй вочы на сапраўдную сутнасць Білі і дапамагчы ад яго пазбавіцца. Зінія ў апазданні малюецца як станоўчы персанаж, дзякуючы якому жыцці жанчын змяніліся да лепшага. У творы зноў з'яўляецца матыў людаедства, аднак і ён гучыць жыццесцвярдзальна: Роз прачытала ў медыцынскім часопісе, што ўнутрыклетачны канібалізм садзейнічае даўгалеццю – і такім чынам «man-eating» набывае значэнне ачышчэння, хай сабе і гвалтоўнага, жыцця ад таго, што адмірае, руйнавання старых адносін (цікава, што тут маюцца на ўвазе менавіта адносіны паміж мужчынам і жанчынай) дзеля новых.

У рамане «Нявеста-рабаўніца» М. Этвуд абыгрывае жанравыя коды чароўнай казкі, выкарыстоўваючы элементы яе марфалагічнай структуры, падрабязна апісаныя У. Пропам у працы «Марфалогія казкі» (1928; першы пераклад на англійскую мову выйшаў у 1958 г.). Фабулу рамана можна раскласці на функцыі дзейных асоб, якія выдзеліў У. Проп. Так, у пачатку твора (раздзел «The Toxique»), які можна суаднесці з зачынам казкі, адбываецца прадстаўленне асноўных персанажаў – гэта адпавядае зыходнай сітуацыі казкі, калі, паводле У. Пропа, у твор уводзяцца героі [8, с. 23]. Тры гісторыі ўзаемаадносін жанчын з Зініяй, якія можна назваць трыма хадамі казкі (лічба тры мае сімвалічнае значэнне і сустракаецца ў казках досыць часта, а патраенне дзеяння – распаўсюджаны казачны прыём), маюць аналагічную структуру, што супадае з апісанай У. Пропам:

1) «адлучка» – цяжкія адносіны Тоні, Харыс і Роз з бацькамі, іх адсутнасць, адчужэнне ці смерць, гвалт з боку блізкіх людзей, што траўміруе жанчын і ўплывае на іх далейшае жыццё;

2) «забарона» – жанчыны ведаюць, хто такая Зінія і чым заканчваецца сяброўства з ёй;

3) «парушэнне [забароны]» – нягледзячы на гэта, жанчыны ўпускаюць Зінію ў сваё жыццё;

4) «выведванне»: Зінія прыходзіць да кожнай з жанчын;

5) «выдача [звестак]» – Зінія дазнаецца пра траўмы жанчын і іх слабыя бакі;

6) «падвох» – Зінія просіць пра дапамогу;

7) «саўдзельніцтва» (падманная дамова) – жанчыны пагаджаюцца дапамагчы Зініі;

8) «шкодніцтва» – Зінія спакушае партнёраў жанчын, выкрадае грошы і наносіць іншую шкоду.

Наступны ход чароўнай казкі – вяртанне Зініі, якое перажываецца Тоні, Харыс і Роз сумесна, – гэтак жа можа быць раскладзены на выдзеленыя У. Пропам функцыі: «пуцяводніцтва» – сустрэча жанчын з Зініяй у рэстаране «The Toxique» (назва якога суадносіцца з англійскім словам *toxic* 'атрутны; той, што нясе пагрозу; небяспечны для жыцця' і можа адсылаць да мяжы, дзе сутыкаецца свет жывых і свет мёртвых); «барацьба» – сустрэчы жанчын

з Зініяй у гатэлі, дзе яна спрабуе зноў атрымаць ад іх дапамогу; «клеймаванне» – Зінія наносіць кожнай з жанчын рану, нагадваючы пра балючы эпізод з яе жыцця; «перамога» – кожная з жанчын знаходзіць магчымасць не паддацца Зініі, «ліквідацыя бяды» – таямнічая смерць Зініі; «вяртанне» – суадносіцца з часткай «Outcome», падвядзеннем вынікаў. Чароўным сродкам, што Тоні, Харыс і Роз атрымліваюць ад Зініі, якая аказваецца не толькі казачнай шкодніцай (і, у адпаведнасці з высновамі У. Пропа адносна персанажа-шкодніка, з’яўляецца ў тэксце двойчы, кожны раз невядома адкуль), але і дарыльшчыцай, – становіцца прымірэнне з уласным мінулым і ўласным «я», што дапамагае жанчынам перамагчы Зінію.

Такім чынам, М. Этвуд досыць дакладна ўзнаўляе ў рамане структуру чароўнай казкі, рэвізуючы казачны сюжэт і мяняючы акцэнтны ў сістэме персанажаў, пераносячы ўвагу на гераінь-жанчын. У дадзеным выпадку рэвізія традыцыйных формы і зместу казкі дапамагае асэнсаваць змены, што адбыліся ў канадскім грамадстве за той час, які ахоплівае дзеянне рамана – з 1960-х па пачатак 1990-х гг. У творы згадваецца шэраг значных сацыяльна-палітычных падзей таго часу: уздым фемінісцкіх рухаў, пратэсты супраць вайны ў В’етнаме, падзенне Берлінскай сцяны і інш. Тоні, Харыс і Роз нарадзіліся ў ваенны час, і іх дзяцінства і сталенне былі поўныя болю і траўм, і для таго, каб пераадолець іх наступствы, жанчынам неабходна іх асэнсаваць. На думку Т. Камароўскай, у рамане «Нявеста-рабаўніца» раскрываецца ўплыў фемінізму на псіхіку і жыцці жанчын, «для якіх яго патрабаванне самаідэнтыфікацыі і пошуку дакладнай жыццёвай пазіцыі робіцца ўсвядомленай жыццёвай мэтай» [4, с. 292]. І калі, як мяркуе У. Проп, «адна з першых асноў кампазіцыі казкі, а менавіта падарожніцтва, адлюстроўвае ўяўленне пра падарожніцтва душы ў замагільным свеце» [8, с. 82], то раман «Нявеста-рабаўніца» як парафраз чароўнай казкі можа інтэрпрэтавацца як падарожжа трох жанчын у свет сваёй падсвядомасці і сутыкненне з уласным Ценем, здзейсненыя дзеля таго, каб акрыяць ад траўм і вярнуць сваю самасць.

Змены ў жаночай свядомасці, як паказвае М. Этвуд, адбываюцца паволі, і другая хваля фемінізму не можа вырашыць усе праблемы адразу. У творы падкрэсліваецца актуальнасць узнятых другой хваляй праблем, звязаных з генадарам, жаночасцю і сексуальнасцю, аднак пісьменніца разглядае іх у звязцы з іншымі выклікамі сучаснасці – напрыклад, вайной у В’етнаме. Падобны падыход да дасягненняў другой хвалі фемінізму прасочваецца і ў іншых творах М. Этвуд, напрыклад, рамане «Гісторыя Служанкі». Роз, адзіная з трох гераінь, заангажаваная ў фемінісцкі актывізм, чыя супраца з часопісам «Wise Woman World» адлюстроўвае розныя этапы развіцця руху, задае сабе пытанне, ці можа фемінізм вырашыць праблемы жанчын: «“The Other Woman will soon be with us,” the feminists used to say. But how long will it take, thinks Roz, and why hasn’t it happened yet?» [2, p. 392]. Гэтае пытанне

¹ «Іншая жанчына хутка будзе з намі», – казалі феміністкі. Але колькі часу на гэта спатрэбіцца, думае Роз, і чаму гэта ўсё яшчэ не адбылося?

сведчыць пра тое, што пісьменніца адчувае тупік, у які зайшла другая хваля: ці не ёсць Зінія, «пажыральніца мужчын», той самай «іншай жанчынай», якую мусіў выгадаваць фемінізм? Бо яе паводзіны цалкам стасуюцца з найбольш радыкальнымі фемінісцкімі ідэямі: «According to the feminists, the ones in the overalls, in the early years, the only good man was a dead man, or better still none at all¹» [2, p. 391]. Выйсце з гэтага тупіка ў рамане паказанае – гэта выхаванне новага пакалення жанчын, якія будуць мець нашмат лепшую сувязь са сваім «я» і сваім Ценем, пакалення, больш упэўненага ў сваіх жаданнях, што не будзе баяцца праяўляць свае цёмныя бакі. Прадстаўніцы такога пакалення ў творы – гэта дзеці Роз і дачка Харыс. Так, напрыклад, адна з забаў блізнят – абражаць адна адну бруднымі лаянкавымі словамі, што выклікаюць у іх смех. Менавіта блізнятны патрабуюць новых казак, у якіх дзейнічаюць толькі жанчыны. І калі старэйшыя жанчыны ў рамане здолелі зрабіцца моцнымі, з пакутамі змагаючыся за самапавагу і самаўпэўненасць, то малодшае пакаленне прыйшло ў жыццё, ад пачатку маючы ў сабе гэтыя якасці.

Яшчэ адна казка, якая пераасэнсоўваецца ў рамане, – гэта казка пра воўка і трох парасят, якія, згодна з патрабаваннямі блізнят, ператвараюцца ў персанажаў жаночага полу і асацыіруюцца з Зініяй («воўк у авечай скуру») і трыма жанчынамі. Воўк па чарзе разбурае дамкі парасят, пакуль сам не трапляе ў пастку. Дзяўчаты змяняюць і канец казкі: у кацёл з кіпнем мусіць трапіць не воўк, а нехта з парасят, бо «they had been the stupid ones²» [2, p. 294], воўк жа выклікае ў іх захапленне сваёй кемлівасцю і актыўнасцю. Такі іранічны перагляд як самой казкі, так і гісторыі пра Зінію дапаўняе апісанне малодшага пакалення жанчын у рамане, якое адчувае сябе настолькі ўпэўнена, што ад пачатку не мае страху перад знішчэннем старога дзеля новага, «унутрыклетачнага канібалізму».

Такім чынам, раман М. Этвуд «Нявеста-рабаўніца» з’яўляецца ўзорам фемінісцкай гульні з жанравымі кодамі чароўнай казкі. У творы пісьменніца аддае галоўную ролю жанчыне, якая зваблівае чужых мужоў і руйнуе іх жыццё. Такі жанр, як казка, у дадзеным выпадку зазнае шэраг змен. Аўтар пераасэнсоўвае характэрныя для яго гэндарныя стэрэатыпы: актыўнай асобай і носьбіткай разбуральнай сілы ў творы робіцца жанчына, мужчыны ж, як нявесты ў казцы братаў Грым, аказваюцца ахвярамі, пасіўна падпарадкоўваюцца лёсу і трапляюць у пасткі, расстаўленыя для іх рабаўніцай. Такі фемінісцкі парафраз чароўнай казкі з элементамі гатычнага рамана дазваляе прасачыць змены ў жаночай свядомасці, што пацягнула за сабой другая хваля фемінізму, іх супярэчлівы характар і незавершанасць працэсу, які ставіць перад жанчынамі новыя выклікі.

¹ Паводле феміністак, тых, што ў раннія гады руху хадзілі ў камбінезонах, адзіны добры мужчына – гэта мёртвы мужчына, а лепш увогуле ніякага.

² Бо яны былі дурныя.

ЛІТАРАТУРА

1. *Wisker, G.* Contemporary Women's Gothic Fiction: Carnival, Hauntings and Vampire Kisses / G. Wisker. – London: Palgrave Macmillan, 2016. – 269 p.
2. *Atwood, M.* The Robber Bride / M. Atwood. – London: Virago Press, 1994. – 468 p.
3. *Tolan, F.* Margaret Atwood : Feinism and Fiction / F. Tolan. – Amsterdam; N. Y. : Rodopi, 2007. – 322 p.
4. *Комаровская, Т. Е.* Авторские стратегии в романе М. Этвуд «Похитительница женихов» / Т. Е. Комаровская // Антропология времени : сб. науч. ст. : в 2 ч. / ГрГУ им. Я. Купалы ; редкол.: Т. Е. Автухович (гл. ред.) [и др.]. – Гродно : ГрГУ, 2017. – Ч. 1. – С. 287–292.
5. *Мелетинский, Е. М.* О литературных архетипах / Е. М. Мелетинский. – М., 1994. – 136 с.
6. *Юнг, К. Г.* Бог и бессознательное : сборник / К. Г. Юнг ; сост. и авт. предисл. П. С. Гуревич. – М. : АСТ, Олимп, 1998. – 480 с.
7. *Macpherson, H. S.* The Cambridge Introduction to Margaret Atwood / H. S. Macpherson. – Cambridge: Cambridge Univ. Press, 2010. – 158 p.
8. *Пропп, В. Я.* Морфология [волшебной] сказки ; Исторические корни волшебной сказки / В. Я. Пропп ; сост., науч. ред., текстолог. коммент. И. В. Пешкова. – М. : Лабиринт, 1998. – 511, [1] с.

The article is dedicated to the genre analysis of the novel “The Robber Bride” by the Canadian writer M. Atwood which is a paraphrase of the Grimm Brothers' fairy tale “The Bridegroom”. The devices, images and motifs borrowed from the fairy tale are defined, and the feminist character of their interpretation is analyzed. The structure of the novel is compared with the structure of the fairy tale and it is concluded that playing with fairy tale genre codes helps M. Atwood to reconsider the gender stereotypes common to this genre and to trace the changes in the female consciousness that the second wave of feminism brought.

Поступила в редакцию 22.03.18

НАШИ АВТОРЫ

Бусел Татьяна Викторовна – кандидат филологических наук, доцент кафедры иноязычного речевого общения МГЛУ. Тел. 294-75-74.

Васильева Татьяна Юрьевна – доцент кафедры русского языка факультета подготовки иностранных граждан Витебского государственного ордена Дружбы народов медицинского университета. Тел. (+ 375 29) 512-95-11.

Глазко Павел Петрович – кандидат филологических наук, зав. кафедрой восточных языков. Тел. 284-77-02.

Долматова Екатерина Дмитриевна – заместитель декана факультета английского языка, кандидат филологических наук МГЛУ. Тел. 288-25-71.

Змудяк Галина Абрамовна – кандидат филологических наук, доцент кафедры фонетики и грамматики французского языка МГЛУ. Тел. 2844748.

Кохнович Татьяна Константиновна – кандидат филологических наук, доцент кафедры фонетики и грамматики немецкого языка МГЛУ. Тел. 284-81-31.

Книга Юлия Анатольевна – магистрант кафедры теоретической и прикладной лингвистики Могилёвского государственного университета имени А. А. Кулешова. Тел. +375 29 747-69-28, e-mail: yuliakniga96@mail.ru.

Кудрявцева Ирина Константиновна – кандидат филологических наук, доцент кафедры зарубежной литературы МГЛУ. Тел. 288-25-63.

Лаптенюк Ирина Брониславовна – кандидат филологических наук, заместитель директора по учебной работе Института повышения квалификации и переподготовки кадров Белорусского государственного университета культуры и искусств. Тел. 266-27-19.

Литвинович Анжелика Генриховна – кандидат филологических наук, доцент кафедры перевода и межкультурной коммуникации Гродненского государственного университета им. Я. Купалы. Тел. (8-0152) 74-43-87, e-mail: anzhelalsh@tut.by.

Ломовая Анжелика Витальевна – кандидат филологических наук, доцент кафедры стилистики английского языка МГЛУ. Тел. 288-25-63.

Маркелова Анастасия Андреевна – аспирант кафедры теории и практики перевода с английского языка Киевского национального университета имени Тараса Шевченко; старший преподаватель отдела языковой подготовки Национальной академии прокуратуры Украины. Тел. +38(068) 876-51-75.

Михалькова Надежда Васильевна – кандидат филологических наук, доцент кафедры теории и практики китайского языка МГЛУ. Тел. 288-22-15.

Сысоева Татьяна Александровна – доцент кафедры речеведения и теории коммуникации МГЛУ, кандидат филологических наук. Тел. 288-25-71.

Тараканова Мария Михайловна – выпускница факультета межкультурных коммуникаций МГЛУ (2017/18 уч. г.). Тел. 288-25-71.

Шевцова Алеся Константиновна – кандидат филологических наук, доцент кафедры английской филологии и культуры Могилёвского государственного университета им. А. А. Кулешова. Тел. (8-0222) 28-40-30.

Шилей Елена Валерьевна – аспирант кафедры речеведения и теории коммуникации МГЛУ. Тел. 288-25-71.

Янкута Анна Валерьевна – аспирант кафедры зарубежной литературы БГУ. Тел. 327-12-94.

ВЕСТНИК МГЛУ

Серия 1. Филология

№ 2 (93), 2018

Научно-теоретический журнал

Ответственный за выпуск *Л. А. Тарасевич*

Редакторы: *Е. М. Бобровская, Е. И. Ковалёва*
Ст. корректор *С. О. Иванова*

Журнал зарегистрирован
Министерством информации Республики Беларусь 26 апреля 2010 г.
в Государственном реестре средств массовой информации за № 1333.

Адрес редакции: ул. Захарова, 21, 220034, г. Минск
E-mail: vestnik@mslu.by

Подписано в печать 25.04.2018. Формат 60×84 ¹/₁₆. Бумага офсетная. Гарнитура Таймс. Ризография. Усл. печ. л. 7,91. Уч.-изд. л. 9,01. Тираж 100 экз. Заказ 18.
Издатель и полиграфическое исполнение: учреждение образования «Минский государственный лингвистический университет». Свидетельство о государственной регистрации издателя, изготовителя, распространителя печатных изданий от 02.06.2014 г. № 1/337.
ЛП № 02330/458 от 23.01.2014 г. Адрес: ул. Захарова, 21, 220034, г. Минск.

Индекс подписки 75017/750172